

НА

Закон есть.
А статус?

БОЕВОМ ПОСТУ

Вечная
песня о главном

Батальоны
просят... рубля

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

7'98

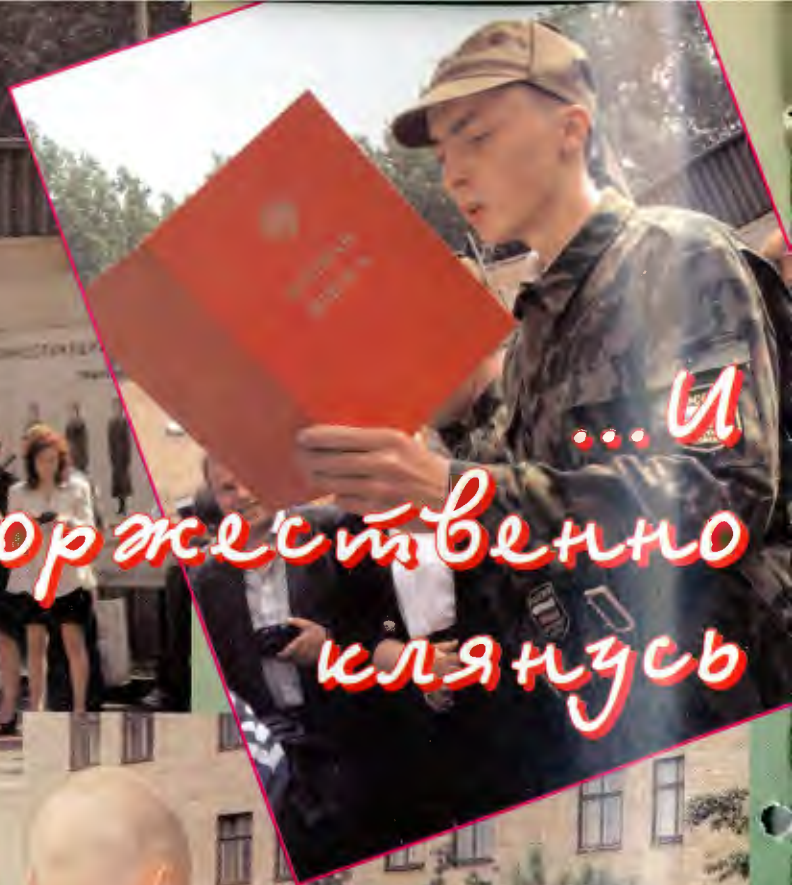

Фото Ильи ЗЛОТНИКА

Вечная песня о главном

Июль для войск — пора горячая. Подведены итоги зимнего периода обучения. Уточнены планы с поправками на ветер неумолимых обстоятельств. И вот — очередная семестр: на стрельбищах и полигонах, в классах и спортивных городках, на кроссовых дистанциях и верстах маршей. С каким багажом знаний и навыков придут военнослужащие к экзаменам летней учебной страды, сумеют ли успешно выполнить поставленные задачи? Этот вопрос волнует всех генералов и офицеров, глубоко осознавших приоритетное значение боевой подготовки в повседневной деятельности стражей правопорядка. Волнует потому, что внутренние войска идут к намеченным рубежам с грузом проблем, которые с каждым годом все сильнее давят на плечи людей в погонах. Постоянно растущий дефицит финансов и материальных средств, кадровые бреши, обветшавшая до крайности учебная база, недостаточная укомплектованность вооружением и техникой... Даже элита войск — спецназ испытывает трудности в обеспечении учебного процесса.

Перелистав подшивки нашего журнала за несколько лет, могу смело утверждать: об этих проблемах шла речь почти в каждом номере "На боевом посту". Интервью руководителей органов управления, главы и командующих округами, статьи и корреспонденции журналистов, письма читателей отражают непростые реалии войсковой жизни, заставляющие плузивых работать на пределе, дают богатую пищу для размышлений на тему: "Приказано выстоять, сохранить боеспособность. А как?". Обсуждают опыт подготовки частей и подразделений в сложнейших условиях, когда приходилось выполнять миротворческую миссию в горячих точках, бороться с нечеловеческими бандформированиями, одновременно следуя по азимуту реформ. А главное — многие публикации, по злободневным вопросам обучения и воинского воспитания выражают робкий настрой, credo передовой части офицерского корпуса: принимая вызов времени в лице санкций, страшно далеких от ряд армий и МВД, наперекор лишениям и бедам, стоящим образом учить подчиненных воинскому делу. На том и стоим.

Предвижу: материал, кто-нибудь из скептиков, уставших бороться с трудностями, отмахнется — много ли толку в красках, словах о долге и чести, на голом энтузиазме далеко не уедешь. Что ж, вот факты. Как отмечалось при подведении итогов в Главкомате, основные мероприятия Плана подготовки войск в зимнем периоде выполнены. По данным анализа, возросло профессиональное мастерство артиллеристов, авиаторов, личного состава отрядов спецназа, ряда ЧОН, СМВЧ, частей по охране важных государствен-

ных объектов. Внедряются в практику боевой подготовки совместные учения и тактические занятия мотострелковых, разведывательных и артиллерийских подразделений. Несмотря на дыры в бюджете проводится работа по созданию и совершенствованию учебных объектов. Есть и другие плюсы.

Безусловно, с нормальным снабжением и финансированием достижения были бы значительно весомее, офицеры, освободившись от унизительной роли просителей и доставал, смогли бы полностью сосредоточиться на выполнении должностных обязанностей. Но прибегать в данном контексте к сослагательному наклонению, напоминать, какой ценой оплачиваются маленькие подвижки на фоне больших проблем, — только душу травить. Кому сейчас легко — шахтерам, учителям, врачам, ученым, крестьянам вконец разоренных хозяйств? Весь трудовой народ доведен до отчаяния. И вряд ли завтра будет лучше, чем сегодня.

В такой непредсказуемой обстановке военным остается одно — набравшись терпения, работать как и раньше, в заданном режиме, самим решать свои проблемы. Эффективно используя созданную материальную базу, привлекая в действие внутренние резервы, ликвидировать серьезные недостатки, связанные в первую очередь с человеческим фактором боеготовности (слабые навыки по управлению подразделениями, методическая и техническая безграмотность отдельных офицеров, особенно в звании взвод—рота, безответственность, нераспорядительность при подготовке занятий). Тот, кто руководствуется главной формулой успеха — строго спрашивает с себя, своевременно исправляет ошибки — в критическую минуту сможет выдержать главную проверку — проверку боем, — мнение мудреных опытом командиров и начальников, прошедших Чечню.

Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаний — записано в приказе А. В. Суворова об обучении солдат тактике действий. Смысл проверенной веками истины в сегодняшних приказах и директивах влит в лаконичную и простую, как штык, формулу: "Боевая учеба — главная задача".

Информировать войска о том, как возрастает искусство от учебных "испытаний", — приоритетная задача журнала. Выполнять ее будем вместе с вами, читатели, с вашей помощью. Письмам на темы боевой подготовки — зеленый свет!

Полковник Юрий КИСЛЫЙ,
начальник отдела войсковой жизни

Из редакционной

СОЛДАТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ...

Вспоминаю эту поговорку, читая в военной прессе материалы о проблемах, волнующих защитников Отечества. Горько сознавать, что спустя более полувека после Победы над фашистской Германией Российская армия и внутренние войска находятся в бедственном положении, нет средств для обеспечения высокой боеготовности Вооруженных сил. Мне, ветерану, испытавшему все тяготы войны, в это трудно поверить.

Расскажу, как учили военному делу нас в начале 40-х. Я был призван на службу в 52-й полк войск НКВД, который дислоцировался в Петрозаводске. Только что закончилась финская кампания, выявившая большие изъяны в системе подготовки Красной Армии и войск НКВД. Новое руководство Наркомата обороны во главе с маршалом С.К.Тимошенко начало серьезную перестройку боевой учебы. Прежде всего совершенствовались физическая подготовка и ратная выучка. Это достигалось многокилометровыми маршбросками, полевыми выходами с ночевками в лесу при двадцати-тридцатиградусных морозах. Ежедневно я и мои товарищи проходили на лыжах или пешком по 30 километрам. Раз в неделю — суточный полевой выход с боевой стрельбой и тактическими занятиями. Зимой 41-го наш полк совершил 250-километровый марш по тайге с полной боевой выкладкой. При подведении итогов красноармейцы, получившие обморожения, были подвергнуты суровым дисциплинарным взысканиям: подобные случаи расценивались как сознательное членовредительство. Строго наказывали и тех, кто отлынивал от занятий, халатно обращался с оружием. Поблажек не было никому. Ни бойцам, ни командирам, которые делили с подчиненными все тяготы и лишения.

Занятия, как правило, проводились в лесистой местности, с преодолением преград, форсированием многочисленных речушек и обязательной отработкой различных вводных. Было невероятно трудно. Но мы постоянно чувствовали заботу о себе. Страна старалась обеспечить вооруженных защитников всем необходимым.

А что сегодня? Из-за отсутствия материальных средств во многих подразделениях срываются занятия по огневой подготовке, вождению боевых машин. Тактические учения с боевой стрельбой проводятся от случая к случаю. Как в таких условиях научить военному делу молодого солдата, а офицеру совершенствовать командирские навыки?

Вспоминаю свою учебу на курсах по подготовке снайперов. Мы дневали и ночевали в лесу. Учились метко

стрелять и правильно маскироваться, сливаться с местностью. Гоняли нас до седьмого пота. За день приходилось десятки раз менять позиции, часами лежать без движения, ведя наблюдение за "противником". И все это ради одного выстрела.

Первые же бои с фашистами показали, что учились мы не напрасно, в жестоких и кровопролитных схватках давали достойный отпор врагу. В том, что гитлеровцам не удалось замкнуть вокруг Ленинграда второе блокадное кольцо, есть заслуга и бойцов нашего полка. Вместе с другими снайперами я ходил на боевые задания. К началу зимы 41-го на моем личном счету было восемь убитых солдат и офицеров противника. До сих пор бережно храню свою снайперскую книжку. Это мой аттестат на солдатскую зрелость.

В победном мае 45-го мы твердо верили: эта война — последняя, на российской земле больше никогда не прольется кровь. Но мы ошиблись. Нашим внукам и правнукам тоже пришлось стать фронтовиками. Вооруженный конфликт в Чечне — это боль России. И он вновь напомнил, что умелыми бойцами не рождаются, а становятся в ходе повседневной напряженной боевой учебы.

К сожалению, у нас часто забывают уроки истории. Чему научит нас чеченский поход? Вопрос пока остается открытым...

**Полковник в отставке Павел ГЛЕБОВ,
участник Великой Отечественной войны,
ветеран внутренних войск**

г. Москва

УЧИМСЯ НАПЕРЕКОР ТРУДНОСТЯМ

Еще недавно нашу часть часто критиковали за слабую боевую подготовку. И, надо сказать, справедливо. Упущения были. Повальный дефицит и экономия на всем, изнурительная борьба за выживание привели к тому, что многие офицеры перестали всерьез учить солдат и сержантов. Обида взяла верх над чувством профессионального долга. Сами посудите, денег во времена не платят, все мысли о том, как прокормить бедствующие семьи, а тут еще крутись, добывая средства на боевую учебу. В общем, стали жить по принципу: "День прошел и ладно".

Для борьбы с пофигизмом командование части избрало самый простой способ. Игнорируя объективные причины низкого качества занятий, обрушило на ротных и взводных лавину дисциплинарных взысканий. Наказали почти всех офицеров подразделений, а застрявший воз так и не сдвинулся с места. Хуже того, в штаб один за другим полетели рапорта на увольнение из войск...

Все изменилось с приходом нового командира. Нет,

ПОЧТЫ

полковник Сергей Камбаров тоже строго спрашивает за упущения. И денег после его назначения на должность в казне части не прибавилось. Но сдвиги в отношении людей к службе произошли. И явно в лучшую сторону. А все потому, что комбриг неукоснительно следует правилу: "Меньше слов, больше дела". К примеру, видит, что ротный нуждается в помощи, поддержке, — обязательно пойдет навстречу, сделает все от него зависящее для того, чтобы устранить узкие места в работе офицера. Ну а если тот сам в состоянии решить свою проблему, но самоустранился, — пожалуйста в кабинет для серьезного разговора. Стопроцентного выполнения учебных планов не требует, понимая, что при бюджетном дефиците это невозможно. Главное — дать бойцу самые необходимые знания и навыки, без которых он не сможет уверенно действовать в реальном бою. Такова жесткая установка полковника Камбарова в организации боевой учебы.

Проверка показала: наш воинский коллектив готов к выполнению задач по поддержанию мира и стабильности на Северном Кавказе. Есть недоработки, есть недостатки, над устранением которых трудятся сейчас офицеры штаба и подразделений. Конечно, при наличии денег все наши проблемы решались бы значительно быстрее. Но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Используя опыт Чечни, учимся воевать сами и учим подчиненных.

Майор Владимир БОНДАРЕНКО

*Северо-Кавказский округ
внутренних войск*

ВОЙНА ИХ СДЕЛАЛА БОЙЦАМИ

Многому учит война. И в первую очередь — умению находить выход из любой, порой предельно сложной ситуации. Храбрость и отвага — качества, безусловно, ценные и необходимые в бою. Но выжить и победить коварного противника сможет только тот, кто уверенно владеет оружием, имеет за плечами солидный багаж военных знаний и навыков. За годы службы, особенно во владикавказском соединении, убеждался в этом неоднократно. Все части и подразделения дивизии принимали активное участие в боевых действиях против чеченских бандформирований. Особенно тяжелые, кровопролитные бои солдатам и офицерам пришлось вести под Гехами, Самашками, Серноводском, в августе 96-го в Грозном. Преклоняюсь перед мужеством и стойкостью этих людей.

Кого-то из них я знал давно, по совместной службе в Сибири, Закавказье, на Северном Кавказе. С другими познакомился уже здесь, в Северной Осетии. Обычные,

ничем не выделявшиеся в повседневной жизни люди, в боевой обстановке они раскрылись совершенно с другой стороны, показали себя настоящими воинами, умелыми командирами.

Вспоминается поездка в только что освобожденный от боевиков Грозный. От аэропорта до военного городка 101-й бригады я — заместитель комдива и сопровождавшие меня офицеры штаба добирались на БТРах вместе с бойцами одного из подразделений. Водитель впереди идущей "коробочки" решил объехать огромную воронку и резко крутанул руль вправо. Раздался взрыв.

— Жми на газ и объезжай его слева, — крикнул нашему водителю один из штабных офицеров.

— Отставить обгон, сынок! — спокойно сказал сидевший на переднем сиденье капитан — старший бэтра. Связавшись с экипажами следовавших за нами машин, приказал остановиться. Затем, на секунды прильнув к триплексу и быстро оценив обстановку, дал команду укрыть "броник" за развалинами дома, а наводчику КПВТ и сидевшим бойцам — приготовиться к бою. Убедившись, что это не засада, выскочил из машины и перебежками устремился к налетевшему на мину бронетранспортеру.

Через несколько минут, зацепив тросом подорванный бэтр, экипаж которого, к счастью, не пострадал, мы продолжили путь и благополучно добрались до расположения бригады. Я сознательно не вмешивался в действия капитана. Воевавший не один месяц, он принял верное решение в сложившейся обстановке, четко выполнял свои обязанности.

Другой пример. Однажды ночью под Самашками боевики атаковали один из наших блокпостов. На нем служил воины, которыми командовал капитан Николаев. Почти три часа вели они бой с "духами". Умело организованная оборона, четкое управление огнем, выдержка и хладнокровие позволили офицеру продержаться до подхода подкрепления. Тяжело раненый, капитан руководил через сержантов действиями своих подчиненных.

Так рождался бесценный фронтовой опыт. Тот самый, который сегодня заложен в основу планов и программ боевой подготовки. По ним постигают ратную науку молодые воины, учатся командиры. И очень обидно, что находятся люди, использующие любую возможность уклониться от выезда на полигон, стрельбище или в поле. Недавно стал свидетелем, как добрая половина офицеров управления одного из полков, сославшись на необходимость решения важных служебных вопросов, пропустили занятия по командирской подготовке. Некоторые из них о событиях в Чечне знают только понаслышке.

Лучше, конечно, чтобы боевая учеба для них оставалась просто учебой. Но может случиться так, что действовать придется не в классе, а в реальном бою. Худой мир — лучше доброй ссоры. Но уж коли она произойдет, противника нужно встретить во всеоружии.

**Подполковник
Анатолий НЕЧЕПУРЕНКО**

г.Ростов-на-Дону

Содержание

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА
БОЕВОМ ПОСТУ

№ 7 ♦ 1998

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск
111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная улица,
9а

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

- Ю.КИСЛЫЙ**
Вечная песня о главном 1
Из редакционной почты 2

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

- Н.КАМШЕКИН**
Серезжа, которого любили все 6
Г.ШАХОВ
Алексей, Алешенька... 9

- Ю.КИСЛЫЙ**
Сердце комбата. 13

Комбриг Денисов построил вечером личный состав и сказал: "Всем приказ — отставить слухи о гибели капитана Визнюка. До тех пор, пока не убедимся в этом воочию".

- Б.КАРПОВ**
Земной поклон солдатской матери 19

СЛУЖБА

- В.БАРАНОВ**
Чеченский синдром 23

Основная масса наших солдат и сержантов там — лица славянской национальности, то есть не мусульмане, чужаки. Но более всего тревожит морально-психологическое состояние личного состава...

- В.НИКОЛЬСКИЙ**
Крутись, начбой! 26

Высот в боевой подготовке часть не достигла. При том отношении к учебе, которое сложилось в нашей части, рассчитывать на высокие результаты было бы просто наивно.

- Ю.ВАСИЛЬЕВ**
Батальоны просят... рубля 30

Не хватало прицепов, оборудования для хранения имущества и боеприпасов. На это дело не выделили ни копейки. Пришлось прибегнуть к "хапспособу".

В.ГИЛЕНСЕН

Когда джинн вырывается на свободу. 32

Как предполагают в США, вероятные беспорядки будут более организованными по сравнению с аналогичными событиями в прошлом, проходившими чаще всего спонтанно. Теперь их инициаторами в конфликтных ситуациях выступают сплоченные группы военно-политических лидеров...

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО**И.КАЧУМ**

Умышленное нарушение закона 35

Неуставщина — армейская часть беззакония, творящегося в обществе.

А.ФЕДОРОВИЧ

Закон есть. А статус? 39

РЕТРОСПЕКТИВА**А.ЩЕГЛОВ**

Существуем для пользы людей 42

Н.МАРКЕЛОВ

"С свинцом в груди лежал недвижим я..." 47

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ**Е.РУДНЕВ**

Западня (повесть, окончание) 51

Немцы вошли несколько минут назад, и это хорошо видели Гуринович и Серов. И тот и другой смотрели не отрываясь на окошко, в котором желтел огонек керосиновой лампы...

А.ВЫРВИЧ

Вчера закончилась война (стихи). 62

И.МУЧАК

Три рассказа 64

КАЛЕЙДОСКОП**Г.ШАХОВ**

В мире Дроздова 74

Наш корреспондент беседует с ведущим популярной телепередачи "В мире животных"

Суперкроссворд. 78

Шахматный клуб 80

Главный редактор

ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А.

ЕРМИЛОВ А.М.

(зам. главного редактора)

КАРЕВ А.Н.

(ответственный секретарь)

КАРПОВ Б.В.

КИСЛЫЙ Ю.П.

КУДРЯШОВ В.И.

МУЧАК И.Н.

СИМОНОВ А.В.

ШЕРЕМЕТА В.А.

Художественное

оформление

КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка

ГЕРАЩЕНКО В.П.

ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.

БУКАТКО В.С.

На 1-й странице обложки

фото

А.АЛЕКСАНДРОВА.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и информации

Российской Федерации.

Регистр. № 01420.

Имеет приложения:

газету "Ситуация"

и сборник учебно-

методических материалов

"Войсковой вестник"

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы.

При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал

"На боевом посту", 1998

Сдано в набор 24.05.98 г.

Подписано к печати 30.06.1998 г.

Формат бумаги 84x108 1/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.

Уч.-изд. л. 13,6. Зак. №. 1003

Индекс

для индивидуальных подписчиков —

70610

для предприятий и организаций —

73175

Ордена "Знак почета" типография

"Красная звезда".

123826, ГСП, Москва, Д-317,

Хорошевское шоссе, 38

По страницам Книги памяти

СЕРЕЖКА,

КОТОРОГО ЛЮБИЛИ ВСЕ

Фотографию, которую рядом Сергей Толстоноженко прислал маме через полгода после начала своей недолгой службы, Ольга Григорьевна хранит как зеницу ока: это последний снимок сына. И еще орден Мужества, которым ростовский парень Сергей Толстоноженко посмертно награжден за совершенный подвиг. 20 декабря 1995 года Сергей и девять его сослуживцев погибли, попав в засаду, устроенную чеченскими боевиками в центре станицы Петропавловской.

— Ничем особым Сергей в детстве не выделялся, — вспоминает Ольга Григорьевна. — Он у нас в семье второй. Ждали девочку, а опять родился мальчик. Думали, что братья будут драться между собой. Мальчишки ведь народ неугомонный. А Саша и Сергей жили душа в душу, заботились друг о друге, бабушке помогали. Она с ними нянчилась. Приду с работы, а в доме все прибрано, чистота кругом, уроки сделаны. Подросли — тоже хлопот особых не достав-

ляли. Сергей уживался со всеми. В школе, во дворе. Когда после десятого класса пошел работать в электродепо, быстро сработался с ребятами из бригады. Любили его все. И он тоже любил многих. В армию проводили его в июне 94-го. Обрадовались, когда узнали, что служить будет на Ставрополье.

Последний раз мы виделись в сентябре. Получила от него письмо, прочитала, и на сердце вдруг так тревожно стало, что не выдержала, послала своего старшего сына на вокзал за билетами. На следующий день были уже в Благодарном. Увидела его в пятнистой форме, стриженного, похудевшего и не выдержала, заплакала. А он растерялся,

гладит меня по голове и успокаивает: “Не плачь, мама. У меня все в порядке”. И шутит: “А то, что лишние килограммы сбросил, так это ерунда. Были бы кости, а мясо нарастет”. У меня от этих слов — слезы в три ручья. Еле успокоили они меня с Сашей. Смотрю я на

своего младшенького и не могу насмотреться. Всего полгода прошло, как отправила его на службу, а показалось, что не видала его целую вечность. А Сережа с аппетитом ел домашние пирожки и рассказы-

вал, какие замечательные ребята служат с ним. Разве могла я тогда себе представить, что смерть одной веревочкой навсегда свяжет их с моим сыном в той распроклятой Петропавловской.

— Об этой странице впервые

услышали по телевизору,— перебил маму Александр. — Когда началась война в Чечне, мы его вообще не выключали. Сергей тогда не писал домой уже полтора месяца. Позвонили в часть, нам сказали, что он в командировке. Услышав эту новость, мама очень удивилась: какая может быть командировка у солдата-первогодка. Все прояснилось, когда объявили о вводе войск в Чечню. В том, что Сергей находится там, мы не сомневались. Полк, в котором он служил, дислоцировался в Ставропольском крае. А от Благодарного до границы с Чечней рукой подать. Вот и не отходили от телевизора, надеялись, а вдруг мелькнет на экране знакомое лицо. Когда диктор стала рассказывать о событиях в Петропавловской, мама побледнела и сказала: "А если наш Сережа тоже был там?.." Еле успокоил ее. Я тогда и помыслить не мог, что с братом может что-то случиться. За себя он всегда умел постоять.

Да, Саша Толстоноженко хорошо знал своего младшего брата. Задирой он не был, но уж если случалась во дворе драка, обидчикам спуска никогда не давал. Бывало, домой возвращался с синяком под глазом или ссадиной на руке. Но никогда не жаловался — ни маме, ни родителям своих обидчиков. Рос мужчиной. И в том страшном и неравном бою тоже вел себя как настоящий мужчина. Пока были силы и руки держали автомат, защищал себя и своих товарищей до последнего вдоха.

В тот день воины-благодарницы на четырех "коробочках", с зенитной установкой и

тремя расчетами АГС-17 спешили к мосту через Сунжу, что рядом с Петропавловской, на помощь попавшим в беду братьям-армейцам, но в центре станицы нарвались на засаду. Если бы начальник штаба батальона, возглавлявший сводное подразделение, сумел правильно сориентироваться по карте, кто знает, может быть, и обошли бы тогда похоронки стороной российские дома. Но нужный поворот на окраине станицы майор прозевал, и колонна втянулась в Петропавловскую. Спустя несколько минут на небольшой площади перед Домом культуры разгорелся долгий и ожесточенный бой. Он продолжался двенадцать часов. В телевизионной же сводке новостей информация о нем уместилась всего в несколько слов. Это уже потом, отдавая дань памяти павших, журналисты подробно, в деталях расскажут о мужестве и отваге девятнадцатилетних мальчишек, сумевших оказать достойное сопротивление профессионально обученным боевикам из "абхазского батальона" Шамиля Басаева. Из этих публикаций Ольга Григорьевна и узнала о том, как погиб ее Сережа.

... Первой от прямого попадания вспыхнула "зушка". Лейтенант Илья Кабулов, прикрыв горящую машину своим бэтром, попытался затащить в него убитых и раненых. Тщетно. Выпущенная из РПГ граната огненной стрелой прошла борт и этой боевой машины. И тогда оставшиеся в живых военнослужащие рванули в скверик. Большей части из них удалось добежать до небольшого магазинчика и, забарри-

кадировавшись в нем, открыть ответный огонь.

Вскоре с перебитыми рулевыми тягами встал третий БТР. На ходу и безлюдным остался только бэтээр старшего лейтенанта Сергея Уткина. Бойцы из него вместе со взводным, отстреливаясь, короткими перебежками прорвались в дом, где укрылся с подчиненными лейтенант Илья Кабулов. Поздно ночью двум офицерам с солдатами удалось прорваться из блокадного кольца и к рассвету выйти к своим. Но это будет после. А пока залегшие возле горящих машин бойцы поливали автоматными очередями прочно засевших в школе боевиков и, таща за собой раненых товарищей, ползли к четвертой чудом уцелевшей "коробочке". Первым за спасительной броней укрылся начштаба батальона. Взревев мотором, бэтэр порожняком устремился к окраине, оставив на простреливаемой со всех сторон площади перед Домом культуры тех, кого очень скоро судьба поделила на живых и мертвых. Убедившись, что помощь придет нескоро, они сражались отчаянно.

Укрывшись за колесом подбитой бронемашины и наскоро перевязав себя, Сергей Толстоноженко из своего АКМ посылал очередь за очередью в окна стоящего на противоположной стороне здания и мысленно благодарил того храбреца, кто мочил "духов" из башни их бэтэера. Он так и не узнает, что это Женька Остроухов, наводчик их БТРа, оставшийся в кабине, очередями из своего КПВТ непрерывно стрелял по окнам, дверным

проемам здания, мешал боевикам вести прицельный огонь и выиграл драгоценные спасительные минуты для отхода сослуживцев, которые под командой двух лейтенантов сумели проскочить через площадь. Но что это? Не стало слышно привычного грохота крупнокалиберного. Неужели пулеметчик убит? Сергей не знал, что заминка вынужденная, что "хандривший" и раньше КПВТ вновь заклинило. Отлегло на душе у Сергея только тогда, когда услышал мерную дробь ПКТ. Врете, гады, еще повоюем!

Но через несколько минут, расстреляв последнюю ленту, замолчал и "калашников". "Духи", поняв, что в подбитом БТРе кончились боеприпасы, ударили с удвоенной силой. Прижав автомат к плечу и поймав на мушку силуэт перебегающего бандита, Сергей вновь нажал на спусковой крючок. Выстрела он не услышал, что-то тяжелое ударило в грудь, и его обмякшее тело отвалилось от колеса...

— Серега! Что с тобой? Держись, братан! — закричал кто-то из лежавших недалеко сослуживцев. Эта фраза была последней, которую услышал Сергей Толстоноженко, навсегда проваливаясь в бездну.

А бой продолжался. Те, кто мог еще держать оружие, вели его, теряя последние силы. Когда Евгений Остроухов через боковой люк выполз из БТРа, от наседавших "духов" отбивались младшие сержанты Вадик Кульчицкий и Санал Хантыев, рядовые Василек Хлебников, Леха Кузнецов, Димка Гнамм, еще несколько братишек, с которыми так и

не успел познакомиться: подразделение-то было сводным.

— Держись, пацаны! Наши на подходе! — крикнул Женя, подбадривая сослуживцев и выстреливая магазин за магазином. — Это вам за Серегу, за Калабина, за всех, кого положили здесь, гады!

А между тем расчеты огнеметчиков на бэтэрах и группа спецназа при поддержке танка безуспешно пытались пробиться к окруженным бойцам. Наступившая темнота и мощный огонь из РПГ и крупнокалиберных пулеметов не позволили осуществить задуманное. Ввязаться в бой — значит положить еще десятки пацанов. Поэтому и принял командир полка жесткое, но единственно правильное решение — ждать рассвета.

Испугавшись окружения, станицу покинули и боевики, так и не сумевшие сломить сопротивление солдат-первогодков. А младший сержант Санал Хантыев, пострадавший меньше других, забаррикадировал вход в подвал дома, куда перенесли раненых с площади местные жители, до утра нес боевую вахту, охраняя мечущихся в беспамятстве товарищей, и с тревогой вслушивался в скорбную тишину, установившуюся над Петропавловской.

С рассветом в станицу вошла бронегруппа полка. В лежачих на площади изрешеченных пулями и осколками тела бойцы узнавали погибших сослуживцев. Кроме Сергея Толстоноженко, на площади станицы возле скверика с обелиском в честь павших в годы Великой Отечественной войны станичников вечным

сном заснули фронтовики середины 90-х младший сержант Александр Конин, рядовые Константин Калабин, Алексей Кутырев, Николай и Павел Макаровы, Александр Савин, Евгений Сиротин, Стефан Аскольский.

Уцелевшие в жестокой схватке, но с тяжелыми ранениями рядовые Женя Остроухов, Дима Гнамм, Леха Кузнецов, младший сержант Вадим Кульчицкий были срочно отправлены в ростовский госпиталь. Следом за самолетом с ранеными курс на Ростов взял еще один борт. Со скорбным "грузом 200"...

О гибели Сергея Ольге Григорьевне сообщил районный военком. "Мужайтесь. Гроб с телом доставим завтра. С погребением поможем. Возьмем на себя все расходы", — сказал убитой горем матери подполковник. И потом добавил: "Сергей сражался до последнего и погиб героем, не бросив в бою товарищей. Можете гордиться им. И простите, что не уберегли такого замечательного парня".

Сережу Толстоноженко похоронили 26 декабря на Северном городском кладбище. Проводить его в последний путь пришли жители всей улицы. Той самой, на которой он вырос, где любили его за добрый и отзывчивый характер.

Мы все будем помнить тебя, Сергей!

**Подполковник
Николай КАМШЕКИН**

Ростов на Дону

Алексей, Алешенька...

Искрометную, светлую жизнь прожил этот парень. Не познав до конца даже юности, он погиб в 18 лет...

Родился Алексей Перминов 30 августа 1976 года. В селе Романово Белозерского района Курганской области. Он нравился всем. В школе получал благодарности, был всегда верен друзьям и добр к односельчанам, чутко и заботливо относился к родным. Не чурался никакого труда, умел делать практически все: и сено заготовить, и дров наколоть. Любил охотиться, рыбачить. Мог машины и трактора водить. По винтику разбирал и собирал свой любимый мотоцикл. Занимался звероводством, стриг овец и чесал коз, прят пух и доил коров. Мог испечь торт и приготовить мятные пряники. А вкуснящая глазурь получалась лучше, чем у матери. Словом, в семье считался надеждой и опорой.

Одних только дров Алешке нужно было заготовливать на три дома: себе, бабушке и тете. Работал красиво. Под музыку. Если приходилось делать что-то во дворе, выносил магнитофон на улицу, и тогда на всю округу звучали задорные мелодии. Чаще всего это были песни Тани Булановой. Полено раскалывал с одного взмаха. Радостно было смотреть на него в это время!

А как любил природу!!! Все свободное время проводил в лесу или на речке. Знал повадки каждого зверя. В сочинениях по литературе восторженно писал о милом сердцу уголке — тропинке, что ведет к березовой роще. Он так берег родную землю, буквально лелеял каждую травиночку, кустик, деревце.

Любил парень отдыхать душой на природе, и зверушки к нему ластились. Домой писал: "Какое чудо я сегодня видел, когда шли на стрельбище в деревню Новая. Не поверите: кругом снег, почти замерзший пруд, а в воде уточки плавают..." В другом письме сообщал: "На улице весна. Снега на тротуарах нет, газоны уже зеленеют. Настроение такое, что петь хочется". Что и говорить, умел человек малым радостям радоваться. Однажды поделился с родителями, что служит в их роте паренек с Дона, который как начнет по-хотьляцки говорить, так все до слез ухатываются.

А позже написал: "Вот только птиц здесь почему-то не видно совсем. Одни вороны. Бесят даже".

После школы Перминов поступил на заочное отделение Уральской государственной лесотехнической академии. Сделал выбор по душе, очень нужную профессию решил Алешка получить, потому что во всем Белозерском районе ни одного специалиста лесного хозяйства с высшим образованием не было. Мечтал стать егерем, лес

посадить, сад вырастить. И егерем стал бы, и деревья посадил бы, и сад огромный вырастил бы...

Но пришло время отдать долг воинский. Ни о какой отсрочке призывник Перминов и слышать не хотел: "Буду служить со сверстниками, а институт подождет". Провожали ребят, как и подобает, всем селом, напутствовали, чтобы чести своей не

посрамили, чтобы жизнью дорожили и достойно отслужили. До самого райцентра будущих солдат молодежь провожала, людей набилось полный автобус.

Ехали с песнями и прибаутками. Когда у военкомата пляски начались, Алеша подошел в последний раз к девчонкам и раздал им конфеты. Затем на ветке молоденькой сосны, что росла неподалеку, платочек свой повязал. (Частенько разговаривала потом с этим деревцем мать солдата, Елизавета Михайловна.) А как он гордился, что попал в Москву, в прославленную дивизию оперативного назначения!

Когда поезд тронулся и зазвучал марш "Прощание славянки", Алешка замер у окна купе да так и простоял, пока другие ребята рюкзаки на полки укладывали и места занимали. Все смотрел из вагона на родные места, не шелохнувшись.

*"В глаза твои
с перрона пристально смотрю,
Изболелось сердце,
но вид не подаю.*

*Поезд уже тронулся,
а ты еще стоишь,
На родную сторону
сквозь стекло глядишь.*

*Слезы мои хлынули,
и огонь в груди,*

*Покрестила истово
поезда огни..."*

(Из "Письма погибшему сыну", написанного матерью солдата и опубликованного в районной газете к несостоявшемуся 19-летию Алексея Перминова).

В его тетрадке по литературе есть стихотворение Блока: "О весна, без конца и без краю, без конца и без края мечта, Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном счита... И смотрю, и вражду измеряю, Ненавидя, кляня и любя, за мученья, за гибель — я знаю, Все равно принимаю тебя!" Две последние строчки выведены крупными буквами.

А какие добрые и оптимистические письма слал солдат домой, успокаивал родных, сообщал, что у него все замечательно: "В Чечню нас не отправят,

не волнуйтесь. Комбат сказал, что по окончании сержантской школы мы будем обучать солдат весеннего призыва". В то же время другу своему Саше Пузыреву писал: "В конце апреля — начале мая едем в Чечню на замену "дедов", а они — обратно в часть, увольняться будут". Оба письма датированы 31 марта 1995 года. К празднику прислал матери поздравление: "С 8 Марта тебя поздравляю. Далеко я сейчас от тебя, эти строки тебе посвящаю. Будь счастлива, мама моя! В этот день я тебе пожелаю: будь веселой и доброй всегда. Будь красивой и помни, родная, что твой сын охраняет тебя".

После поездки Елизаветы Михайловны к нему на присягу прислал письмо: "Папа, в следующий раз приезжайте вместе. Я так волновался за маму, когда она уехала от меня. Сразу легче стало, когда получил телеграмму, что она вернулась домой благополучно." Отца — Александра Ивановича успокаивал: "Не расстраивайся, что лис мало. Ведь до конца охотничьего сезона еще далеко. Сходи на Мамаиху, где я подкормку раскидывал".

Командир подразделения капитан Бугров позже рассказывал, как объяснял младшим командирам, что они теперь хорошо подготовлены к несению службы, а в Чечне находятся ребята, которым давно подошло время увольняться в запас, но нет замены. Алеша в числе первых вызвался ехать на войну. Не мог поступить младший сержант Перминов иначе. Совесть был парнишка. Не привык прятаться за чужими спинами.

Никогда не жаловался на трудности. Только однажды в письме другу детства исповедовался. Прорвало, видно, с кем-то близким поделить захотелось. Родителям беррег, вот и выплеснул товарищу все, что накипело в

душе: "Санчес, меня что-то начинает замаивать такая служба. Первые месяцы хоть и плохо было, но не все доходило до меня. А сейчас замаялся. На улице солнце, тепло, весна, домой сильно тянет. Но это все ерунда: три с половиной месяца отмахал, еще 15 отслужу, ничего со мной не сделается".

Вот что пишет об Алексее его сослуживец Андрей Вяткин: "Классным парнем Леха был, никогда его не забуду, я таких еще не встречал. До армии у меня такого друга не было. Как отслужу, обязательно приеду к нему на могилу".

Больше писем от Андрея Перминова, к сожалению, не получили. Боятся думать, что и его нет в живых. Рады вам сообщить, уважаемые Елизавета Михайловна и Александр Иванович, что фамилия Вяткина не числится в списках погибших и пропавших без вести на чеченской войне. Надеемся, Андрей обязательно придет в Романово и известит могилу вашего сына.

Из письма друга детства Саша Пузырева: "Алексей для меня навсегда останется самым лучшим другом. Мы делили с ним радости и невзгоды... Чтобы написать о Леше, я думаю, не хватит самых изысканных слов".

Из письма одноклассницы Тани Максимовой: "Алеша мог найти общий язык с любым. У него никогда не было врагов. Особенно привлекало то, что он жил своим умом. Хорошо учился в школе, не хулиганил. Как я радовалась, когда Алеша поступил в институт! Я часто вспоминаю его. Как горько, больно и обидно, что жизнь этого человека оборвалась в 18 лет".

Из письма одноклассницы Ирины Речкиной: "Я помню Алешу с раннего детства. Мы жили на одной площадке. Вместе росли, вместе пошли в первый класс, вместе закончили среднюю школу. Алеша был каким-то

особенным, не похожим на остальных ребят: порядочным, честным, трудолюбивым, приветливым человеком. С уважением относился к учителям, одноклассникам, никогда не грубил. Любое порученное дело выполнял на совесть.

Алеша был доброжелательным, скромным и внимательным, умел избегать конфликтных ситуаций. Он очень любил природу и никогда не изменял своей детской мечте стать егерем. Алеша был сильный духом и добрый сердцем. Из самых необычных ситуаций выходил с честью. Память о нем в моем сердце будет жить вечно”.

Из письма классного руководителя А. А. Достовалова: “Ребята в классе были дружными. Вместе ходили на рыбалку, в туристические походы, участвовали в спортивных соревнованиях. И везде Алеша был в первых рядах. Он отличался спокойным, уравновешенным характером. Ему были присущи чувство ответственности и долга, патриотизм. Перминов никого и никогда не оставлял в беде. Но в беде оказался сам, и теперь его нет с нами”.

Из письма друга семьи Перминовых Н. Т. Волинцевой: “Передо мной фотография наших детей. Выпускной 11-й класс. Взрослые и в то же время детские лица. Все такие родные и очень близкие мне люди. Но особенно дорог Алеша. Я подруга его мамы и относилась к нему всегда как к своему сыну... Известие о его гибели поразило меня в самое сердце. Не дай Бог ни одной матери испытать такую утрату, такую боль. Светлая ему память!”

Страшная весть о смерти Алексея дошла до бывших его одноклассников. На Черном море дрогнуло сердце Владимира Таркова (он ушел с весенним призывом, но успел проводить товарища в армию). Алексей

Шаврин на юге, Роман Рухлов на севере охнули в телефонную трубку и надолго замолчали. На Урале был потрясен страшным известием Владислав Речкин. А Валерий Волинцев, когда узнал о гибели друга, не мог нести службу, отпросился у командира, ушел в лес и долго-долго плакал. “Как же так? — спрашивал он в письме у родителей. — Был Лешка и нет его?” Не должно быть так, Валера! Противоестественно это, когда родители хоронят детей. Страшно и несправедливо.

Александр Пузырев прислал письмо-соболезнование из Екатеринбурга, где дослуживал после Чечни: “Пишу письмо со слезами на глазах... Узнал, что Леха погиб... Клянусь отомстить за него!” Кому мстить-то собирался, дорогой Санька? “Когда много виноватых, никогда не бывает наказанных”, — запомни это мудрое высказывание мамы Алексея.

Как погиб сын, родители узнали от офицеров, приехавших на похороны вместе с другими боевыми товарищами. В Чечне младший сержант Перминов был назначен командиром отделения во взводе материально-технического обеспечения. 6 мая 1995 года колонна из 30 машин, в которой находился и он, выдвинулась из Грозного по направлению к границе с Дагестаном.

Боевики устроили засаду в двух километрах к западу от Новогрозненского. Запылали БТРы, сразу образовав на дороге пробку. Огонь из гранатометов бандиты вели более полутора часов, пока не прилетели вызванные на подмогу наши вертолеты и не подавили огневые точки нападавших. Кругом пламя и взрывы, не видно ни неба, ни земли. Головы поднять невозможно, — “духовские” снайперы работали профессионально, — а в руках один автомат с тремя магазина-

ми против изрыгающих смерть “эрпэгэшэк”. Это был первый и последний бой Алексея.

В утренней сводке чеченских событий передали, что двое военнослужащих внутренних войск погибли. В вечерней уже сообщили о трех убитых. Третьим в списке числился Перминов.

... Он был еще жив, получив осколочное ранение левого колена с повреждением подколенной артерии. Мучался страшно. Ведь самые тяжелые и самые болезненные ранения в живот и в колено. Но находился в сознании, когда ребята выносили его с поля боя. Они рассказывали потом, как командир отделения кричал им: “Парни, ноги нет! Оторвало!” А они ему: “Терпи, Лешка, нога на месте!”

Скончался младший сержант Перминов в военном госпитале Владикавказа. (До сих пор мать понять не может: почему его отвезли именно туда? Ведь Грозный же ближе?!) Майор Пикулин, который доставил раненого на БТРе, потом признался: в госпитале не оказалось крови необходимой группы, чтобы спасти Алексея.

Из письма матери погибшего солдата: “Предчувствовало мое сердце беду. Приснился он мне перед гибелью: лицо от боли искаженное, рот раскрыт в крике. Проснувшись в холодном поту, заснуть больше не смогла. Про сон рассказала односельчанам. Анатолий Парфенович Тарков успокаивал тогда: “Не забивай голову. Ерунда все это”. Теперь верю, что сынок, смертельно раненный, маму звал. И у дочки сердце болело. Всю ночь не спала. А 6 мая, в день гибели Алеши, написала своему братику полное тревог письмо. Да вернулось оно обратно с пометкой “Адресат выбыл (погиб)”.

Беда всегда приходит неожиданно, хотя ныло сердце материнское от предчувствий тяжких. Но что в Чечне сынок находится,

не знали ни мать, ни отец. Рожденные после войны и мирно прожившие жизнь, не приспособились Перминовы к круговерти и неразберихе нынешней: не умеют просить и кланяться, взятку давать не научились, зато честность и порядочность сохранили.

Последнее письмо из Чечни пришло от Алексея в Романово 26 мая (15-го его уже похоронили). Он писал: "Здравствуйте, мама и папа! Решил написать вам письмецо. Служба у меня идет хорошо. Закончил "учебку", получил звание младшего сержанта. Скрывать нет смысла, все равно вы узнаете: я сейчас в Грозном. Только, мамка, не надо переживать, здесь давно уже боевые действия закончились, все спокойно. Из Москвы мы вылетели 25 апреля, переночевали в Моздоке, затем на "вертушке" — в Грозный.

Мне здесь очень нравится. Питаемся, как дома. Повара свои, еды накладывают сколько хочешь. Мясо каждый день едим, сгущенку частенько выдают. Спим по 10-12 часов в сутки. Никаких тебе "Рота! Подъем!" и "Рота! Отбой!" Днем ничего не делаем, загораем только. Даже не знаю, зачем мы здесь стоим. Так что можете порадоваться за меня, я сейчас на курорте, а не в армии.

Письма мне пока не пишете. После 12 мая мы из Грозного должны переехать на границу с Дагестаном. Уверен, снова придется загорать. Стрельбы я здесь не слышал. Так, изредка ночью где-нибудь на окраине выстрелят раз и все. Живем в здании, где была контора како-то предприятия. Если от меня не будет долга писем, не волнуйтесь.

А Грозный — город красивый, зеленый и очень теплый, хотя немного и разрушенный.

Передавайте там привет всем от меня. Пока, мамка и папка". И в конце Алексей дописал: "Во-

обще-то напишите письмо. Может, мы куда и не переедем".

Из письма матери погибшего солдата: "Куда ни посмотрю, везде его вижу... Бывало приду домой с работы уставшая, а он посмотрит ласково и скажет тихо: "Попей чайку, я торт приготовил" или: "Поешь, мы с папкой рыбы пожарили". А то улыбку его вижу и большой букет полевых цветов, который он мне дарит...

Все к Черному морю на нашем стареньком "Москвиче" мечтал съездить. Тянуло оно его к себе. Наверное, потому, что море это подарил нам Алешеньку. После поездки с мужем на юг сынок у нас родился.

Если б вы знали, как блестяли его глаза, когда с охоты или рыбалки возвращался! "Мамка, закрой глаза... А теперь открой". И в руках его оказывалась метровая щука или связка уток.

Урок, бывало, веду, а он со среднего ряда на меня так укоризненно смотрит, когда нердивого ученика начинаю отчитывать. Потом на перемене скажет: "Ну зачем ты так, мамка?" Если с мужем поспорю, сын как отрежет: "Мама, ты не права!"

Все подворье с отцом перед армией обновили: стаю срубили, крышу сделали, гараж установили. "Вернусь, остальное доделаем", — обещал сынок. Не вернется теперь, не сдает, не обогреет, не пожалеет...

Только очнешься от полузабытья, а мозг опять сверлит мысль: нет Алешеньки больше с нами. Не может сердце материнское с утратой смириться. Хочется верить, что есть он где-то. Ветеран войны, майор в отставке, удостоенный многих наград, в том числе ордена Славы двух степеней, Петр Петрович Петунин, поймавший лиха на своем веку, был потрясен известием о гибели Алеши. "Мы Родину защищали, а теперь за что парни умирают?! — возмущался он. — Тяже-

лое время тогда было, и то нас шесть месяцев для фронта готовили. А Лешки на пятом не стало". Подошел ко мне у могилы сына и говорит: "Видел, Лизавета, сон: Алексей ваш на берегу речки стоит, улыбается. Там, где я его в последний раз встречал. А потом уж его нет. И на том месте — лебедь белый. Превратился Алеша в лебедя". Смотрю я сейчас на лебедей пролетающих и гадаю: который из них мой сынок?

Птичка на дворе запоет — весточку от сыночка принесла. Травка склонится, веточка дерева закачается — это привет Алешенька передает. Когда совсем не вмоготу становится, шепну: "Помоги, сынок", и вроде как полегчает, отпустит немного. Оберегает он меня даже с того света, колы не ослепла еще совсем от слез, с ума не сошла от горьких раздумий. На земле этой внук пока держит (сын старшей дочери), бегаёт, лопочет. Уже не удивляется, когда вместо Андриуши его называю Алешей. Что его-то ждет впереди?!

Светлый образ сына в наших сердцах. Помнят о нем односельчане. Парни в армию уходят, у могилы его прощаются, домой возвращаются — опять к нему на кладбище идут. Помнят родители, провозжающие сыновей на службу Отечеству".

Еще раз подтвердилась истина, мудрость народная: в первую очередь Всевышний забирает в царствие небесное лучших из лучших. Почему? Да потому что и Господу Богу в раю нужны святые люди.

... За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, младший сержант Перминов Алексей Александрович награжден орденом Мужества (посмертно).

Подготовил майор
Геннадий ШАХОВ

Твои Герои, Россия

СЕРДЦЕ КОМБАТА

“Прорываемся к тринадцатому КПП! Это приказ бати. Нет другого выхода”... Водители с трудом завели два бэтра-подранка. Истекавшие кровью бойцы, отстреливаясь, из последних сил поползли к броне. “Прорвемся!” — звучал голос капитана Визнюка. Теперь уже только в мыслях пацанов. Упавший возле пылающего бэтэра комбат молчал. Молчал... Батяня... Убит? Тяжело ранен? Любой ценой вытащить его. Пугающе неподвижного, беззащитного. Вдвойне родного. Любой ценой! Сволочи-снайперы. Не дают! Не дадут... Гады!

“Уходим!” Набирая скорость, огрызаясь огнем из бойниц, машины пошли к спасительному “блоку”. Сквозь огонь...Сто... двести... пятьсот метров...“Уходим... А он, комбат, там,” — плакали, стонали от бессилия солдаты...

— Его академией стала война, будь она проклята, — вспоминая о капитане Визнюке, с внутренней болью повторил подполковник Сергей Черный. — За год дважды побывал в районе боевых действий. Готовился к третьей поездке. На сей раз долго не давали хода рапорту Олега. Отговаривали: “Навоевался, хватит рисковать головой!” Но разве его удержишь? По призыванию боевой командир, он упорно рвался туда, где трудно. В 101-ю...

Как предчувствовали мы беду.

Незабываемый день шестого августа. Я с оперативным батальоном брянского полка находился в тактической группе. По приказу начальника базового центра готовлю подразделение к спецоперации. Отслежи-

вая обстановку, слушаю эфир на разных частотах. И вдруг — голос Визнюка в радиостанции, его позывной: “Я — “Тамерлан”... Принимаю бой! Жду помощи.” Грохот стоит страшный...

Сто тысяч за голову капитана

“Батальон разведки 101-й бригады поистине был грозой для боевиков...”

Генерал-лейтенант запаса
Игорь РУБЦОВ

В эти часы со встревоженными, напряженными лицами застыли у батальонной радиостанции разведчики и спецназовцы 101-й, оставленные в резерве. Больше всех переживал рядовой Евгений Артемов по прозвищу “Спец” — один из лучших воинов РШР, кото-

Окончание. Начало в № 5, 6.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

рого капитан всегда брал с собой на операции, неизменно назначая в состав штурмовой группы. До чего ж несправедливой бывает судьба: комбат ведет бой, а он, матерый штурмовик, не у дел.

Утром Визнюк послал Артемова на позицию у ограждения — разведать обстановку. Выполнив приказ, Спец бегом вернулся в казарму и чуть не застонал от досады: пять минут назад бронегруппа во главе с комбатом выехала на задание. “Опоздал!” — не находя себе места, маялся Евгений. Умчались на бэтрах под вражеские пули его побратим-земеля Женя Шмидт и другие крепкие ребята — Паша Пискунов, Рифат Хасанов, Саша Кожемякин, Серега Петров... Те, кого Визнюк считал своей опорой — ядром батальона. Таких, как они, было человек двадцать. Многие им завидовали — тоже рвались на боевые с командиром. Но тут уж ничего не поделаешь, в разведке нужны самые надежные и проверенные люди...

Согреваясь надеждой: “Выстоят, продержатся в ожидании подкрепления. Батяня спасет”, — Артемов с товарищами, как и комбриг, машинально прокручивали в памяти боевые события, когда капитан и его гвардейцы уверенно демонстрировали превосходство над противником. Хорошо работали, врагам мало не казалось.

Не случайно еще до августовских боев в Грозном непримиримые объявили “зеленым” и “красным беретам” 101-й бригады газават, назначив за голову командира разведбата сто тысяч долларов. В черный список “духов” батальон попал после одной спецоперации. И раньше вели с боевиками детские игры, собирая разведданные, жестко гладили “волков” против шерсти. А в ту майскую ночь достали, как говорится, до самых печенок...

В районе автовокзала устроили засаду у взорванного моста, используемого бандитами для скрытных передвижений, — имелись такие сведения. Став невидимками, замерли в ожидании. Визнюк был убежден — вернемся

на базу с дичью: обследовав объект, обнаружили две доски между пролетами — верный признак, что неизвестные проторили здесь дорожку для ночных прогулок. Любопытно — кто?

У всех ушки на макушке, плят глаза в темноту. Чу, звуки осторожных шагов. На мосту нарисовался силуэт. Похоже, старик. Командир подает условный знак: берем! Сработали тихо, без грубого насилия. “Ни звука, уважаемый”. Вскоре еще четыре тени показались. На сей раз мужчины явно помоложе. “Стой! Проверка документов”. Хотя чего там проверять? И так ясно, что за птицы. Кому из мирных придет в голову среди ночи переться через разрушенный мост с риском сломать себе шею? Выводы подтвердились тут же. Очухались задержанные после пережитого шока и давай отмазываться. Мы, дескать, к боевикам отношения не имеем. Хотите откупные заплатим — баксы, наркотики... Ну да не на тех напали.

Сдали любителей прогулок под луной куда следует. А утром, вернувшись из Ханкалы, капитан Визнюк пожал руки всем охотникам: “Знаете, кого мы с вами взяли? Полевого командира, гранатометчика и снайпера. На допросе раскололись. А старичок у них вроде дозорного, проверял дорогу. На ловца и зверь бежит”.

В другой раз обнаружили в лесопосадке на окраине Грозного замаскированную гаубицу Д-30. Орудие ухоженное, практически готовое к применению, только клин затвора снят. Ставь его, подводи снаряды и открывай огонь. Позиция оборудована по всем правилам артиллерийской науки. Взорвали вражеский ствол тоже по всем правилам, восстановлению не подлежит.

Прозвучали мощные взрывы в подземных коммуникациях возле больницы, откуда боевики постоянно обстреливали наши посты. Опять же комбата и его “беретов” заслуга. Вычислили, просчитали, рассчитали — и там, где были лазы, вздыбились глухие завалы, не то что человек, мышь не про-

скользнет. От всей души постарался главный подрывник батальона прапорщик Сергей Василенко, неизменно сопровождавший командира на боевых. После этого обстрелы со стороны больницы прекратились.

А то еще был случай. Однажды утром возвращались на базу из Старопромысловского района, где проводили разведывательно-поисковые мероприятия. Ехали в приподнятом настроении: не зря устроили ночную засаду на дороге. Тормознули иномарку. Осмотрев ее, обнаружили автомат и боеприпасы в багажнике. Хозяин машины начал давить на психику: я, мол, крутой, из окружения самого Масхадова, вам не поздоровится и все такое. Ну ясно, волк — хозяин леса. Однако не надо забывать, что на коварного хищника всегда найдутся матерые волкодавы. Усадив задержанного в бэтээр, порадовали себя мыслью: будет оперативникам из ФСБ конкретная работа.

Когда проезжали мимо завода, на столбе увидели чеченский флаг. Не к добру, вчера вечером его не было. И тут за кормой головной командирской “коробочки” ухнула граната, хлестнули автоматные очереди. Машина шла с отрывом на сто метров от остальных “броников”, и бандиты, очевидно, подумав, что это одиночный бэтр, решили его поджечь. Но из-за приличной скорости взятого на прицел бронетранспортера чеченский гранатометчик промазал.

Визнюк быстро сориентировался в обстановке. Картина привычная. “Духи” засели в производственном корпусе. Судя по интенсивности огня, бандгруппа небольшая. “Земля!” — спешиться, значит. “К бою!.. Вперед!”. Прикрывая друг друга, как учил командир, бойцы короткими перебежками при поддержке башенных пулеметов приблизились к забору, стали плотно окна обрабатывать, гасить огневые точки противника.

— Потом был такой запоминающийся момент, — расскажет мне спустя полтора года кавалер медалей Суворова и “За отвагу” Женя

Артемов (специально приедет в редакцию "На боевом посту", чтобы поведать журналистам о подвигах батяни-комбата). — Я повернулся, меняя позицию, гляжу — батя стоит на дороге в полный рост, рядом пули взмывают фонтанчики земли, а он — ноль эмоций... В этот момент будто слышу его любимые слова, которые командир, безжалостно гоняя нас на занятиях, часто повторял: "Ничего не бойтесь, парни. Если вам суждено жить долго, пуля в бою не найдет". Это была самая лучшая психологическая закалка для пацанов... Ну так вот, стоит, значит, Олег Станиславович, как от пуль заговоренный, спокойно раскладывает "Муху", целится... Выстрел! Флаг с изображением зверюги стал медленно падать — комбат перебил древко из "граника". Отбросил "Муху" и, не сгибаясь, направился к нам. "Ну что, пацаны, брать друдем? — "Смерть волкам!" — дружно отвечаем. И — к зданию, внимательно слушая каждую команду капитана, как всегда идущего в составе штурмовой группы.

Вот когда пригодилась его наука! Стремительные передвижения, огневая поддержка, согласованность, четкое взаимодействие, прикрытие. Всему научил нас батяня. Особенно благодарен ему за один урок. Первый мой выезд на боевые. Визнюк проверяет вооружение и экипировку. Я взял с собой пятьсот патронов — сто в пулеметной ленте и четыреста в "эрдэшке" (РД — рюкзак десантный. — Авт.). Командир подходит ко мне, пристально смотрит: "Тебе этого хватит?" Я все понял и побежал за добавкой. С тех пор таскал с собой по полторы тысячи патронов. Лучше надорвешься, зато в бою и себя спасешь, и товарищей выручишь...

В общем, ворвались в корпус без потерь. Долбили по врагам будь здоров, благо было чем. Прочесали здание. Но "чечей" и след простыл. Не выдержали натиска, ушли в сторону жилого сектора.

Были и покруче дела. Пехом, маскируясь под "духов", углублялись на их территорию. Охотились

на машины с полевыми командирами, беспокоили бандитов диверсионными актами, потом отходили в указанный район, куда в назначенное время подлетали "вертушки". Есть о чем вспомнить. Но в первую очередь — история со сбитым чеченским флагом. Как наяву вижу нашего батю под пулевым градом...

— Есть и другая история. Тоже о флаге речь, — вспоминаю я, беседуя со Спецом. — Рассказывали, при штурме Аргуна Олег водрузил знамя на крыше школы. Символ победы!

— Да, он был нацелен только на победу! — сверкнет глазами Спец. — И нам передавался его боевой дух. Смелого пуля боится! Тогда, 6 августа, у рации, переживая, что ничем не могу помочь товарищам, я был уверен — с батей ничего не случится, удача ему не изменит. Вытащит пацанов из пекла. А когда прилетела черная весть, долго, очень долго не верил, что он остался там, у цементного завода... Никто не верил. Комбриг Денисов построил вечером личный состав и сказал: "Всем приказ — отставить слухи о гибели капитана Визнюка. До тех пор, пока не убедимся в этом воочию".

**"Я — Тамерлан"...
Принимаю бой!"**

*Смерть самых лучших
намечает*

И дергает по одному...
Владимир ВЫСОЦКИЙ

О подвиге комбата в наградном листе — представлении на Героя десятком скупых, лаконичных строк. А что за этими строками — знают лишь те, кому посчастливилось выжить. Выжить благодаря капитану Визнюку. Из 42 разведчиков и спецназовцев бронегруппы уцелели 16... Много ли, мало, кто оценит эту утрату? И по каким критериям?

Вступив в бой возле цементного завода, они оттянули на себя значительные силы "духов", что позво-

лило заблокированным омовцам вырваться из окружения с минимальными потерями. Трагическая логика войны: "Жизнь и смерть в одной упряжке". И Бог нам всем судья...

Передо мной — бесценные свидетельства участников боя и очевидцев подвига комбата. Спасибо парням. Один откликнулся на мою просьбу рассказать о командире, о роковой сшибке у цементного завода, написав подробное письмо. Другой, по примеру Жени Артемова, приехал в редакцию: "Не силен я с авторучкой-то. Лучше на словах — все как было. Включайте диктофон".

Как от сердца документы — правдивые рассказы простых русских солдат. Они — авторы этой главы.

Рядовой запаса Александр Кожемякин, кавалер ордена Мужества:

— Шестое августа. Прекрасное солнечное утро. О том, что "духи" вошли в город, мы узнали в десять часов. Вскоре комбат приказал построить спецгруппу из состава нашей РШР и ГСН. Лично отобрал людей. Поставил задачу. На трех бэтрах выехали из городка где-то в полдвенадцатого. В районе Минутки нас начали обстреливать. Здесь мы потеряли рядового Филиппова, его снесло с брони пулеметной очередью... Чуть позже из РПГ были убиты рядовые Горбунов и Брюхин, зам начальника разведки бригады старший лейтенант Пишкин получил ранение в руку...

Рядовой запаса Сергей Петров:

— В первом, командирском, бэтре рулил Володя Котов, во втором я, в третьем Серый Филев. Когда с моей "коробочки" упал солдат, скошенный очередью, и я начал тормозить, сержант-контрактник Серега Константинов, мы его звали Морпех, заорал: "Вперед! Пацана затащить не успеем, сожгут всех к!" Завернули влево. Я высунулся из люка, оглядеться. Тра-ах — очередь. По голове меня крепко садануло! Лицо залила кровь. В глазах помутилось. Навер-

ное, рикошетом пуля задела. Маленько растерялся я, но продолжаю жать на газ. Вспомнил, комбат учил нас под огнем РПГ не останавливать броню, иначе каюк. Только по приказу: Догоняю головную машину, рулю почти вслепую. Слышу — взрыв впереди! Вмочили по бэтру из “граника”. Не видно мне ни хрена, на глазах кровь запеклась. Морпех кричит: “Стой!” Началась сильная пальба. Наводчик у нас был неопытный, сробел, выскочил, пришлось мне — за него. Не успел сесть в люльку и вытереть кровь — сильный удар в башню, перекосило ее, заклинило. Я отключился, минут десять пролежал без сознания. Очнулся, вижу — ящики с БК дымятся. Выполз. Ну вляпались, понял. Командирский “броник” мостами сел на бордюр, факелом пылает. Где батя?

Стреляю на звуки очередей. В глазах красная пелена. В ушах звон. Мочилровка! Наконец сориентировался. Нохчи молотят с территории завода, справа. Слева, метрах в двадцати, кустарник, от туда тоже начали палить. Вилочка, одним словом. Слышу голос капитана Визнюка, за моим бэтром, возле заднего колеса. Обрадовался я, успокоился. Батя жив! Решительно, уверенно командует. Нормалек, можно воевать...

Кожемякин: — Проехали мы мимо автовокзала, повернули, и как только первый бэтээр поравнялся с цементным заводом, его подожгли зрпэгэшным выстрелом. “Земля!” Мы горохом с брони, в считанные секунды заняли круговую оборону. Бэтр врезался в стену заводского здания. Сгорели боец нашей роты Саша Зюзин и старший лейтенант Пишкин. Сдетонировало, полыхнуло с такой силой, что вытащить их не было никакой возможности... Погиб водитель и еще несколько ребят из состава десанта полегли под пулеметным огнем.

Я был контужен, “плыл”, из ушей текла кровь, какое-то время ничего не слышал. Но чувствовал себя более-менее уверенно, так как видел по действиям бойцов, что комбат

“Все, что могу, Лена. Все, что могу...”

отлично руководит нами, все его команды четко выполняются. На занятиях он научил нас понимать приказы с полуслова, работать по условным сигналам-жестам рук. “Граната!” — прижимаемся к земле. “Духовский” пулемет в окне — “Сосредоточенный огонь! Уничтожить!”... Наблюдая за противником, он одновременно держал в поле зрения всех солдат, умело управлял огнем. Слово издали, приглушенно, доносился его голос: “Держаться, сынки! Выберемся, прорвемся!” Этого я никогда не забуду.

Бой продолжался час или больше, под пулями времени не замечаешь. Несмотря на слабость после контузии, я, как и мои товарищи, прицельно бил из автомата, обрабатывал окна вогами. Перед тем, как меня ранило, увидел: капитан Визнюк, находившийся в ту минуту около первого бэтра, приподнялся, чтобы метнуть гранату, и...

Петров: — Залег я за колесом, пострелял. Заполз в бэтээр, пере-

дал по радиостанции, что нас обложили. Думаю: может, командир не успел сообщить на базу о “елочке”, когда его “броник” подожгли, на всякий случай надо вызвать подмогу. И опять за автомат. В глазах прояснилось, мочу по огневой точке на крыше. Саня Кожемякин рядом бьет из подствольника. Метко бьет, молодец, каждый гостинец — в окно. Ни разу не промахнулся.

Под руководством батяни вели огонь больше часа. Уверенно, по конкретным целям. Командуя, ка-

питан Визнюк нас морально поддерживал, вселял надежду: “Выживем, парни! Помощь близка!” И гасил бандитов короткими очередями. А по стрельбе из автомата и снайперки в батальоне не было ему равных. Так что многих “духов” в том бою к шайтану отправил.

Ждем. Время идет, подкрепления не видно. “Наверняка нохчи выставили заслоны”, — поджимает тоскливое предчувствие. Так оно на самом деле и оказалось. На полпути застряли посланные нам на выручку бронегруппы. “Чичики” подожгли одну из бээмпэшек второго БОНа”, его командир лично пацанов из-под огня вытаскивал, сам был ранен. Комбат-один со своими парнями на бэтрах тоже потерпели неудачу. Боевики, как саранча, насели, еле от них отбились. Короче, труба дело...

Когда стало ясно, что спасение зависит лишь от нас самих, в ближайшее время помочь нам никто не сможет, а людей теряем, Олег Станиславович принял решение пробиваться к тринадцатому “блоку”. Спрашивает у меня и Сереги

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Филева: “В каком состоянии бэтэры? Выехать сможем?” — “Не уверен, — отвечаю, — давление масла — десятка (а норма три-четыре). Надо попробовать”. Серый говорит: “В моем тоже есть повреждение, но движок, кажись, цел”. — “Ладно, попытка не пытка. Заводить бэтры! Грузить “трехсотых” и “двухсотых”! — скомандовал капитан. — Идем на прорыв! Я при-

ром завыли: “Аллах акбар!” Обрадовались, гады.

Несколько раз пробовали мы вытащить комбата. Без толку. Боевики, сволочи, отсекали огнем, не давали возможности подползти к телу капитана. Тогда прапорщик Сергей Воронов, раненый в ногу, крикнул: “Все, прорываемся к тринадцатому КПП! Это приказ бати”.

Мы с Серым кое-как завели “коробочки”, тронулись с места. В бэтры, помогая друг другу, стали заползать окровавленные пацаны. Кто мог двигаться. За тащить в броню тяжелораненых и убитых не успели. Снайпера открыли прицельный огонь с расстояния 15-20 метров, практически в упор. Это были самые тяжкие минуты боя: мы уходили, потеряв комбата и многих товарищей, не имея надежды забрать их тела...

Кожемякин: — Когда комбат упал возле пылавшего “броника”, к нему пополз кто-то из пацанов. Дальше — провал. Я получил пулю в голову. Пришел в себя, слышу — работают двигатели. Рядом со мной остановился второй бэтр, оттуда кричат: “Сюда, скорее! Уходим!” С

трудом, на локтях, дополз до брони, меня затащили в люк, и я снова отключился. Очнулся уже на “блоке”. Как мы туда доехали, не знаю. Это просто чудо, что машины по пути не подбили из “граников”.

Совещаемся, как вытащить комбата и солдат. На КПП была бээмпэшка. Может, на ней вернуться к

заводу и под прикрытием огня из пушки забрать бату с ребятами? Но бойцы и омовцы, оборонявшие “блок”, удержали: “Гибельный план. Не доедете до завода, подбьют. Вашим товарищам уже ничем не поможешь...”

Не скрывая слез, стали считать потери. Двадцать шесть... Капитан Олег Визнюк, старший лейтенант Дмитрий Пишкин, из РШР — сержант Сергей Константинов, младший сержант Владислав Петров, рядовые Виталий Филиппов, Алексей Брюхин, Данил Горбунов, Сергей Пушков, Рифат Хасанов, Евгений Шмидт, Владимир Петров, Александр Эюзин, Владимир Котов, Юрий Колоколов, Сергей Борисов, Анатолий Калашников, Алексей Кузин, Сергей Асламов, Виктор Ионов, Александр Банишев, Виктор Кошелев, из группы спецназа — младший сержант Виталий Шишкин, рядовые Алексей Штукарев, Владимир Макаров, Олег Шкляев, Алексей Шаповал.

Теплилась надежда: может быть, “духи” пощадили оставшихся там тяжелораненых. Для обмена на своих пленных. Вдруг и комбат наш жив. Не должен такой офицер погибнуть, пули его не брали. Эта надежда придавала нам сил. К вечеру я уже помогал ребятам перевязывать и кормить пострадавших в бою.

Несладко было на осажденном КПП. Бандиты нас постоянно обстреливали, пытались выманить, предлагая сдаться на самых выгодных условиях. Не хватало продуктов, медикаментов, сигарет, ели один раз в сутки, в первую очередь — раненые.

Я периодически связывался по рации с базой, докладывал обстановку. Нам говорили: “Держитесь! Посылаем группы на разблокирование, но пока прорваться к вам они не могут”. А 14 августа из бригады поступило сообщение, что по договоренности с чеченцами будет производиться обмен наших убитых, которых закопали на месте боя у цементного завода, и раненых на пленных “духов”...

Петров: — На эксгумацию погибших поехали вшестером: Сережа

Отцовские награды

крою!” — с этими словами батя, стреляя из автомата, занял позицию возле горевшей “коробочки”, чтобы закидать гранатами наседавших нохчей, отвлечь внимание бандитов. Выдернул чеку, привстал с земли, замахнулся и, не успев залечь после броска гранаты, был сражен пулеметной очередью. В грудь... “Духи” из окон хо-

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Крупин, Саша Кожемякин, Игорек Платонов, Серый Филев, Коля Яковлев и я. Привез к заводу гражданский чеченец на грузовике. "Чехи" нас обыскали, заставили сесть и стали запугивать. "Живыми, — каркают, — отсюда не уедете, сейчас поотрезаем уши, загоним в подбитый бэтр и спалим из РПГ". Затем сменили пластинку: "Выкопать разрешим, а после этого всем прострелим руки и ноги, чтоб больше не воевали". Так издевались, волчары. Мы сидим молча. В конце концов дали нам лопаты, два противогаза и показали место захоронения. Роем... Не могу, тяжело вспоминать... Разложившиеся тела погибших... Боже, не узнать никого, вздутая кожа, как в мыле. Извлекали убитых из земли голыми руками, от жуткого запаха не спасали даже противогазы. Но брезгливости, тошноты не было, ведь это наши погибшие товарищи. Откопали, погрузили в кузов. Три тела были без голов. Надругались нелюди... Может, еще над живыми, беззащитными...

Когда мы сделали свою скорбную работу, нас отвезли на КПП, а погибших отправили в бригаду. Там и опознали капитана. Его крепкое тело и после гибели выделялось среди других, положенных в ряд. И... страшный след пулеметной очереди ниже груди. Ошибки быть не могло. А некоторые пацаны до сих пор не опознали...

Обороняли "блок" вплоть до лебедевского замирения, на общей сложности восемнадцать суток. Все это время комбат незримо был с нами. В нашей памяти. Мысленно советовались с батей, как вести себя в критической обстановке. И единодушно принимали решение — драться до конца. Именно так действовал бы капитан Визнюк. В жаркие минуты, под угрозой прорыва "духов", запрашивали по радиопомощь, вызывали на себя минометный огонь. Здорово выручала нас малая артиллерия. Минометчики работали ювелирно, "огурцы" ложились точно по периметру поста, отсекая атакующих бандитов.

В последние дни кончились продукты, мы стреляли собак, жевали отвратное мясо... И держались. Отбивали атаку за атакой. Воевали, как учил батяня-комбат.

Вместо эпилога

*Я хотел бы постичь
этот мир!*

Увы, не постиг...

*Но не зря
это горькое счастье
мне Богом дано —
жить в стране
недопетых стихов,
недописанных книг:
чтоб из тысячи слов
вам сказать хоть одно.*

*Я хотел посадить
сто деревьев...*

Из блокнота Олега ВИЗНЮКА

Свои сто деревьев он посадить не успел.

Зато успел реализовать себя в главном — в том, к чему призвание вело.

С отличием окончил военное училище, стал первоклассным боевым профессионалом. Создал семью. Осталась его кровинушка, дочь Настя, которой еще предстоит узнать, каким человеком был ее отец.

Успел сказать главные в своей короткой жизни слова.

Ритуал вручения Золотой Звезды Героя в Доме культуры города Брянска. Минута молчания у памятника с надписью: "Комбат! Ты сердце не прятал за спины ребят..."

Третий гост...

Вытирали глаза генералы, научившиеся после пережитого в Чечне и других горячих точках сдерживать слезы. Полковник Юрий Костенко, представитель управления кадров Главкомата, привозивший посмертные ордена во многие семьи, потом признался, что всегда старался держаться в траурно-скорбные минуты, а тут... пересилило горе. Старшеклассники школы № 27, в которой учился Олег,

раздевались в холле ДК с шутками, традиционно сопровождаемыми массовым мероприятиям-обязаловкам, а выходили из Дома культуры молчаливыми, серьезными. Хочется верить: после того, что они увидели и услышали, в их душах что-то изменилось. Быть может, кто-нибудь из этих ребят в сочинении на вольную тему напишет слова, похожие на те, которые принадлежат перу Олега Визнюка: "Мы должны быть и будем достойны славы своих отцов и дедов".

Только маленькая Настенька, стоявшая на сцене рядом с безутешными родными, еще не осознавала смысла памятного для семьи Героя, для всего Брянска события. В ее представлении папа находится где-то далеко-далеко и скоро вернется...

Каждый вечер по привычке Настя подходит к окну. Долго смотрит на дорожку, ведущую к подъезду, — ждет отца из затянувшейся на годы командировки. В доме все напоминает о нем. Письма. Фотографии. Видеозапись на кассете: он встречает Новый год с солдатами своей роты, желая им вернуться домой живыми и здоровыми. Камуфляж со Звездой, орденом и кавказскими крестами. Разговоры мамы, бабушки и дедушки. Все о нем, о нем... Часто навещаются его сослуживцы из брянского полка и 101-й бригады. Не забывают.

Мечтает Настенька первой увидеть папу, шагающего к родному дому и, хлопая в ладоши, звонко крикнуть: "Приехал! Приехал!"

Втайне надеются на чудо Галина Сергеевна и Лена. Бывало ведь — и в ту, Отечественную, и в эту, проклятую: приходили похоронки, посмертные награды, а следом возвращались оплаканные воины.

Ждут мама, жена и дочь родного, любимого.

Но его все нет и нет.

Нет...

**Полковник
Юрий КИСЛЫЙ**

Фото Григория СИМОНЕНКО
и из семейного альбома

нет

Боль

Земной поклон солдатской матери

гибшего в Чечне солдата. В те минуты, когда мы держали поминальные свечи, возлагали цветы на гранитные плиты памятников и могил, эта женщина находилась в Чечне. В чужой

В Нижнем Новгороде на круче у Вечного огня, у слияния Волги и Оки собрались родственники российских воинов, погибших на чеченской войне. Чтобы помянуть, чтобы найти хоть малое утешение в Храме Божьем, чтобы поделиться своими печальми с теми, кто душевно страдает...

Там встретились вновь с матерями старшего лейтенанта Анатолия Ягодина, рядового Алеши Емелина, старшего лейтенанта Михаила Мордовина и многими другими (на этой войне сложили головы 136 нижегородцев, их родственников собралось почти шестьсот человек). Время никогда не залечит раны материнских сердец — лишь зарубцуются они, и боль уйдет глубже. Почти все слезы уже выплаканы, и все горькие слова-причитания вышли с душевным криком. Уже не требуют они безумно-безнадежно: "Верните мне сына!" Только иногда, над родной могилкой ли, за поминальным ли столом уронят безответное: "За что?" Прибавилось седины в волосах нестарых еще женщин и пролегли морщинки ни лицах, которые не будут никогда веселыми.

Раскрыл в тот день Книгу памяти, выпущенную нижегородским Комитетом солдатских матерей, и нашел поэтические строчки:

Плачут солдатские матери в Перми...

*Пропаший без вести мальчишка,
Не похороненный солдат,
Тебя разыскивает мама,
Как много-много лет назад...*

*А мать надеется и ищет,
И не смыкает ночью глаз,
Все повторяет, как молитву,
Уже, наверно, в сотый раз:*

*"Сыночек мой, прости меня —
Я не смогла спасти тебя.
В твой час последний на земле
Моя душа неслась к тебе..."*

Это написала москвичка Анна Ивановна Пясецкая, мама по-

стороне, по бездорожью, на собственный страх и риск искала она тайные захоронения, чтобы останки чьих-то сыновей были опознаны, переданы безутешным матерям и преданы родной земле по-людски, по воинскому, по христианскому обряду.

Чечня, что черная дыра. И мы, выпавшись на белых простынях, чистые и сытые, первым делом спрашивали друг друга, нет ли вестей от нашей Анны Ивановны. Что говорить о простой незащитной женщине, если официальный представитель

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

российского президента сгинул без следа в той страшной черной дыре?

И вот, слава Богу, входит она, жива-здоровая, достает неизменный пирог к чаю. Мы вручаем ей “Реквием по нижегородцам, погибшим в Чечне”, она раскрывает эту скорбную черную книгу, находит на 182 странице фамилию рядового Сергея Кудряшова, который служил во внутренних войсках МВД России. И начинает свой рассказ о странствиях-приключениях, которые только-только претерпела.

В село Ойсхара, где на окраине христианского кладбища был похоронен Сережа, Анна Ивановна выехала вместе с отцом без вести пропавшего Андрея Олимпиева, Петром Ильичом, и Виктором Николаевичем Шкляром из российского представительства в Чечне.

Останки русского солдата были эксгумированы, отправлены в печально-знаменитую уже 124-ю судебно-медицинскую лабораторию в Ростов-на-Дону.

Место захоронения двух офицеров внутренних войск старших лейтенантов Константина Мальцева и Игоря Устелемова указал чеченский полевой командир Руслан Хархароев. Сам пришел к русским матерям. Из чувства вины перед ними, в желании покаяться перед безутешными в горе простыми женщинами? Анна Ивановна этого не знает и судить никого не берется. Говорит лишь о том, что не приди к ним Хархароев, никогда бы не найти двум семьям останки родных людей...

Каждая такая страшная находка стоила страшных же моральных и физических усилий горемычным женщинам. Почему в Чечню на многотрудные розыски отправляются они? Во-первых, некоторые полевые чеченские командиры ставят это неперенным условием: “Место захоронения покажем

только матерям”. Во-вторых, официальная команда — временная рабочая группа при президенте России по делам пленных, пропавших без вести и интернированных — малочисленна, урезана в средствах. По данным самих чеченцев, останки российских военнослужащих покоятся как минимум в двухстах захоронениях. Без вести пропавших же, по данным временной рабочей группы, 810 человек, по другим сведениям — около двух тысяч. Освобождение пленных — одна задача, которую надо решать срочно,

пают так, что потом годами не найдем концов...”.

Этой женщине можно верить. Сама она претерпела столько мытарств в поисках своего погибшего сына Николая, что не пожелает такого даже врагу. А сколько еще было случаев ошибочного захоронения, перезахоронения? Анна Ивановна историю чеченской войны знает во множестве эпизодов, связанных с гибелью наших солдат и офицеров. Сегодня она всерьез озабочена недостаточной базой сравнительных материалов, необходимых для опознания ос-

**Анна Ивановна Пясецкая
у нас в редакции**

поскольку речь идет о живых. Архисложное дело по поиску и эксгумации останков — тоже должно быть поставлено на государственном уровне. Солдатские матери — огромная сила, но нельзя взваливать на женские плечи эту адскую работу. Появились разного рода “альтернативные” комитеты, которые берут с матерей деньги якобы для поисков и эксгумации. Анна Ивановна всерьез озабочена такой активностью: “Если все поедут копать, нако-

танков в той же 124-й лаборатории, где она провела не одну неделю. Одной фотографии, конечно, недостаточно, когда останки не поддаются визуальному опознанию. Родственники не подзревают, как бы понадобились в поисках такие сведения, как рентгеновские снимки, группа крови, особые приметы. Когда Ольга Милованова во время поисков своего сына вспомнила, что у ее Андрея был в свое время перелом ключицы, она буквально заставила сделать рент-

Солдатские матери возвращаются из Чечни. Не нашли...

геновские снимки всех тел, находившихся тогда в ростовской лаборатории (сегодня их там еще почти полтысячи). Солдатская мать нашла останки сына, а материалами, сделанными в ходе того поиска, до сих пор пользуются эксперты.

Приказом министра обороны создана группа, которая должна будет заниматься эксгумацией. Но от подписания приказа до практической работы — дистанция огромного размера. Людям придется начинать едва ли не с нуля. В то время как во временной группе, возглавляемой С.Осиповым, уже есть определенные наработки, практический опыт поисковой работы, наконец, налажены связи с чеченцами, готовыми в чем-то помочь. Так, на момент нашего разговора с Анной Ивановной (9 июня с.г.) в Чечне было 22 эксгумированных тела, которые надо было срочно вывозить в Ростов. Для этого планировалось закупить специальный автомобиль. А тут сокращают даже расходы на командировки...

Анна Ивановна с благодарностью говорит о том, что солдатским матерям, находящимся в Чечне, выдают паек, за счет МВД, что ее иной раз подкидывают до Моздока и обратно наши войсковые летчики. Но почему солдатская мать, помогающая другим, вынуждена едва ли не с протянутой рукой ходить по инстанциям?

Мы решили рассказать об Анне Ивановне не только для того, чтобы отдать должное стойкости этой женщины, ее каждодневному тихому самопожертвованию. В ее скорбной истории важно и другое. Она, потерявшая на этой войне своего сына, свою дорогую кровиночку, не очерствела душой, не озлобилась на весь свет, а нашла дело, которому посвящает себя всю — помощь таким же матерям, своим подругам по несчастью. Кто-то из них может поддаться на провокации политических кликуш и, заодно с верховной властью, заклеить всех без разбору участников боевых действий в Чечне, в том числе и российских

военных. А ведь военные понесли те же потери — погибали сами, теряли сыновей, боевых друзей. "Вот не отдам сына в армию, и все тут, хоть стреляйте!" — слышишь иной раз и сокрушаешься тому, насколько замутили сознание простого, всегда честного и законопослушного гражданина.

Кто-то высказывал экстремистско-фантастический рецепт прекращения войны — дескать, если каждая мать заберет (читай — поможет дезертирству) своего сына из армии, то некому будет воевать и воцарится мир. Кто-то от таких намерений переходил к делу: прикрываясь мандатом комитета солдатских матерей, ратуя за всех сразу, одна мамаша выпросила своего сыночка в краткосрочный отпуск, да так его в воюющую часть и не вернула, "законно" перевела его в глубокий тыл, домой. Другая "отмазала" сына-дезертира, ушедшего с боевых позиций с оружием. Погибали другие. Предатель же попал под амнистию, живет себе преспокойно. Преспокойно ли?

До сих пор помню разговор с матерью солдата, приехавшей в Чечню, чтобы забрать из окопов своего сына. Женщина плакала и причитала: "Сам сказал, чтобы без сына домой не возвращалась". Сам — это муж этой женщины, отец солдата, хозяин. Мужик послал на войну женщину! Все перевернулось в этом мире. Вспомнился фильм "Отец солдата", проникновенный и правильный. В Чечне было несколько подобных историй, когда на фронт приезжали отцы и оставались в войсках контрактниками. Не вместо сыновей, но вместе.

Как тут не вспомнить и прекрасную "Балладу о солдате". Алеша Скворцов заработал свей краткосрочный отпуск подвигом. Времени осталось — только обнять маму. Не хотела она отпус-

кать сына на войну, с которой уже не вернулся отец, но... отпустила. Ибо всегда воин был призван защищать своих матерей, но не наоборот... Нам говорили: "То была другая война". Мы отвечали: "Солдат войну не выбирает".

Движение солдатских матерей — совершенно новое явление, новая общественная сила в нынешней российской действительности. И здесь есть свои подводные течения, свои закулисные интриги, свои раскольники. Матерей солдатских используют в своих нечистоплотных играх политики, бизнесмены, откровенные жулики. Расчет один — при слове "солдатская мать" любое сердце распахнется настежь, любое желание будет исполнено. И вот уже солдатских матерей в качестве тарана используют, создавая различные фонды, проводя всевозможные массовые акции. В самом начале чеченской войны разоблачили новоявленную "мать Терезу" с Дальнего Востока, дважды судимую за мошенничество, которая ловко охмурила не только высокое военное начальство, но и бессовестно обобрав многих родителей, пообещав разыскать в Чечне их сыновей и передать посылки и деньги.

Правильно, когда нечистоплотных людей выводят на чистую воду. Плохо, когда святое понятие "солдатская мать" треплут почем зря. Недавно просто покоробил первополосный заголовков в "Комсомольской правде" — "Солдатские мачехи отмывают в Волге деньги и кровь сыновей". Здесь же безобразный по замыслу коллаж — ныне модный изобразительный жанр, который, благодаря бездушному компьютеру, способен совместить несовместимое. На иллюстрации печальное лицо женщины в темной шали на фоне долларов, грозненских развалин, белого парохода и... бланка Коми-

тета солдатских матерей России.

Журналисты устроили групповую разборку по поводу несостоявшейся акции "Земной поклон". Сам жанр журналистского расследования, признаюсь, мне не по душе, как не по душе любые дрязги. Не беря ничью сторону в этой полемике (да полемики, собственно, и не было — беззастенчиво грубо выступила лишь газета), замечу только, что ко всему, связанному с судьбой солдатских матерей, с памятью их погибших сыновей следует относиться предельно тактично, внимательно и осторожно. Нельзя бухать в колокола, поднимая народ, будоража общественное мнение такими кощунственными заголовками, такими беспардонными картинками (ведь изображенная на газетной полосе женщина — чья-то мама, конкретный, живой человек не только с именем, фамилией, родственниками и знакомыми, но и, возможно, с непростой судьбой), как это сделала в погоне за "жареными" сенсациями "Комсомолка".

Земного поклона заслуживают все солдатские матери, вне зависимости от того, погиб ли их сын на войне или вернулся живым. Мать, вырастившая и воспитавшая защитника Отечества, по праву должна быть сама защищена государством. Нынче солдатские матери — почти сплошь простые труженицы, а то и безработные, малообеспеченные, зачастую растившие сыновей без мужской поддержки. Отпрыски же из сытых семей "новых русских" в ратную службу не призываются, в военные училища не идут, деньгами и связями им уготована более благополучная, не пыльная карьера, где и риск-то возможен сугубо специфический — финансовый, когда денег выходит не так много, как хотелось бы.

Но это уже отдельная тема, скажем так — сыновняя, а не материнская.

Говоря же о солдатских матерях, хочется еще раз призвать всех, кому приходится с ними общаться, к милосердию, терпению, пониманию. Солдатские матери нуждаются в моральной, материальной, физической поддержке. Не все из них умеют выстоять в беде, когда сын погиб или стал инвалидом. Как бы ни назывались разного рода акции — слеты, фестивали, съезды, собрания, встречи — лишь бы во благо. В городах России издаются Книги памяти — спасибо, мы будем читать о наших боевых товарищах, рассказывать о них всем россиянам. Возводятся памятники — благодарим, принесем свои цветы. Строятся храмы и часовни — святое дело, зажжем там поминальные свечи. Открываются благотворительные фонды — приветствуем, только чтоб все до копейки пошло на помощь нуждающимся...

Анна Ивановна Пясецкая горестно вздыхает: "На какие деньги ехать в Чечню? Надо искать! Роза Халишхова, Галя Вольскова, Лида Белоус, Таня Ильючик сидят ведь в Грозном до сих пор... Как добираться? В этот раз хотят ехать со мной в Чечню мама пропавшего без вести солдата-десантника Светлана Царегородцева из Дудинки и председатель Брянского комитета солдатских матерей Алла Власова".

Мы обещали похлопотать перед командованием внутренних войск, чтобы долетела Анна Ивановна до Моздока нашим войсковым бортом. А дальше?

Помогай тебе Бог, мать солдатская!

**Полковник
Борис КАРПОВ**

Фото Олега СМЕРНОВА
и Владимира НИКОЛАЙЧУКА

В зоне особого внимания

ЧЕЧЕНСКИЙ СИНДРОМ

Тревожные размышления российского офицера после командировки

Почти два года прошло с момента окончания чеченской войны. Но мир в отрогах Северного Кавказа так и не наступил. Особенно тревожная ситуация складывается сегодня в Республике Дагестан. Силловые министерства России предпринимают активные действия по нейтрализации взрывоопасной обстановки в этом регионе. Однако вряд ли одними только мероприятиями чрезвычайного характера можно восстановить там порядок и спокойствие. Проблемы, сотрясающие Дагестан, следует рассматривать через призму межнациональных, экономических отношений. Существует и еще один аспект, непосредственным образом влияющий на эскалацию напряженности. Это проблема взаимоотношений местных жителей с федеральными войсками.

Полоса отчуждения

Первое, что бросается в глаза в поведении военных на территории Дагестана, — это их явная отчужденность от местного населения. По моим наблюдениям, служивые люди на бытовом уровне с трудом воспринимают горную республику как составную часть России. Воевавшие офицеры, прапорщики и солда-

ты-контрактники всерьез опасаются развития событий в Дагестане по чеченскому сценарию. Местное население, в свою очередь, наблюдая за концентрацией войск на своей земле и ощущая себя в глазах федералов "лицами кавказской национальности", также проявляет нервозность.

Положение усугубляет то обстоятельство, что основная масса наших солдат и сержантов там — "лица славянской национальности", то есть немусульмане, чужаки. Но более всего тревожит морально-психологическое состояние личного состава. Солдаты, да и офицеры, в большинстве своем не научились относиться с искренним уважением ни к культуре, ни к национальным традициям, ни к религии мусульманских народов. К слову сказать, всерьез в войсках никакую религию не воспринимают. Все духовное воспитание наших военнослужащих ограничивается только ношением нательных крестиков. Да что там религия! Не выдерживает никакой критики, на мой взгляд, все идеологическое обеспечение наших частей, дислоцированных в республике. Газеты приходят с опозданием на две недели, журналов МВД днем с огнем не найти. Электронные СМИ? Здесь они больше вещают на турецком, чечен-

ском языках и на языках народов Дагестана. Общественно-гуманитарная подготовка во многих подразделениях проводится лишь на бумаге — в расписаниях занятий и в журналах. С другой стороны, идеологическая машина министерства информации, культуры и печати Ичкерии работает на полную мощность, муссируя провокационные слухи и сея среди местного населения семена недоверия к войскам. Особенно активно такая идеологическая обработка осуществляется на хасавюртовском направлении. А войска пассивно ждут у моря погоды. Даже контакты с главами администраций сел чеченцев-аккинцев налаживаются слабо. Зато внаглую, не таясь, действуют там эмиссары басаевского правительства. А народ в целом искренне желает найти точки соприкосновения с нашим командованием. Основной их интерес — экономический. Чеченцы-аккинцы издавна славятся как искусные овощеводы и садоводы. При наличии подвигек с нашей стороны они могли бы полностью взять на себя обеспечение войск в пределах Хасавюртовского района свежими овощами, фруктами. А когда в дело вступает экономическая заинтересованность — конфронтация отходит на второй план.

Граница на замке?

Нет, это вовсе не риторический вопрос. В свое время всем нам показывали по телевизору неоднократно повторяемый ролик, где Борис Николаевич учитняет разнос силовым министрам, подразделения которых «проспали» банду Салмана Радуева. Осмелюсь заметить: и до сего дня прозрачность административной границы с Чеченской республикой внушает самые серьезные опасения. В какой-то мере контролируются шоссевые магистрали, не более. Масса других, полевых и лесных, дорог никем не просматривается: нет ни сил, ни возможностей. С наступлением лета и

не контролируемые участки? Проведение же разведывательно-поисковых мероприятий пешими патрулями также сопряжено с немалыми трудностями.

Следует отметить и такой факт, как отсутствие в разведывательных подразделениях ВОГ штатных (нештатных) переводчиков, понимающих чеченскую речь и умеющих говорить по-чеченски. Эфир, особенно на направлении Гудермес — Хасавюрт, в буквальном смысле забит переговорами полевых командиров, чьи банды продолжают действовать на сопредельной территории. Досадно, что не можем использовать свое превосходство в технических средствах контроля за радиопереговорами противника.

К проблеме, которая может

учебных полей, и неумение (нежелание) части офицеров заниматься со своими подчиненными. Первая забота среднестатистического офицера и военнослужащего по контракту с момента прибытия в Дагестан — это чтобы замена из пункта постоянной дислокации не западала. Проблемы боевой подготовки, не говоря уже о проблемах охраны границы Дагестана, сегодня мало кого волнуют.

«Кадры решают все!»

История приписывает это высказывание И. Сталину. Речь сейчас о другом — о сути крылатой фразы применительно к обстановке в регионе. Совершенно очевидно, что без разбавления славянской массы наших военнослужащих на территории Дагестана представителями местной молодежи проблем, о которых шла речь выше, не решить. Преимущества такого шага очевидны.

Во-первых, сгладятся шероховатости во взаимоотношениях между местными жителями и войсками. Канут в Лету недоверие и подозрительность. Время, когда наша армия была многонациональной по составу, здесь хорошо помнят. Сегодня российские внутренние войска на Северном Кавказе не должны превратиться в «войско русское». Хотя бы в интересах сохранения дружбы между народами России.

Во-вторых, привлечение местной молодежи к службе по контракту на своей земле снизит остроту проблемы безработицы в ее среде. Местные парни готовы служить в войсках за гроши, но только в пределах Дагестана. И если учесть, что нынче, скажем, на Дальнем Востоке в присутствии оперативных частей внутренних войск МВД в таком же объеме, как на Кавказе, пока что не нуждаются — в мыслях дагестан-

до поздней осени скрытность прохождения оружия и контрабанды по этим путям обеспечивается отсутствием какой-либо продуманной концепции охраны границы с нашей стороны.

В этой связи следует отметить, что и эффективность использования подвижных КПП близка к нулю. Радиус их действий не выходит за пределы шоссевых дорог. А кто повезет запретный груз через границу по шоссе, когда есть другие, никем

проявить себя в будущем в случае ухудшения обстановки, следует отнести и отсутствие в подразделениях ВОГ практических занятий по тактической и командирской подготовке в поле. Сказать можно больше — текущей боевой учебы в подразделениях на территории Дагестана нет. Причин несколько. Здесь и отсутствие свободных людей (все или в наряде, или на хозработках, или отдыхают после ночного усиления), и отсутствие

ских парней есть крупица здравого смысла. Охрану порядка в своем доме легче доверить хозяевам. Примерно так рассуждали бы москвичи, если бы ОДОН, присланная для обеспечения общественного порядка на улицах первопрестольной, была сплошь укомплектована представителями Северного Кавказа. Кроме того, привлечение местной молодежи для службы на территории Дагестана улучшит общие показатели призыва по России в целом.

В-третьих, такое положение дел снизит у наших военных остроту "синдрома возможных

провокаций" со стороны местного населения и позволит существенно сократить количество ежесуточно выделяемых военнослужащих для охраны самих себя. Отсюда возможность организации полноценной повседневной боевой учебы. Как вариант, дагестанских призывников можно было бы вначале направлять в учебные центры, а уж оттуда, после подготовки и скрупулезной проверки, — в линейные подразделения ВОГ.

В-четвертых, улучшатся показатели оперативной работы по добычанию разведывательной информации, в том числе и с

использованием технических средств разведки.

Для более качественного контроля за административной границей с Чеченской республикой необходимо в прикордонных селах сформировать группы патрульно-постовой службы, укомплектованные местными жителями под началом участковых милиционеров. Уверен, такие группы ППС станут самыми рьяными противниками появления чужаков с оружием в руках в окрестностях их селений. Совсем необязательно для прикрытия границы с Чечней в Хасавюртовском районе привлекать "чужих" милиционеров из Дербента, к тому же говорящих на другом языке. И ни в коем случае нельзя допускать актов дискриминации по отношению к чеченцам-аккинцам при найме дагестанцев на службу в органы внутренних дел. Ибо в противном случае им ничего не останется, как пополнить собой ряды непримиримых на сопредельной территории и посвятить себя борьбе за возвращение "исконно чеченских земель" под юрисдикцию "независимой" Ичкерии.

**Подполковник
Владимир БАРАНОВ**
Фото Юрия ПИРОГОВА

Вопросы есть!

Год назад я был в числе первых, кто поздравил Александра с назначением на должность начальника отделения боевой подготовки части. По взгляду сияющих глаз нетрудно было догадаться, что повышение для него — событие праздничное, долгожданное. Александр тогда не скрывал своей радости, охотно делился планами на будущее, был полон оптимизма...

И вот новая встреча со старым знакомцем. Вяло пожав руку, Александр достал из пачки сигарету, жадно закурил. После нескольких затяжек его хмурое лицо немного смягчилось.

— Укатили сивку крутые горки, — виновато улыбнулся подполковник. — Не обижайся на холодный прием. Замотался. Целыми днями кручусь как белка в колесе, а отдача — нулевая. Вот и сегодня на совещании получил очередной втык — сказали, что организация боевой подготовки не выдерживает никакой критики. Открыли Америку! Да я сам об этом постоянно твержу. Вчера до полуночи справку го-

то-вил, объясняя почему в хвосте плетемся. Проблем — вагон и маленькая тележка. Их общими усилиями решать надо, а не перекладывать на одни плечи: "Твоя "кафедра" — ты и суепись." А как в одиночку вытащить неподъемный груз? Я же не Господь Бог.

Швырнув в урну окурки, он тут же вытащил другую сигарету, нервно щелкнул зажигалкой.

— Раньше ты смолил меньше, — заметил я.

— Зато зубоскалил больше. А теперь видишь, каким нытиком стал. И все она, должность проклятушная... — Увидев в моих руках диктофон, подполковник в сердцах махнул рукой — Ладно, где наша не пропадала! Записывай грустную исповедь начбоя. Только одно условие — не упоминай фамилию...

* * *

— Итак, передовых высот в боевой подготовке часть не достигла. К моему большому сты-

ду и недовольству командования. Факт, конечно, печальный, но вполне закономерный. При том отношении к учебе, которое сложилось в нашей части, рассчитывать на высокие результаты было бы просто наивно. Говорю об этом нисколько не кривя душой, открыто и без лукавства, хотя с дрожью в голосе и тревогой за свою карьеру. Но, как говорится, чему быть, тому не миновать. Горькая правда все-таки лучше сладкой лжи.

Год назад, беря в свои руки бразды правления отделением боевой подготовки, дал себе слово сделать все возможное, чтобы поднять ратную выучку личного состава на новый качественный уровень. Верил: поскольку боевая учеба всегда ставилась во главу угла, значит, мне и карты в руки, а моей "кафедре" — зеленый свет в решении всех проблем, связанных с организацией учебного процесса.

Аксиома: носишь на плечах погоны — будь боевым профессионалом в полном смысле этого слова. Независимо от военно-учетной специальности каждый офицер должен хорошо знать тактику, топографию, систему всех видов обеспечения, уметь работать на средствах связи. Иначе грош ему цена.

О том, что существует иная точка зрения, узнал довольно

скоро. В первый день командирской подготовки в начале летнего периода обучения на занятиях отсутствовало больше половины офицеров. И не только управленцев, но и командиров подразделений. Приказываю своим помощникам найти сачков. И что же выясняется? Все "пропавшие без вести" выполняют срочные задания начальства. Иду к командиру, уточняю. Информация подтверждается.

С начала осени пропускать занятия стали целые взвода. Причины самые разные — заготовка овощей, подготовка казарм к зиме, работа на городских предприятиях для получения по бартеру стройматериалов. Дела, безусловно, важные и нужные. Но почему из-за них должна страдать боевая выучка солдата, в которой кровно заинтересован каждый офицер? Ведь хорошо обученный боец — все равно что кирпичик в фундаменте здания. От солдата, сержанта зависит успех отделения, взвода, роты, батальона, а значит, и части в целом. Не научили солдатшек всем премудростям и тонкостям боевой службы — вот вам "баранка" на итоговой проверке.

Правда, до "баранки" дело не дошло, проверяющие поставили "удочку". Но для меня она была все равно что жирный "неуд" в дневнике.

За плохую успеваемость всегда спрашивают строго. Вот и с меня при "разборе полетов" спросили: "Чем же ты занимался, уважаемый начбой, все это время?" Хотел резануть правдumatку в глаза, сказать, что боевая подготовка для нашего начальства — как телеге пятое колесо, да сник под грозным взглядом командира.

И сейчас, вместо того, чтобы

заниматься своим делом, хожу ответственным по части — за себя и за того парня, разбираюсь с "чепками", участвую в заседаниях различных комиссий, встречаю и размещаю прибывающих на стажировку курсантов, готовлю различные справки, пишу ответы на распоряжения, не имеющие никакого отношения к боевой подготовке... И только поздно вечером, когда прекращается штабная суета, вспоминаю, что я начбой и пора, наконец, заняться выполнением своих непосредственных обязанностей.

Задайся я целью подсчитать, сколько часов моего служебного времени затрачено вхолостую, сколько килограммов бумаги исписал, готова ответы на многочисленные и зачастую дублирующие друг друга указания, — получил бы в итоге четырехзначное число. Зато по пальцам могу перечислить те дни, когда занимался исключительно тем, чем должен заниматься начальник отделения боевой подготовки.

Нонсенс! Начбой не может выехать на стрельбище и проконтролировать занятия по огневой — чему учат бойцов, как они владеют оружием. И все потому, что опять вынужден строчить ответы на телеграммы, письма, жалобы, сочинять всевозможные справки, отчеты. А ведь нынешний год объявлен в войсках годом боевой учебы. Это направление является приоритетным в работе любого командира, и львиная доля служебного времени всех офицеров, а начбоев — в первую очередь, должна быть направлена на реализацию требования, продиктованного жизнью.

"Ты прав, подполковник!" — соглашаются со мной окружающие "боевики" и по-прежнему бук-

вально заваливают мой рабочий стол новыми "указивками".

Говорят, что театр начинается с вешалки. А с чего начинается работа по организации боевой подготовки? С хорошо продуманной, умело составленной и реально выполнимой учебной программы. Программы, в обязательном порядке предусматривающей особенности выполняемых задач. Но применительно к нашей части этот азбучный принцип почему-то игнорируется. В штат части входят стрелковый батальон, осуществляющий конвоирование осужденных по железнодорожным маршрутам, два специальных моторизованных батальона, батальон по охране важных государственных объектов и автобат. Но из округа прислали программу, разработанную для частей и подразделений оперативного назначения, которых у нас нет. Звоню уважаемым коллегам в вышестоящий штаб и вежливо интересуюсь: "Вы там, часом, ничего не напутали? Часть хоть и отдельная, но не оперативная. Поясните, пожалуйста, как учить конвойников, милиционеров, "спецов" ВГО, автомобилистов?" И слышу в ответ: "Не доставай по пустякам! Руководствуйся тем, что прислали".

Хорошенькое дело! Как я могу руководствоваться учебным планом, когда он ни с функциями, ни с реальными возможностями штатных звеньев бригады не стыкуется? К примеру, от нас требуют готовить гранатометчиков, наводчиков АГС и КПВТ, а батальоны имеют на вооружении только автоматы и РПК, латаная-перелатаная бронетехника — на приколе, нет бензина и запчастей.

Ладно, организационные проблемы можно худо-бедно решить, изменив и дополнив пла-

ны — командирам дано такое право. А вот где брать средства для материального обеспечения учебного процесса? Как, не имея ни гроша за душой, обновлять обветшавшие учебные объекты, доставать наглядные пособия? Каким образом обучить тех же пулеметчиков, ежели для стрельбы из КПВТ выделено на год... аж шестьдесят 14,5 мм патронов? Я уже не говорю о батальонных учениях с боевой стрельбой — с нашей базой это несбыточная мечта.

Мне командуют: "Крутись, начбой!" Приказ начальника — закон для подчиненного. Кручусь как белка в колесе! В одной организации что-то выпросил, в другой — украл, где-то еще "халыва" перепала. Роль попрошайки — позорная и недостой-

ная для офицера. Но приходится жертвовать самолюбием, дабы не навлечь гнева на свою голову.

Не успел дух перевести — новое ЦУ. И так изо дня в день, из месяца в месяц. Вместо целенаправленной и конкретной работы — аврал за авралом. А они, как известно, положения не спасают.

В итоге после каждого совещания глотаю валокордин, в один присест "съедаю" пачку сигарет. Такие, брат, дела...

— Ну, бывай! — протянул руку Александр. — Рад бы еще пообщаться, но времени — в обрез. Пора ехать на проверку службы планового караула. В принципе, это обязанность дежурного по караулам, а навесили на меня — тащи, начбой. Потом нужно

составить справку, ответить на какую-то дурацкую жалобу... Уехать бы сейчас в поле — на тактические занятия, да рабочий стол не пускает, — улыбнувшись на прощание, он зашагал к штабу, над дверями которого красовался огромный лозунг "Боевая подготовка — главная задача!"...

**Записал
Владимир НИКОЛЬСКИЙ**

*Н-ский округ
внутренних войск*

*Владикавказскому
Краснознаменному —
60!*

Приоритеты

БАТАЛЬОНЫ ПРОСЯТ... РУБЛЯ

Осенью прошлого года в Северо-Кавказском округе внутренних войск были созданы батальоны первоочередной готовности. Их основное предназначение — в случае внезапного осложнения общественно-политической обстановки в регионе в кратчайший срок выдвинуться в район возможных боевых действий и во взаимодействии с личным составом временной оперативной группировки сил обеспечить надежное прикрытие административной границы с Чечней.

За минувшие десять месяцев было многое сделано по укреплению материально-технической базы, укомплектованию БПГ опытными офицерскими кадрами и высококлассными специалистами, организации боевой учебы личного состава. Но, несмотря на прилагаемые усилия, нерешенных проблем остается еще много.

Батальоны первоочередной готовности сегодня войскам просто необходимы. И в своевременности их создания в нашем полку убеждены все военнослужащие. Общественно-политическая и криминогенная ситуация в Северо-Кавказском ре-

гионе крайне сложная и трудно предсказуемая, и то, что участие этих мобильных подразделений в сдерживании межнациональных конфликтов положительно скажется на поддержании мира и стабильности на Кавказе, ни у кого не вызывает сомнений.

Но для того, чтобы бойцы и командиры успешно выполняли поставленные задачи, решение о формировании БПГ должно сопровождаться солидной материальной поддержкой. В первую очередь стабильным финансированием и внимательным отношением старших начальников к батальонным нуждам. Там, где эти условия не соблюдаются, возникает уйма проблем, которые негативно сказываются на боеспособности подразделений. За примером далеко ходить не надо. Осенью прошлого года, выполняя приказ главкома внутренних войск о создании батальона первоочередной готовности в нашем полку, мы столкнулись с этими проблемами, что называется, нос к носу.

Начну с того, что нам дали на формирование батальона всего три недели. За этот срок мы должны были укомплектовать его людьми и техникой, оборудовать стоянки и загрузить автомашины оружием, боеприпасами, вещевым имуществом, раз-

работать и отработать кучу различных документов, организовать боевую учебу личного состава, провести боевое слаживание.

Восемнадцать дней все офицеры управления полка работали на износ под неусыпным оком направленных из штаба округа. В отведенное время мы уложились, отрапортовали начальству о выполнении отданного распоряжения. Но удовлетворения от проделанной работы не получили, понимая, что батальон быстрого реагирования как боевая единица существует только на бумаге. Причин на то великое множество. Остановлюсь только на некоторых.

Решение о формировании БПГ на базе штатных линейных батальонов в принципе было правильным. Но почему брать за основу обязательно только первые батальоны полков? В нашей части мы с командиром предлагали создать подразделение быстрого реагирования на базе третьего батальона — лучшего по материально-техническому обеспечению. Там сложился неплохой офицерский коллектив, к младшим специалистам не было претензий, солдаты и сержанты показывали стабильные результаты в боевой учебе, а состояние воинской дисциплины — на

голову выше, чем у соседей. И самое главное — подразделение неплохо зарекомендовало себя в Чечне, многие офицеры имеют солидный боевой опыт.

Но к нашему мнению не прислушались. Третий батальон — это батальон на БТРах, а базовым подразделением должен быть батальон на БМП. И началась великая пертурбация. По-навыдергивали людей из других рот и батальонов, причем далеко не худших, и укомплектовали ими первый. А всю отрицаловку из него, да простят меня за это грубое слово, разбросали по другим подразделениям. В результате — резкий рост дисциплинарных проступков, самовольных оставлений части. И вывод старшего начальника: плохо знаете своих подчиненных, не ведете с ними никакой профилактической работы. А как ее вести, если батальон обновился почти полностью. Люди не успели притереться друг к другу, офицеры даже фамилий своих солдат еще не запомнили как следует, не говоря уж об индивидуальных особенностях каждого.

Следующий момент. Та материально-техническая база, которую создавали по крохам, изыскивая в полковом тыловом хозяйстве скудные резервы и годную к эксплуатации технику, не позволяла батальону находиться в двухчасовой готовности. Оседлать своих стальных коней и выдвинуться в район возможных боевых действий личный состав БПГ мог только с большим опозданием. Отдельные машины нуждались в серьезном ремонте, не хватало прицепов, оборудования для хранения имущества и боеприпасов. Для их приобретения требовались деньги. Но на это дело не выделили ни копейки. Пришлось прибегнуть к проверенному жизнью и не раз выручавшему войска из бед «хапспособу». В городских авто-

хозяйствах с молчаливого согласия их руководства умыкнули часть «ненужных» запчастей и агрегатов. Это позволило погрузить на машины необходимый боезапас и все батальонное тыловое хозяйство.

По тому же принципу офицеры полковых служб укомплектовывали всем необходимым свои «кафедры». Дивизионное и окружное начальство такой принцип формирования батальонов первоочередной готовности считает вполне нормальным. «С деньгами и дурак все сделает. Командиру голова дана не только для того, чтобы фуражку носить, думайте, соображайте, как из конфетку сделать», — любят повторять штабные руководители. И тут же на корню губят любую командирскую инициативу.

Боевую учебу и тренировки личного состава вновь созданного подразделения в полку решили проводить по элементам: от поднятия батальона по тревоге до выдвижения его в заданный район и ведения боевых действий. Цель проста: чтобы уложиться в отведенные два часа готовности, нужно учить людей тому, что они должны выполнять в тот или иной промежуток времени, в такой-то конкретной ситуации. Например, на начальном этапе, при сборе по тревоге, отрабатываем следующие элементы: отправка посыльных за офицерами — раз, подъем, экипировка и построение личного состава — два, водители — бегом в парк, прогрев двигателей, выдвижение техники к месту посадки людей — три и т.д. На втором этапе — элементы движения в заданный район, на третьем — организация и ведение боевых действий. После того, как люди усвоят свой порядок действий — проводим тренировки в полном объеме, что называется, от а до я. Разумно? По-моему, да.

Однако штаб округа с нашим

мнением опять не согласился, и мы вынуждены проводить занятия и тренировки в полном масштабе четыре раза в неделю. И не в учебные часы, предусмотренные планом боевой подготовки, а, как правило, во время, отведенное для самоподготовки личного состава и сержантов или воспитательной работы.

Как известно, легких дней у бойца не бывает. Уставший после дневных занятий или службы, вечером он вновь вынужден заниматься тем же. И неудивительно, что особого рвения на тренировках солдаты и сержанты не проявляют.

Но это еще не самая главная беда. Принимая решения о создании подразделений быстрого реагирования, руководству войск надо было бы предусмотреть и меры материального поощрения военнослужащих. Многомесячные наблюдения убеждают: служба в БПГ по своей сложности и ответственности мало чем отличается от ратного труда «краповых» и «зеленых беретов». И военнослужащие БПГ должны тоже получать адекватное денежное вознаграждение за свой нелегкий труд.

Из всего сказанного вывод напрашивается сам собой. Система формирования и обучения батальонов первоочередной готовности пока далека от совершенства. Та спешка, с которой они создавались, породила проблемы, требующие скорейшего разрешения. И чем скорее это произойдет, тем безболезненнее пройдет становление БПГ, столь необходимый для поддержания мира и стабильности в горячем регионе.

**Подполковник
Юрий ВАСИЛЬЕВ**

*Северо-Кавказский округ
внутренних войск*

Как это делается "у них"

КОГДА ДЖИНН ВЫРЫВАЕТСЯ НА СВОБОДУ

За последние десять лет массовые беспорядки в горячих точках, сопровождаемые поджогами, убийствами, бесчинствами, стали реальностью нашего непредсказуемого времени. И вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что сегодня джинн неповиновения и буйства надежно упрятан за семью печатями и больше никогда не вырвется на свободу. К сожалению, нынешние тревожные события на Северном Кавказе убеждают в обратном. Вот почему опыт, приобретенный внутренними войсками в ходе многочисленных операций по восстановлению правопорядка, защите мирных людей от произвола и насилия, не должен уйти в запас. Уповая на мудрость политиков, благоразумие и выдержку сограждан во взрывоопасных регионах, нужно тем не менее наращивать усилия по совершенствованию тактики противодействия экстремистам, брать на вооружение все ценное, что накоплено в отечественной и мировой практике борьбы с возмутителями спокойствия. Аналогичной проблемой, кстати, озабочены и за рубежом.

Модернизация техники и тактики ликвидации массовых беспорядков в США

Анализ американскими специалистами действий армии, морской пехоты, частей спецназа, национальной гвардии при ликвидации массовых беспорядков как на территории США (Лос-Анджелес в 1992 году), так и за ее пределами (Сомали, Бурунди, Руанда) привел к частичному изменению системы взглядов на применение вооруженного насилия в локальных конфликтах. Заметим, что американцы использовали в качестве информационной базы для выработки новых концепций и материалов о действиях регулярных формирований других стран — Израиля, Пакистана, Индии.

Основной вывод заключается в том, что в дальнейшем США придется встретиться с необходимостью участия в операциях подобного рода главным образом в странах третьего мира в ходе миротворческих акций под флагом ООН. Беспорядки могут возникнуть в процессе обострения конфликтов на различной почве — политической, межэтнической, религиозной. Но во всех случаях налицо будет комбина-

ция применения вооруженного насилия в разных формах и различной интенсивности с ненасильственными действиями. Ряд соображений, высказанных американскими аналитиками, заслуживают внимания. К слову, они затрагивают проблему массовых беспорядков и в развитых государствах, ведь и там в случае дестабилизации обстановки существующие в приглушенном состоянии конфликты политического, религиозного, межэтнического характера (к примеру, сепаратистские движения, межконфессиональные противоречия) могут, подобно мифическому джинну, вырваться наружу.

Как предполагают в США, вероятные беспорядки будут более организованными по сравнению с аналогичными событиями в прошлом, проходившими чаще всего спонтанно. Теперь их инициаторами в конфликтных ситуациях выступают сплоченные группы военно-политических лидеров, располагающие более или менее централизованным аппаратом руководства и хорошей связью между его различными уровнями, налаженной с помо-

щью местной радиотелефонной и телеграфной системы коммуникаций, специальных курьеров, портативных радиотелефонных устройств.

Непосредственных участников беспорядков можно разделить на три группы. Первая включает боевиков, имеющих стволы, ручные гранатометы и носимые зенитные ракеты, а в ряде случаев, как например формирования сомалийского генерала Айдида, и тяжелое вооружение. Это в основном хорошо подготовленные профессионалы, знакомые с приемами конспирации, тактикой партизанских действий. Второй слой бунтовщиков, особенно в городах, состоит из большого количества молодых людей, подростков и женщин, снабженных импровизированными орудиями насилия — палками, металлическими прутьями, трубами, ножами. Они используются для атаки сил, пытающихся обеспечить правопорядок, их изматывания, создания прорывов в рядах полицейских и военных, выдвинутых к местам концентрации воинственно настроенных представителей местного населения. Одновременно эти люди служат прикрытием для боевиков и расчищают путь невооруженным участникам беспорядков — третьей, наибольшей по численности, группе возмутителей спокойствия. Предполагается, что при перерастании бунтов в партизанскую войну в условиях города невооруженные единомышленники экстремистов, в особенности женщины, будут использоваться для транспортировки взрывных устройств, стрелкового оружия, боеприпасов.

Американские эксперты обращают внимание на то, что возникновению массовых беспорядков любого характера предше-

ствует ослабление или даже паралич правоохранительных органов, дезорганизация системы государственного управления. Эта ситуация оказывает отрицательное воздействие на операции вооруженных сил. В данной связи ссылаются на пример Сомали, когда в распоряжении штаб-квартиры ООН не было мест, где можно было бы накапливать задержанных бунтовщиков. Многих приходилось по этой причине отпускать. В лучшем случае их перемещали в места, не затронутые беспорядками, но так как и там не было достаточных площадей для содержания мятежников и отсутствовали компетентные органы уголовного правосудия, задержанных через несколько дней отпускали, и те вновь брали в руки стволы и палки.

Интересные аналитические выводы связаны с ситуациями, возникающими при использовании в ликвидации массовых беспорядков коалиционных сил, как это имело и имеет место в миротворческих операциях под эгидой ООН. Нередко формирования участвующих стран руководствуются разными стандартами применения вооруженного насилия в ходе противодействия экстремистам. Кроме того, правительства этих стран могут придерживаться разных концепций относительно причин ЧП и способов восстановления порядка. Оптимальный выход из положения, как считают в США, — отведение миротворческим формированиям разных участков общего театра действий или разделение функций: одни нейтрализуют боевиков, другие конвоируют и охраняют задержанных, третьи несут патрульную службу. Если не прибегать к этим мерам, неизбежен тупик в попытках ликвидировать мятеж.

Особое внимание в рекомендациях по организации борьбы с массовыми волнениями, которые могут возникнуть в будущем, отводится вооружению и снаряжению личного состава армейских частей и правоохранительных структур. Заранее невозможно определить, будут ли бунтовщики использовать стволы или ограничатся подсобными средствами вроде палок, ножей и камней, а поэтому необходимо иметь все табельное оружие: винтовки, автоматы и прочее. Кроме того, у военных и полицейских должны быть противогазы на случай применения спецсредств. Чрезвычайно важно снабдить личный состав бронжилетами новых модификаций, которые хорошо защищают от пуль и не стесняют движений в рукопашной схватке. Согласно новым требованиям, бойцы оснащаются портативными распылителями аэрозолей, оказывающих раздражающее и обессиливающее воздействие. Для рассеивания толп мятежников рекомендуется применять водометы.

Следует отметить, что в США ведутся интенсивные работы по созданию различных видов не смертельного оружия на основе новейших технологий. К их числу относятся: клейкая пена — химическое вещество, лишаящее возможности передвижения; микроволновые излучатели, электромагнитные колебания которых сильно разогревают кожу людей; транквилизаторы в виде газа или аэрозоля с усыпляющим эффектом; низкочастотные генераторы парализующего действия.

Наряду с новшествами в техническом оснащении формирований, направляемых на восстановление порядка, предлагаются и меры по изменению их организации, тактики. Отмечается, что

одним из решающих факторов успеха операции, позволяющим завершить ее без применения огнестрельного оружия, является численность подразделений, брошенных на подавление мятежников. Так, 50 бойцов при действиях против воинственно настроенной, готовой к насилию толпы в 1000 человек наверняка будут вынуждены открыть огонь на поражение. Между тем 400 вооруженных солдат выполняют поставленную задачу в аналогичной ситуации, не прибегая к

Важная роль отводится также психологической подготовке личного состава, способности военнослужащих и полицейских в случае неблагоприятного развития событий быстро менять тактику и методы борьбы с экстремистами, в критических ситуациях решительно и в то же время обоснованно пускать в ход смертельное оружие.

Особый интерес представляют рекомендации по применению бронетехники против бесчинствующих мятежников. По

Если, предположим, работают четыре бэтэра, то два идут в авангарде, а два за ними, пулеметным огнем по верхним этажам домов затрудняя действия стрелков противника.

Когда массовые беспорядки в городе приобретают форму восстания, на улицах обычно воздвигаются баррикады. Их преодоление требует особой осмотрительности. Здесь, по опыту американцев, следует соблюдать несколько правил.

Во-первых, перед подготовкой к штурму непрерывное наблюдение — и за мятежниками, укрывшимися за баррикадой, и за соседними зданиями.

Во-вторых, применение не смертельного оружия (химических веществ раздражающего действия и т.п.), чтобы вынудить боевиков покинуть позиции.

В-третьих, неусыпная бдительность при продвижении за линию баррикады: только так можно избежать потерь от неожиданного обстрела или радиоуправляемых взрывных устройств и мин-ловушек.

В-четвертых, быстрая расчистка завалов с помощью бронетехники и бульдозеров на заключительном этапе операции.

Подводя итог, следует отметить: в нынешней системе взглядов американцев на применение вооруженного насилия для восстановления порядка остаются актуальными требования о тщательной подготовке личного состава к действиям в особых условиях, знании каждым офицером и солдатом тактики борьбы с бунтовщиками, умения быстро реагировать на изменение обстановки. Думается, эти требования, продиктованные жизнью, не менее актуальны и для российских внутренних войск.

Виктор ГИЛЕНСЕН,
профессор

крайним мерам. Во всяком случае, при таком соотношении сил противоборствующих сторон вероятность кровопролития намного меньше, чем в первом варианте. Одновременно рекомендуется избегать вступления в непосредственный контакт с толпой, в которой за невооруженными мужчинами, женщинами и детьми, как правило, скрываются боевики. Иначе потери даже среди хорошо подготовленных бойцов спецназа неизбежны.

мнению американских военных специалистов, все бэтэры и БМП (танки в операциях такого рода неэффективны) целесообразно использовать в составе подразделений не менее взвода. Выдвигать броню по улицам можно только в сопровождении пеших групп, ведущих постоянное наблюдение в готовности уничтожить обнаруженные позиции гранатометчиков. Кроме того, передние машины необходимо защищать с арьергардных.

Точка зрения

В 1997 году во внутренних войсках зарегистрировано около полутысячи фактов неуставных взаимоотношений среди военнослужащих. Из ста пятидесяти восьми человек, осужденных военными судами, значительная часть преступников приговорена к различным срокам лишения свободы. Большинство из них направлены для отбывания наказания в дисциплинарные воинские части. Свои черные дела казарменные держиморды творят под знаком "ложно понятых интересов службы". А их жертвы, вопреки всякой логике и здравому смыслу, неоднократно меняют свои показания, дабы "из ложно понятого чувства товарищества облегчить участь подсудимого". Часто пострадавшие от неуставщины до поры до времени терпят издевательства и не докладывают о противоправных действиях сослуживцев. И тогда складывается "ложное представление" о благополучии в воинском коллективе.

О неуставных взаимоотношениях в воинских формированиях различных министерств и ведомств сегодня в народе говорят ровно столько, сколько в недалеком прошлом говорили об армии как о школе жизни, патристического и физического воспитания. Сегодня, наверное, столько родителей не хотят отправлять своих детей на службу ратную из-за опасений вероятности травм

УМЫШЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА

или гибели, сколько когда-то говорили: "Заберите его в армию, может хоть там из него человека сделают". Солдаты-отставники более старшего поколения утверждают, что в их бытность о неуставных взаимоотношениях даже разговора не было. Молодые им не верят. "Неуставщина уже изначально заложена в однородности замкнутого коллектива", доказывают они. Подобное, мол, явление существует даже в женских колониях.

Вряд ли они неправы. Но и вряд ли они правы на все сто процентов. Во-первых, потому, что не каждый воинский коллектив поражен неуставщиной, а во-вторых, не каждый новобранец испытал на себе тяжесть кулаков казарменных держиморд.

Неуставщина — армейская часть беззакония, творящегося в обществе. Если посмотреть статистику подростковой преступности в гражданских условиях, то она более удручающая в сравнении с преступностью в военной среде. По официальной хронике МВД России в стране только в прошлом году выявлено 162 тысячи несовершеннолетних, совершивших преступления. Более 120 тысяч из них — особо тяжкие и тяжкие. Крими-

нализация армии шагает в ногу с криминализацией всего общества.

Посему можно, наверное, согласиться с мнением многих офицеров, что в армейской среде нет каких-либо особенных причин, которые явились бы следствием если не всех, то большинства преступлений. И если наводить порядок в армии как в замкнутом сообществе, а не в масштабе всего государства, то не следует вести речь о неуставщине, как о социальном явлении. Офицеры не в состоянии ликвидировать многие причины. Они могут несколько изменить только ситуацию и предотвратить конкретное преступление против конкретного военнослужащего. Им не по силам повлиять на процесс допризывного воспитания.

Два раза в год стриженные парни, такие все одинаково домашние, нестройными рядами отправляются от ворот военкоматов на вокзалы и далее к месту службы. Всего два года им предстоит в таком качестве честно и добросовестно выполнять свой гражданский долг. И разве можно предположить, глядя им вслед, что через несколько месяцев кто-то из них из-за неуставных взаимоотношений

поменяет место службы на дисциплинарную воинскую часть, а кто-то оставит службу и бросится в бега, спасаясь дома от невыносимых условий жизни и службы.

К сожалению, уже давно наша армия из несокрушимой и легендарной превратилась в оплеванную и затоптанную в грязь. Военная служба из почетной и священной обязанности превратилась в никому не нужную повинность. Наверняка многим в электричках метро приходилось видеть приклеенный неброский листочек бумаги: сидит карапуз на солдатской каске, словно на горшке. А рядом слова, которые иначе как вызовом обществу от имени всех мальчишек страны и не назовешь: "Служба в армии? Спасибо, нет". Здесь же и номера телефонов, позвонив по которым вы узнаете, как ваши тайные желания воплотить в реальность. Звоните, не пожалеете.

То, что происходит сегодня в наших школах, процесс воспитания патриотов своего Отечества напоминает весьма отдаленно. Уже давно канули в Лету занятия по начальной военной подготовке. Наглухо закрыты двери школ для ветеранов Великой Отечественной войны, воинов более младших поколений. Однако в департаментах образования все-таки хоть скудные средства, но выделяются для внешкольной работы с подростками. И некоторые энтузиасты, читай проходимцы, пользуясь безнаказанностью и бесконтрольностью умело эти деньги получают и без особого труда прикарманивают. Как-то в начале года приходит домой мой старший сын и начинает возбужденно рассказывать: к ним в школу приходили представители какого-то патриотического клуба "Атака", приглашали их на занятия и почти все ребята класса решили записаться. У них де есть своя база, где они занима-

ются, классы, автомобильная техника. Конечная цель самая привлекательная и романтическая: из них будут готовить разведчиков.

Заинтересовали ребят и выезды на полигоны, ночевки под открытым небом, постижение искусства выживания в экстремальных ситуациях.

Не поверил поначалу, что такое может быть. Сейчас любую мало-мальски пригодную для чего-нибудь материальную базу стараются сдать различным фирмам и без особых затрат получить прибыль. Решил сам навестить ту организацию. И действительно, в довольно добротном здании ПТУ, которое в тот момент находилось на ремонте, для клуба было отведено несколько комнат. Предположительно это и были когда-то кабинеты по начальной военной подготовке. Познакомился с двумя сильными парнями, которые и возглавляли клуб. Поинтересовался их подготовкой. У одного оказалось юридическое и педагогическое образование.

Стали ребята заниматься. Выезжали за город в выходные дни и ночевали у костра прямо на снегу при десятиградусном морозе. Во время каникул повезли их на полигон Кантемировской дивизии, где должны были ознакомиться с тяжелым вооружением, дать возможность пострелять из стрелкового оружия и провести другие занятия, способствующие становлению будущих разведчиков.

Но даже здесь ребята столкнулись с махровой неуставщиной и унижениями. В это время в дивизии проходили сборы с очередным призывом. На глазах у школьников сержанты давали зуботычины молодым солдатам, заставляли отжиматься в упоре лежа за незначительные провинности.

Со школьниками никто занятий не проводил, они десять дней маялись от безделья. И

при этом им не разрешали садиться на кровати, только на табуретки, которых было в два раза меньше, нежели разведчиков клуба "Атака". Утром, не объясняя причин, новоиспеченные армейские чины по нескольку раз разбрасывали постели и заставляли заправлять их заново. Не гнушались и подзатыльниками, заставляли отжиматься в упоре лежа. При этом незлобно говорили: "Ничего, привыкайте к армейским порядкам". И неудивительно, что даже здесь были дезертиры, которые просто-напросто убежали домой.

На этом, почему-то, занятия в клубе прекратились. Однозначно, у мальчишек, даже отъявленных школьных хулиганов, есть потребность в военной романтике. Подкрепить бы их желание хорошей организацией и воспитанием, и могли бы получить потенциальных офицеров. А в итоге — ребята разочаровались не только в клубе "Атака", но и в армии в целом. Почти все, с кем довелось побеседовать, сказали, что не хотят служить в армии, где существуют такие порядки.

Информацию о службе ратной будущие солдаты впитывают из рассказов уволившихся земляков, старших братьев. Как правило, живописуют те, кому представилась возможность подедовать в свое время, водочкой иной раз побаловаться. Те же, кто первые полгода терпел и унижения, не говорят об этом.

Официальный источник, средства массовой информации, в последнее время представляют армию все больше в черном цвете. Офицеры, мол, сплошь бездари, только и делают, что над солдатами измываются.

Такие вот первые уроки получают еще в гражданском ликбезе будущие солдаты. Скорее всего уже здесь формируется отношение к армии и жертв не-

уставщины, и казарменных дер-
жиморд.

Все по-разному реагируют на услышанное, по-разному адаптируются к новым армейским условиям. Одни — уже съезживаются только от самой мысли о предстоящих испытаниях, другие — быстрее привыкают к новым условиям.

Управление по работе с личным составом Главкомата внутренних войск МВД России изучило молодое пополнение, поступившее во внутренние войска осенью прошлого года. Анализ показал, что каждый пятый молодой солдат имеет те или иные проблемы со здоровьем. Почти 10 процентов призывников по своим психологическим качествам будут испытывать трудности в адаптации к условиям военной службы и нуждаться в специальных мероприятиях психологической помощи и поддержки. Две трети из их числа составляют группу риска потенциально возможного развития нервно-психических расстройств. Естественно, такие люди длительное время будут не в состоянии оказать какое-то сопротивление казарменным хулиганам.

Если бы я заранее не знал, что в клубе части проходит судебное заседание, то мог бы подумать, что организовано какое-то торжественное мероприятие. На сцене полукругом расставлены столы, за которыми, как в президиуме, расположились члены суда, прокурор, адвокат. По угрюмому виду и низко опущенной голове угадывался подсудимый сержант Тихонов.

Проведение подобных открытий судебных заседаний в расположении воинских частей было задумано в воспитательных целях. В былые времена так оно и было. Подсудимый хоть и не под охраной, но сидел за ограждением. Выступал общественный обвинитель, который клей-

мил позором своего недавнего товарища и требовал строго его наказать. Чувствовалось незримое солидарное осуждение преступника.

Это же заседание прошло буднично, не вызвав у присутствующих негодования.

Суть дела: сержант Тихонов "из ложно понятых интересов службы избивал и применял иное насилие к подчиненным ему военнослужащим более позднего срока призыва, заставляя их отжиматься от пола и приседать, а также заправлять его кровать". Рядовые Орлов и Сидоров вследствие этого самовольно оставили часть. Кроме сержанта, в неуставщине обвинялись и несколько человек рядовых. Их дело было выделено в отдельное делопроизводство и судебное заседание проходило позже.

С началом следствия и подследственный, и пострадавшие общались между собой, солдаты уже даже простили своего бывшего младшего командира. Они как бы вернулись в то первоначальное состояние, когда вышагивали по перрону. Это ничего, что они разного призыва. По сути — они равны. А на суде им предстояло опять вспоминать неприятные моменты и перед глазами своих товарищей изобличать старослужащего. Невольно по непонятным законам общественное мнение было не на их стороне. В беседе со мной многие солдаты говорили, что они знали о неуставных методах воспитания, применяемых сержантом, но помалкивали. Периодически доставалось и им. Да и сами пострадавшие о рукоприкладстве никому не докладывали. Больше всего поражает то, что на вопросы председательствующего, почему они искали у сослуживцев сигареты старослужащим, почему носили котелок вместо них в столовую, почему слепо следовали в под-

вал, зная что ведут туда не просто так, а будут избивать, пострадавшие в один голос заявляли: "В армии свои законы". И это в то время, когда устав, по их словам, изучали поверхностно. Они даже не знают, может ли сержант в качестве взыскания заставлять их отжиматься от пола. Вопрос закономерен: откуда им известно об армейских "своих" законах. За ответом далеко ходить не нужно.

Сержант Тихонов узнавал о законах армейской жизни тоже из уст своих товарищей. Оказалось, его старший брат служил в этой же части и уволился несколько лет назад. Офицеры его еще хорошо помнили и дали исчерпывающую характеристику: грубиян, часто обманывал, был замечен в рукоприкладстве, но отделался лишь дисциплинарными взысканиями. Вот и весь сказ. В зале суда присутствовали и родители Тихонова. Наверное, закономерно, что своего сына они преступником не считали. И, судя по всему, не без оснований заявляли, что каждого второго старослужащего можно посадить рядом с их сыном. Об одном только жалели, что не откупили сына от армии, хотя и была возможность. А сам Тихонов на все мои вопросы отвечал, что их поколение погубила система. Наверное, понимал нелепость своего утверждения, потому что постоянно прятал глаза. Жертвой какой системы пал Тихонов — социалистической, капиталистической, армейской — выяснить мне так и не удалось.

Очевидно, один из методов борьбы с неуставщиной — правовое воспитание молодежи, повышение их правосознания. Одни не знают своих элементарных прав, другие знают об ответственности за противоправные действия, но тем не менее совершают их. До тех пор, пока между ними не встанет за-

кон, все воспринимается как невинные шалости, детство. А откуда возьмутся эти знания, если по статистике призыва во внутренние войска осенью прошлого года только около 5 процентов молодых солдат имеют высшее образование, но и почти столько же — начальное. Всего лишь половина призывников закончили десять классов.

Трудно судить, каким был бы исход в другой ситуации, если бы солдат доложил своему непосредственному начальнику, сержанту, о неуставных мерах по отношению к нему, в данном же случае суд констатировал, что "поскольку Тихонов, являясь начальником потерпевших, сам применял к ним неуставные действия, они были лишены возможности обратиться к нему за защитой своих прав и законных интересов". К сожалению, не идут за этой защитой военнослужащие ни к сержантам, ни к офицерам. Не верят, что изменится что-то, считают, что ночью в казарме правят бал держиморды. А напрасно. В моей практике был один случай. Тогда молодой солдат Максимов пришел прямо к командиру полка и привел с собой еще двоих сослуживцев. Написали они объяснительные. Потом, правда, те двое от них отказались, заявили что их Максимов подговорил написать. В ходе служебного расследования, хоть и подтвердились факты неуставщины, в возбуждении уголовного дела было отказано за малозначительностью деяний. А к Максиму все-таки приклеилась кличка "стукач". Но со временем он понял, что от нее и не стоит избавляться. Он откровенно издевался над сослуживцами: "Да, я стукач, — со злостью говорил им. — Вот только троньте, прямо к командиру дивизии пойду и все выложу". Деды в его сторону сердито смотрели боялись.

В начале я оговорился, что офицеры не в состоянии ликвидировать многие причины, влекущие неуставные взаимоотношения. Да, но повлиять на ситуацию они могут и должны. Наверное, половина преступников в погонах в условиях гражданской жизни подпустили бы. И совершают их, только оказавшись в определенных, именно армейских условиях. Судя по приговору военного суда, причиной совершения преступления Тихоновым явились "ложно понятые интересы службы". Позвольте, заправлять за него кровать, искать сигарету — как это можно связать с интересами службы, даже ложно понятыми? Да, уголовное право не оперирует категориями морали и нравственности. А умысел в действиях не доказан. Хотя здесь и не вооруженному знаниями законов юриспруденции человеку видно, что это обыкновенное разгильдяйство, невоспитанность и упование на безнаказанность. Всем известно расхожее выражение, что "незнание закона не освобождает от ответственности". А если умышленное нарушение? Любые неуставные действия иначе и не назовешь.

Дисциплина в армии всегда держалась на строгих ограничительных мерах, предпринимаемых офицерами, сколько бы мы ни убеждали себя в том, что она "основывалась на осознании каждым военнослужащим своего воинского долга и личной ответственности за защиту своей Родины". Там, где офицеры дневали и ночевали в казарме, что называется, пасли своих подчиненных, там и крепче был уставной порядок. А сегодня, когда продекларировали, но пока еще медлим с переходом на контрактную армию, об осознании своего воинского долга речи вести не приходится. Уже сказано, что в армии должны

служить за деньги. Посему понятие «воинский долг» необходимо заменить понятием высокооплачиваемой, престижной государственной службы. И чем быстрее мы это сделаем, тем больше молодых людей спасем и от тюрьмы, и от гибели, и от увечий.

Да, офицеры должны повлиять на ситуацию. Но когда я посмотрел сюжет по телевизору о неуставщине в одной из частей, то пришел к выводу, что в данном случае повлиять на ситуацию можно было только тогда, когда бы на пост дневального по роте стал как минимум капитан. Согласитесь, это не выход из положения. Сейчас даже ротами командуют старшие лейтенанты.

Вот еще одна социальная проблема, влияющая на изменение ситуации по укреплению законности в армии — нехватка офицерских кадров. Не хотят служить офицеры за те скудные гроши, в которые общество оценивает их труд. А те, кто служит, вынуждены убегать с работы и искать подработок на стороне. Потому что семью кормить не на что, денежное содержание не выплачивают месяцами. А в законах прописано, что в армии запрещены забастовки. Лучше бы там записали, что правительство должно создавать для военнослужащих условия, исключающие забастовки. Тогда было бы честно и справедливо.

Недавно беседовал со своим однокашником, который после передачи функций охраны ИТУ органам исполнения наказания автоматическим стал заместителем начальника колонии. У них на службе одни контрактники и денежное содержание выплачивают пока вовремя. И знаете, у них, оказывается, другая беда — пьянство...

Иван КАЧУМ

Закон есть. А статус?

Весной нынешнего года Государственная Дума приняла, а Совет Федерации одобрил сразу три "военных" федеральных закона — "Об обязательном социальном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового, начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников федеральных органов налоговой полиции", "О воинской обязанности и военной службе" и "О статусе военнослужащих", который был подписан президентом страны 27 мая 1998 года.

Все три закона военного пакета имеют важное значение для жизнедеятельности войск и обеспечения социально-правового статуса военнослужащих и членов их семей. Но, пожалуй, наибольшего внимания заслуживает все же закон "О статусе военнослужащих". Он предусматривает для ряда категорий военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей существенное увеличение денежного содержания, расширение объема предоставляемых прав, льгот, гарантий и компенсаций.

Важный момент, новый закон закрепляет основополагающую норму: правовые и социальные гарантии военнослужащих не могут быть отменены нормативными правовыми актами Российской Федерации иначе как путем внесения изменений и дополнений в закон "О статусе военнослужащих". А ведь в ходе работы согласительной комиссии депутатов Госдумы, представителей президента, Совета Федерации и правительства по уточнению положений закона правительственная сторона предлагала передать исполнение ряда социальных льгот военнослужащих, в частности, по предоставлению жилья, в ее ведение. Некоторые администраторы в регионах пошли еще дальше. Например, мэр Хабаровска издал распоряжение, отменяющее право военнослужащих на бесплат-

ный проезд в городском и пригородном общественном транспорте. С вступлением закона в силу на пути подобного рода "законотворцев" поставлена надежная правовая преграда. Еще одно важное положение нового закона — за пленными или захваченными в качестве заложников, а также интернированными в нейтральных странах военнослужащими сохраняется их статус. Это значит — их семьям будет выплачиваться положенное им денежное довольствие.

На членов семей военнослужащих, погибших при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения или в вооруженных конфликтах, распространяются льготы, гарантии, компенсации, действующие в отношении семей военнослужащих, погибших в Великой Отечественной войне.

Установлены дополнительные льготы для военных и их детей в сфере образования. Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, при увольнении имеют право пройти профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей бесплатно или же после 15 лет военной службы поступить без вступительных экзаменов в высшее или среднее образовательное учреждение. Детям военнослужащих в первоочередном порядке, а детям граждан, уволенных с военной службы, не позднее месячного срока предоставляются места в общеобразовательных и дошкольных учреждениях и летних оздоровительных лагерях независимо от форм собственности на них.

Установлена выплата в размере до 50 процентов оклада за исполнение, помимо своих должностных обязанностей, обязанностей по вакантной должности.

На 0,5 оклада денежного содержания военнослужащего увеличена сумма подъемного пособия, выплачиваемого при переезде к новому месту службы.

В общий трудовой стаж, начисляемый для уста-

новления пенсии супругам военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, включен период, в течение которого они были вынуждены не работать из-за болезни детей.

Есть изменения в порядке обеспечения военнослужащих жильем. На весь срок военной службы служебными жилыми помещениями обеспечиваются военнослужащие, назначенные на воинские должности на основании заключенного с ними контракта начиная с 1 января 1998 года. Если военнослужащий прослужил по контракту 20 и более лет или увольняется после достижения предельного возраста состояния на воинской службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, при общей продолжительности службы 10 лет и более, ему предоставляется жилье по избранному постоянному месту жительства в порядке, определяемом федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Что касается медицинского обеспечения, то и здесь есть нововведения. Право на бесплатную медицинскую помощь в военно-медицинских учреждениях предоставляется уволенным прапорщикам и мичманам, имеющим общую продолжительность военной службы 20 лет и более.

При расчете оплаты жилья семьям умерших (погибших) военнослужащих из метража жилых помещений исключается площадь в пределах социальной нормы на одного человека и она не оплачивается.

И, что сегодня очень важно, одиноким матерям военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, предоставляется преимущество на право сохранения рабочего места при сокращении численности или штата работников.

Предусмотрено оказание военнослужащим бесплатной юридической помощи органами военного управления и органами военной юстиции по вопросам, связанным с прохождением военной службы.

Очевидно, закон "О статусе военнослужащих" чрезвычайно нужен. Во сколько же обойдется он налогоплательщикам?

При обсуждении закона в Совете Федерации представители Минфина назвали цифру в 100 миллиардов денонмированных рублей. Однако при расчетах финансисты причислили к категории военнослужащих и пожарных, сотрудников налоговой полиции, милиции. Хотя совершенно определено они имеют иной статус, регулируемый другими законами.

Дополнительная финансовая нагрузка на бюджет, по подсчетам сотрудников аппарата Комитета по обороне Государственной Думы, составит

всего 291 миллион денонмированных рублей. Деньги, в основном, пойдут на обеспечение медицинского обслуживания увольняемых прапорщиков и мичманов.

Называется еще одна цифра — 24 миллиарда рублей. Но это вовсе не стоимость нового закона, а долг правительства по индексации денежного довольствия военнослужащих, которое, в нарушение ныне действующего закона "О статусе военнослужащих", не индексировалось с 1995 года. Сейчас в закон включена поправка, обязывающая правительство оклады денежного содержания военнослужащих в течение 1998 года увеличить в 2,9 раза. Ровно во столько увеличился минимальный размер оплаты труда в стране за период с 1995 года.

Пожалуй, именно это положение вызвало наибольшее неудовольствие представителей финансового ведомства страны. Однако в то время, когда денежное содержание военнослужащих не увеличивалось почти три года, правительство трижды представляло в Госдуму законопроекты о лишении военнослужащих права на бесплатный проезд и льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг.

Обсуждение вопросов социального статуса военнослужащих неизбежно влечет пересмотр характера и объемов предоставляемых им социальных льгот и гарантий. В последнее время отчетливо слышны голоса тех, кто предлагает, увеличив денежное содержание военнослужащих, лишить их социальных льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг, бесплатному проезду в городском и пригородном транспорте и других. При этом они ссылаются на опыт высокоразвитых стран Запада, где якобы отсутствие у военнослужащих подобных льгот компенсируется их высокой зарплатой.

На самом деле там привлекает граждан в армейской службе не только относительно высокое денежное содержание, но и ряд социальных льгот. Так, в армии США суммы денежного довольствия по американским понятиям далеко не астрономические: рядовой-новобранец получает 901 доллар в месяц, сержант 1-го класса — 2086 долларов, минимальная оплата офицера — 5108 долларов. Это без учета надбавок за участие в боевых действиях, учениях и военных операциях. Главное, что привлекает американцев в военной службе — не деньги, а целый комплекс материальных благ и социальных гарантий, которые предоставляются федеральным правительством. С того момента, как подписан контракт, новобранец получает месячный оклад, письменные гарантии на приобретение им военной специальности по выбору и назначение на должность в воинскую часть — тоже

по выбору. Он обеспечивается бесплатным питанием, жильем, обмундированием. Семейным солдатам и офицерам предоставляется небольшой дом или часть дома на территории гарнизона за весьма символическую плату. На крупных военных базах есть детские сады, магазины, где продаются продукты и товары со скидкой 25-50 процентов. Всем военнослужащим и членам их семей предоставляется бесплатное медицинское обслуживание. В крупных гарнизонах есть учебные центры, где можно учиться и даже сдавать экзамены по курсу некоторых гражданских вузов. После завершения четырехлетнего контракта военнослужащий имеет право на увольнение в запас. Ему предоставляется возможность получить образование — правительство выплачивает ему на учебу до 25 тысяч долларов, а также полностью оплачивает переезд отставника с семьей в любую точку страны.

Нынешний верховный главнокомандующий ВС США в начале своего президентства сдержанно отнесся к проблемам военных. Билл Клинтон начал с того, что попытался уменьшить бюджет Пентагона, заморозить зарплату военнослужащим и разрешить в армии и на флоте ... служить гомосексуалистам. Эти решения вызвали крайне негативную реакцию в военной среде. И прежде всего у кадровых офицеров. Однако американский президент быстро понял, что без поддержки армии невозможно проведение эффективного внешнеполитического курса. Осенью 1996 года им был подписан законопроект о выделении на социальную поддержку военнослужащих дополнительно 2,7 миллиарда долларов.

Чтобы сделать армейскую службу более привлекательной для молодежи, предпринимаются значительные усилия и правительством Германии. По мнению руководства страны, добиться этого можно лишь путем совершенствования системы материального стимулирования, обеспечения надежной социальной защиты военнослужащих.

Несмотря на общее сокращение бюджета министерства обороны ФРГ в последние годы, статья расходов на выплату денежного довольствия постоянно увеличивается. В прошлом году денежное содержание военнослужащих увеличилось на 1,3 процента. Почти на столько же увеличится оно и в этом году.

Следует отметить, что помимо соответствующего должностям и звания оклада все категории военнослужащих получают различного рода надбавки: на содержание семьи (ее величина зависит от количества детей и решения вопроса о трудоустройстве жены), суточные во время учений и командировок; компенсацию за выполнение особо

ответственных служебных обязанностей и проведение работ в сложных условиях; выплаты за каждый час службы в праздничные, воскресные и субботные (после 13.00) дни; денежные выплаты за поднаем жилья; компенсацию транспортных расходов при совершении поездок служебного характера на личном автомобиле; единовременные выплаты увольняемым за пределы части в рождественские праздники.

Дополнительные ежемесячные надбавки за особые условия службы выплачиваются военным летчикам, десантникам, военнослужащим авиационно-диспетчерской службы, членам экипажей подводных лодок, водолазам. Все вышеперечисленные доплаты в совокупности существенно увеличивают месячный доход, а нередко и превышают размеры основного денежного содержания.

Военнослужащие бундесвера пользуются определенными льготами при уплате страховых взносов. В большей мере это относится к кадровым военным, в меньшей — к контрактникам и призывникам. Кадровые военные освобождаются от выплат по пенсионному и социальному страхованию. После выхода в отставку в соответствии с законом "О материальном обеспечении офицеров запаса и офицеров в отставке" они получают пенсию, размер которой соответствует ранее занимаемой должности и выслуге лет. Кроме того, данная категория военнослужащих и члены их семей имеют право на бесплатное медицинское обслуживание как во время прохождения службы, так и после ее окончания.

Важным направлением социальной защиты является забота об увольняемых военнослужащих срочной службы. За ними бронируются прежние рабочие места. После окончания курса начальной военной подготовки они могут заочно обучаться в различных учебных заведениях, используя для этого неслужебное время. Им оказывается помощь в трудоустройстве после увольнения с военной службы. Своеобразным стимулом, побуждающим молодежь отправляться на вербовочные пункты, является то обстоятельство, что некоторые крупные фирмы ФРГ не принимают на работу лиц, не прошедших службу в армии.

Думается, что для создания аналогичной системы стимулирования военнослужащих у нас в стране необходимо совершенствовать систему их социально-правовой защиты, не отказываясь от имеющихся собственных наработок и заимствуя положительный опыт в военном законодательстве развитых стран.

**Полковник
Александр ФЕДОРОВИЧ**

Обращение к истокам

СУЩЕСТВУЕМ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ЛЮДЕЙ

Кодекс Чести и честь мундира

Моральные правила нельзя заставить выполнить силой: им следуют по внутреннему убеждению. На страже их стоят не суд и прокуратура, а совесть и общественное мнение. Нравственные нормы несут в себе частицу опыта, признанных идеалов. Сами же идеалы отражаются в нормах, предписывающих и настоятельно рекомендующих следовать вполне определенному поведению.

Ф.М.Достоевский считал, что основная идея всегда должна быть недостижимо выше, чем возможность ее исполнения. Иными словами, идеал есть высший образец, к которому каждый должен стремиться, а норма представляет собой своеобразный предел, ниже которого человек не имеет морального права опускаться. Моральные нормы следует объяснять, внушать, доказывать, чтобы они стали осознанным внутренним побуждением человека. Для этого служат особые правила, кодексы поведения, этические кодексы и присяги, кодексы чести.

Знать их, следовать им призваны все стоящие на охране право-

порядка, вне зависимости от цвета формы, звания и должности. Для военнослужащих внутренних войск это важно еще и потому, что многие из них приходят в органы внутренних дел, обучаются в учебных заведениях МВД, становятся профессионалами в различных службах правоохранительной системы, где требования кодекса чести являются не простым нравственным декларированием, но моральной основой всей повседневной деятельности.

Профессиональный кодекс поведения — это совокупность этических норм, сформулированных сообществом профессионалов и призванных нравственными путями воздействовать на их сознание и регулировать их деятельность. При этом подобный кодекс рассматривается как система моральных норм, некий свод этических правил, систематизированных и оформленных текстуально в определенной последовательности и неременной логической взаимосвязи. Как правило, в этическом кодексе отражаются такие нравственные требования, которые ранее уже выработало моральное сознание общества. По-

мимо этого, в нем содержатся те нормы поведения, которые соблюдаются подавляющим большинством людей (в том числе и принадлежащих к данной профессиональной группе), и те, которые нередко нарушаются (в силу различных причин), но тем не менее считаются в данном обществе (сообществе) обязательными, традиционными.

Сфера этики вообще содержит немало парадоксов и неоднозначно трактуемых положений и даже норм. Объяснимо это прежде всего тем, что с течением времени существенно изменяются не только взгляды человека и его образ жизни (нравы, принципы, мода, стиль), но и его представления о Добре и Зле. Наиболее устойчивое мировосприятие и адекватное отношение человека к человеку сохраняются внутри профессиональной общности как социально-психологической среды "обитания". Это именно та "ниша", в которой возможна более или менее продолжительная консервация (в смысле сохранения) положительного нравственного опыта и способов его практической реализации. Следовательно, отражаемые и закрепляемые в этических кодексах (и иных деонтологических документах) моральные нормы вырабатываются с учетом интересов конкретных профессиональных групп и представлений людей о Должном (греч. - "деонто́с"), то есть допустимом, возможном, одобряемом, желательном, или о неодобряемом (осуждаемом), нежелательном, неприемлемом в профессиональном поведении.

Обществу известно немало типов профессионально-этических кодексов. Ими руководствуются не только медицинские работни-

ки, юристы, ученые, журналисты, но и военнослужащие, и государственные чиновники, и сотрудники органов внутренних дел.

В 1993 году вступил в силу Кодекс Чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации. Кодекс содержит нравственные нормы, наиболее необходимые и общепризнанные в нашем обществе, в том числе и самими работниками органов внутренних дел, и рассматриваются ими как важнейшие и необходимые для моральной ориентации сотрудников милиции, укрепления авторитета правоохранительных органов, поддержания и повышения престижа службы, воспитания молодых сотрудников, обеспечения единства моральных требований, предъявляемых ко всем работникам системы МВД России. Требования эти по большому счету вполне применимы и к военнослужащим внутренних войск МВД России, поскольку на войска возложены и правоохранительные функции, как составная часть общей заботы об интересах общественной безопасности.

Разумеется, настоящий кодекс не мог появиться на свет на пустом месте. А потому имеет смысл вспомнить о некоторых историко-деонтологических корнях отечественной правоохранительной системы.

Одним из непосредственных истоков современного Кодекса Чести по праву следует считать подписанный в 1782 г. Императ-

рицей Екатериной Второй "Устав благочиния или полицейский".

Примечателен помещенный в уставе "Наказ управе благочиния", который в свою очередь открывал раздел весьма красноречиво названный, как "Зерцало управы благочиния". В нем в качестве первого положения закрепились "Правила добронравия":

1. Не чини ближнему, чего сам теперь не хочешь (фактически "золотое правило нравственности" — А.Щ.).

2. Не только ближнему не твори лиха, но твори ему добро сколько можешь.

3. Буде кто сотворил обиду личную, или в имени или добром звании, да удовлетворит по возможности.

4. В добром помогите друг другу, веди слепого, дай кровлю невинному, напой жаждущего.

5. Сжался над утопающим, протяни руку помощи падающему.

6. Блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего споткнется — подыми ее.

7. С пути сошедшему указывай путь.

Так проведение политики "просвещенного абсолютизма" обусловило замену жестких регламентов и грубых формулировок, характерных для первой четверти и середины восемнадцатого столетия, мягкими человеколюбивыми принципами в духе христианской морали, русской православной церкви.

В течение целого ряда веков православие в лице своих пред-

ставителей стояло на страже закона и законности. Православные пастыри словом и делом исполняли эту высокую обязанность, когда, например, умоляли князей и народ воздерживаться от неблагочестивых поступков, независимо от рангов смело укоряли и обличали преступивших закон за содеянное, лично разбирали тяжбы ссорящихся, шли к князьям и судьям, защищали сирот и обиженных. Одним словом, церковь всячески старалась воспитывать в русском народе чувство справедливости и законопослушания.

Справедливости ради заметим, что в настоящее время русская православная церковь возрождает практику взаимного приложения усилий в благородном деле духовно-нравственного и патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск на непреходящих традициях русского православия, верности присяге, служебному долгу, Отечеству.

Как известно, задачей органов и внутренних войск МВД является охрана правопорядка, борьба с преступностью. Но одна только милиция, как и вся правоохранительная система в целом, очевидно, не в состоянии полностью решить проблему противодействия криминализации страны, потому что корни этого явления покоятся не в той среде, которую можно контролировать только юридическими, судебными и оперативными средствами. Эти корни — в нравственном состоянии общества, в котором все мы живем.

Снова обратимся к страницам не столь давней истории. В полиции Российской Империи основное внимание традиционно уделялось "служебному разви-

тию и нравственному воспитанию".

Обучение чинов полиции в специальных школах и на курсах сводилось не только к становлению и совершенствованию профессионального мастерства, к полицейским кадрам предъявлялись также требования норм морали и нравственности. Исполняя свои служебные обязанности, каждый полицейский чин в основе своего сознания должен был иметь честность, справедливость и стойкость, хладнокровие, мужество, должен был доводить начатое дело до конца, испытывая при этом непоколебимую преданность Государю, закону и присяге.

И не случайно многие инструкции, адресованные полиции, а также различные циркуляры конца XIX - начала XX вв. изобилуют такими словами, как честность, безусловная правдивость, нравственность, трезвость, ревностность к исполнению службы, терпение, рассудительность, мужество, решительность и достоинство, приличие, вежливость, предупредительность и бескорыстие. Каждое слово и дело должны были пробуждать в душе полицейского непоколебимую преданность Государю и Отечеству, память о совести и священной присяге.

Известный циркуляр градоначальника Н.В.Клейгельса от 29 декабря 1902 г. за номером 5413 гласил, что "не менее важное и существенное значение в условиях чрезвычайно трудной службы столи-

чной полиции должны иметь искренняя доброжелательность, спокойствие и добродушие полицейских чинов ко всем обращавшимся к ним за помощью и содействием. Никогда не забывая, что неумелое обращение с отдельным лицом роняет достоинство служащего, чины полиции на каждом шагу своей деятельностью должны обязательно проявить любовь к ближнему, полную готовность помочь нуждающемуся в содействии, оказывая разумную и энергичную защиту обиженному и принимая, в пределах своих обязанностей, сердечное участие в каждом, оцувшемся по какой-либо причине в трудном положении".

Не правда ли, данный полицейский циркуляр, принятый к исполнению почти столетие назад, остается и сегодня весьма актуальным для наших органов и войск правопорядка? Этому не следует удивляться, ибо сама сущность комплектования и профессиональной подготовки чинов полиции в Российской Империи сводилась к тому, чтобы охранители правопорядка, постоянно находясь на высоте своего призвания, должны были быть готовы первыми оказать всякую помощь нуждающимся в ней. А уж в морально-этической требовательности к полицейским, служащим со стороны государства и его МВД, сомневаться не приходилось.

Александр Второй в свое время отмечал, что "дела и спокойствие обывателей составляют истинный предмет всех су-

Александр II

дебных и полицейских мест, и этот предмет должен быть единственным и непременным основанием их учреждения". В инструкции к Саратовскому губернатору им записано: "Приучите обывателей видеть (в полиции - **А.Щ.**) не только орудие, но и покровительствующее от преступлений и охраняющее их собственность, тогда полиция будет вместе и строга, и всеми уважаема".

Не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в губернских городах открывались школы и курсы, где готовились урядники, приставы, околоточные надзиратели, городовые. Руководители полицейских органов сами писали для этих школ учебные пособия. Наряду с профессиональными дисциплинами слушателям разъяснялся смысл полицейской службы и прививались элементарные культурные навыки, обосновывались принципы служебного долга.

В руководстве для полицейских чинов — пособии к изучению обязанностей полиции — говорилось: "...Проявлять доброжелательность к населению, помнить, что полиция существует **ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ЛЮДЕЙ** (выделено мной — **А.Щ.**) и обязана в пределах своей власти помогать каждому в законном его требовании, быть вежливой с обывателями и внимательной к ним ...и тогда можно рассчитывать, что полицейский чиновник приобретет уважение и доверие, его будут слушать и в случае надобности будут ему и помогать".

С будущими работниками уголовного розыска в ходе их профессиональной подготовки специально выделялись вопросы, отражающие моральные нормы, регулирующие отношение к служебному долгу, гражданам, а

также к журналистам (газетчикам).

В курсе сыскного дела даже была тема: "Отношение к прессе", а вводная лекция была посвящена отношению общества к сыскному делу. В тексте лекций для урядников Минской губернии указывалось, что со стороны лояльных подданных агенты сыска "должны бы встретить уважение и всестороннюю поддержку и помощь, ибо в выполнении органами сыска своей обязанности состоит общественное благо". Сетую на то, что слово "сыщик" стало бранным, авторы курса отмечали, что "невежественностью, противозаконными приемами и злоупотреблениями в сыскных действиях органы сыска давали подтверждения обществу к таким его ошибочным заключениям". Вывод очевиден: к сыскной работе нужно привлекать "не отребье", а "цвет полицейской силы, обладающей возможно большими познаниями до энциклопедичности".

В инструкции чинам сыскных отделений, утвержденной МВД России в 1910 г., каждый работник сыска обязывался "исполнять службу Его Императорского Величества **ПО СОВЕСТИ** (выделено мной — **А.Щ.**), памятуя священные слова присяги, принятой им при определении на службу".

В ряду специальных служб лютого государства одно из важнейших мест не случайно принадлежит уголовному розыску. В Российской Империи к сотрудникам этого ведомства по праву предъявлялись повышенные (чтобы не сказать — жесткие) нравственно-этические требования. В упомянутой инструкции эти требования весьма лаконичны, конкретны и одновременно — исчерпывающи. С известным

допуском этот документ можно было бы назвать Кодексом Чести работника сыска. Каким же должен был быть сыщик по мнению МВД России в начале XX века? Прежде всего "честным, безусловно, правдивым, ведущим жизнь нравственную, трезвую и ни в чем не зазорную, исполняющим свои обязанности ревностно, выказывающим на службе терпение, рассудительность, мужество и решительность". Характерно, что в Руководстве для полицейских чинов на первых страницах было сказано о тех особых трудностях полицейской службы, которые заставляли задуматься каждого, кто шел в полицию, ожидая довольно легкой и прибыльной работы. Таких предупреждали, что "нигде нельзя так легко потерять место и остаться с семьей без куска хлеба, как в полиции, и в то же время ни в какой другой должности не приходится испытывать столько тревог, волнений и отступлений от правильного образа жизни, отражающихся на состоянии здоровья и делающих человека неспособным к труду после 10-15 лет службы".

Как важные факторы деятельности полиции отмечались необходимые в их работе солидарность полицейских, их взаимопомощь, уважение чести и достоинства друг друга.

В России до определенного времени не было специальных наград, которыми бы награждались только полицейские чины. Общими были награды для всех должностных лиц, состоящих на государственной службе. В 60-80-е годы прошлого столетия были учреждены особые медали за пятилетнюю безупречную службу в полиции, а также золотые и серебряные медали, которые подобно Георгиевскому кресту четырех степеней и дру-

гим, существовавшим тогда на градах, крепились на георгиевской, владимирской и анненской лентах. В те же годы полицейские стали награждаться орденом Святой Анны.

Судя по исторической, мемуарной литературе, а также по архивным источникам, в истории российской полиции было немало примеров высокого профессионализма, честного и самоотверженного выполнения своего служебного долга средними, высшими и низшими чинами полицейского департамента. Профессионализм и проявление высоких моральных качеств всегда были в почете.

В сложных условиях того времени, при низком техническом оснащении работники общегосударственной полиции и судебные следователи во взаимодействии с сотрудниками сыскных отделений предпринимали «меры безопасности от воров и разбойников, поимку оных и истребление их шаек».

Уже в то время морально-нравственные проблемы во многих отраслях служебной практики (следственной, оперативно-агентурной работе) волновали руководителей полиции. Действительно, сохранить честь и профессиональное достоинство, основы морали крайне сложно, привлекая, например, к агентурной работе «малопочтенных» людей. «Непонятно, где кончается преступник и где начинается в нем сыщик», — писал один из полицейских начальников.

В 1913 г. в Швейцарии проходил Международный съезд криминалистов. На этом съезде в результате сравнительного анализа на основе докладов и представленных материалов от полиции различных стран московская сыскная полиция, занявшая первое место по раскрыва-

емости преступлений, была признана лучшей в мире.

Остается сожалеть, что из-за почти полного отсутствия (по известным причинам) литературы о наиболее ярких примерах выполнения работниками российской полиции своего профессионального долга, мы еще очень мало знаем о лучших, прогрессивных служебных традициях профессионалов, наследником которых так или иначе является сегодняшнее российское министерство внутренних дел.

...Нам всем есть чем гордиться. Одним из лучших достижений прошлого является выработанный последними столетиями кодекс нравственности в российской полиции. Речь идет прежде всего о таких непреходящих ценностях, как честь и долг, о системе воспитания этих прекрасных качеств у стражей правопорядка и законности.

Менялся государственный строй в стране, претерпевал неоднократные изменения содержания и формы политический режим, под ветром перемен изменялись (порой до абсурдности) взгляды политиков и власть имущих на систему функционирования и взаимодействия органов внутренних дел, совершенствовались оружие, специальные средства, материально-техническое обеспечение, приемы оперативной работы и тактика действий сотрудников и военнослужащих МВД. Но вопреки множеству нелицеприятных фактов (о которых мы сознательно не говорили) хочется верить, что неизменными остаются героизм сотрудников милиции и воинов внутренних войск, их вера в добро и справедливость, верность присяге и долгу службы, готовность к самопожертвованию, без которых нет и быть не может истинного стража правопорядка.

“Помнить старинное российское правило — Честь в службе!”, “... относиться к человеку как к высшей ценности”, “...уметь уважать права тех, кто оступился...”, — читаем в параграфах Кодекса Чести (1993 г.). Как же не просто все это. Как и многое другое, связанное зачастую с мучительным преодолением в себе чего-то черствого, инертного, наносного, недоброго. Недаром еще в старину говорили, что важнейшая из побед — победа над самим собой. Добавим: и труднейшая, пожалуй.

Конечно, этот современный Кодекс Чести появился не вдруг и уж тем более — не на пустом месте. Самое убедительное тому подтверждение — почти двухвековая история российского министерства внутренних дел. Но не только. Все же, несмотря ни на что, жива прекрасная русская гуманистическая традиция преемственности нравственных обязательств и этических норм, составляющих главное богатство, суть и ядро Кодекса.

**Подполковник милиции
Александр ЩЕГЛОВ,
кандидат
педагогических наук**

Кавказская война в русской литературе

“С свинцом в груди

лежал

недвижим я...”

Имени этого человека в хрониках Кавказской войны всегда сопутствует эпитет “храбрый”. Ранений у него было больше, чем наград. При штурме Варшавы, еще молодым офицером, он потерял глаз. На Кавказе получил пули в ногу, голову и в грудь навывлет. В Севастополе — две контузии и еще одну рану. Его наградили золотым оружием с надписью “За храбрость”. Но более памятной, чем все ордена и награды, была для него маленькая серебряная медаль за Ахульго. Звали этого человека Мориц Христианович Шульц.

Путешествуя по Кавказу, знаменитый писатель Александр Дюма не упускал случая порасспросить кого-нибудь из бывалых кавказцев — с тем, чтобы заполучить еще одну невероятную историю для своих путевых записок. В Хасав-Юрте судьба свела его с молодым офицером — сыном генерала Павла Христофоровича Граббе, командовавшего в 1839 году штурмом “орлиного гнезда” Шамиля — крепости Ахульго.

По рассказам ветеранов, дополненным молодым Граббе, Дюма составил картину небывалого сражения, разгоревшегося в день решительного приступа.

“Сей день, — пишет Дюма, — был днем кровавой сечи, какой ни орлы, ни коршуны, парившие над вершинами Кавказа, никогда еще не видывали. Противники буквально плавали в крови; лестницы, с помощью которых влезали на стены, были составлены из трупов. Не слышно было воинственной музыки для ободрения сражающихся. Хрипящие умирающих заменяло ее”.

Присутствие музыкантской команды в этой гигантской мясорубке, в которой обе стороны сражавшихся потеряли несколько тысяч человек, можно отнести к пылкой фантазии французского беллетриста, но в том, что при Ахульго состоялась одна из самых грандиозных битв Кавказской войны, сомневаться не приходится.

В бою принимал участие и тридцатитрехлетний штабс-капитан генерального штаба Мориц Христианович Шульц. Имя этого храброго, толкового офицера, дослужившегося потом и до генеральских погон, могло бы, пожалуй, затеряться в кавказских хрониках, если, не одно особое обстоятельство, отметина судьбы: Шульц стал прототипом, а в данном случае позволительно сказать протогороем, лермонтовского “Сна”.

Прежде чем поведать читателю этот драматиче-

ский эпизод из его боевой судьбы, попробуем восстановить картину отчаянного штурма высокогорной твердыни Шамиля, благо в нашем распоряжении имеется такой подробный и достоверный источник, как "Описание военных действий 1839 года в северном Дагестане", составленное полковником Милютиним.

(В скобках напомним, что Дмитрий Алексеевич Милютин — товарищ Лермонтова по московскому университетскому пансиону, человек блестяще одаренный и оставивший свой след в военной истории России. Двадцать лет он провел на посту военного министра и окончил карьеру в звании генерал-фельдмаршала. А под Ахульго получил пулю в правое плечо и орден Святого Владимира.)

Блокада и осада Ахульго продолжались 80 дней. Военные действия достигли на этот раз тех мест, замечает Милютин, "куда до этого времени еще никогда русское оружие не проникало; они сопряжены были с такими затруднениями естественными и с таким упорным сопротивлением со стороны неприятеля, какие прежде едва ли встречались".

Что же представляло собой это горное гнездо? Ахульго — не один аул, а два, Старый и Новый, занимавшие вершины двух почти отвесных утесов, разделенных глубоким ущельем реки Ашильты. Несколько бревен, переброшенных над пропастью, служили единственным мостом, по которому сообщались между собой жители аулов. Оба скалистых утеса, огражденные кругом отвесными и каменистыми обрывами, образуют как бы полуостров, огибаемый с трех сторон рекою Койсу. Над Новым Ахульго высится, почти отвесно, остроконечная вершина, на которую можно было взобраться только поодиночке. Здесь горцами была возведена неприступная Сурхаева башня. "... Вся местность вокруг обоих Ахульго чрезвычайно сурова и дика, — пишет Милютин, — горы каменистые, бесплодные, как будто все в трещинах. Горные потоки во многих местах низвергаются в пропасти с отвесных уступов".

Шамиль собрал в Ахульго около четырех тысяч своих приверженцев, из которых более тысячи имели прекрасное вооружение. Человек сто самых отчаянных мюридов заперлись в Сурхаевой башне.

Силы русских состояли из нескольких батальонов регулярных кавказских полков, усиленных казаками и конной милицией. По горным перевалам к стенам Ахульго были доставлены артиллерийские орудия. Общая численность войск превышала десять тысяч человек. Руководил осадой гене-

рал Граббе (в прошлом адъютант Ермолова), поклявшийся сврим именем ("граб" по-немецки значит "могила"), что возьмет Шамиля живым или мертвым. За голову имама было обещано сто червонцев.

Кольцо глухой блокады сомкнулось вокруг Ахульго 12 июня. По ночам саперы вели осадные работы, артиллерия без усталости беспокоила неприятеля, в передовых секретах были собраны лучшие стрелки.

Первые попытки штурма не увенчались успехом, а только принесли ощутимые потери. Вскоре Сурхаева башня была разрушена русскими ядрами. Атака, предпринятая 17 августа, заставила Шамиля выкинуть белый флаг, а потом и выдать аманатом (заложником) сына Джемалэддина.

Переговоры, на которые ушло несколько дней, не дали результата, и Граббе отдал приказ к решительному штурму. Описывая события этого дня, Милютин изменяет своему сухому и точному стилю. "Трудно изобразить все сцены этого ужасного, фантастического боя! — восклицает военный историк. — Горцы, несмотря на неминуемую гибель, ни за что не хотели сдаваться и защищались с исступлением: женщины и дети, с камнями или кинжалами в руках, бросались на штыки или в отчаянии кидались в пропасть, на верную смерть..."

Ахульго пал. Над вершинами скалистых утесов развеялись русские знамена. Граббе доносил в рапорте: "22 августа был днем развязки экспедиции против Шамиля; я считаю дело конченным, хотя бы... возмутитель и успел спастись. Нет более ему веры в горах; нет более для него пристанища ни на утесах, ни в ущельях; нигде не может он найти место недоступнее бывшего гнезда его Ахульго и приверженцев храбрейших тех, которые жертвовали собою за него. Партия его истреблена вконец".

Шамилю с семьей и горсткой преданных мюридов удалось укрыться в пещере на берегу реки Койсу, а потом ночью совершить побег, пробившись с боем через русские посты.

Что касается Шульца, то под Ахульго он получил несколько пуль. В день последнего сражения, указывая путь штурмовой колонне, он был тяжело ранен в грудь на вылет. В горячке боя о нем не сразу вспомнили, и он еще долго лежал под палящими лучами среди павших. В минуты, когда сознание возвращалось к нему, он вспоминал о любимой девушке, оставшейся в России...

Граббе полагал наградить героя следующим чином. Но царь Николай I собственноручно начертал резолюцию о производстве Шульца в полковники.

РЕТРОСПЕКТИВА

Его перевезли в госпиталь в Темир-Хан-Шуру, потом он лечился на водах в Пятигорске и за границей.

Вернувшись на Кавказ, Шульц встретил Лермонтова и рассказал ему свою историю. Это было в Ставрополе или Пятигорске (здесь сведения расходятся) и, скорее всего, в 1840 году. Лермонтов, переведенный тогда из гвардии в Тенгинский пехотный полк, участвовал в экспедициях в Чечне и Дагестане под командой генералов Граббе и Галафеева, в памяти которых еще отчетливы были апокалиптические картины разрушенного боем Ахульго. О Шульце заставляет вспомнить строка лермонтовского "Завещания" ("Скажи им, что навывлет в грудь я пулей ранен был..."), написанного в это же время.

Сам Лермонтов в боях с горцами не получил даже царапины. Но видел вблизи и смерть, и кровь, буквально потоки крови — когда вода в горной реке становилась красной ("мутная вода была тепла, была красна"). Граббе и другие командиры представляли его к наградам, в том числе и золотым оружием с надписью "За храбрость". Но ни в наградах, ни в любви Лермонтов не был так счастлив, как штабс-капитан Шульц...

Свою историю Шульц рассказывал много раз, прибавляя уже и ту замечательную подробность, что Лермонтов использовал ее как поэтический сюжет. Возможно, время стирало в его памяти какие-то детали. Возможно, его слушатели добавляли потом что-то и от себя. Один из них, писатель А. Бежецкий, передает, например, слова Лермонтова, сожалевшего, что он не попал в экспедицию под Ахульго. Более того, Бежецкий приводит большой (в 40 строк) и как бы первоначальный вариант стихотворения, сочиненного Лермонтовым по рассказу Шульца:

*В долине Кавказа, где скалы
Толпою теснятся кругом,
Лежал он с зияющей раной,
На смерть пораженный врагом...*

Здесь, несомненно, слышны отголоски "Сна". Но написал это стихотворение кто-то другой, находясь, вероятно, под сильным впечатлением от лермонтовского шедевра.

Услышанную от Шульца историю пересказывали потом генералы Степанов и Девель, встречавшиеся с ним во время турецкой войны 1877-1878 гг.

Более известны воспоминания Шульца (тогда уже генерала) в пересказе Г. К. Градовского. Наш герой просил руки любимой девушки, но получил отказ. Его сочли не слишком выгодным женихом.

Мориц Христианович Шульц

Но она обещала ждать. Шульц отправился на Кавказ — заслужить чины и награды. За Ахульго он получил Георгиевский крест. Возвращаясь из-за границы, в Дрездене, возле рафаэлевой Мадонны чудесным образом встретился со своей возлюбленной. Потом, на Кавказе, рассказал об этом Лермонтову. "Рассказал, — продолжает Шульц, — и Лермонтов спрашивает меня:

— Скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитых и раненых?

— Что я чувствовал? Я чувствовал, конечно, беспомощность, жажду под палящими лучами солнца; но в полузабытьи мысли мои часто неслись далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе... Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении очутился ее жених.

Лермонтов промолчал, но через несколько дней встречается меня и говорит:

— Благодарю вас за сюжет. Хотите прочесть?

И он прочел мне свое известное стихотворение:

"В полдневный жар в долине Дагестана..."

"Сон" — одно из последних стихотворений, созданных Лермонтовым. Его автограф находится в тетради, которая была у поэта на Кавказе в 1841 году. Возможно, Лермонтов написал его незадолго до роковой дуэли в Пятигорске. Но был ли здесь в это время Шульц? Ах, если бы это доподлинно знать...

"Сон" часто называют самым многозначительным и загадочным стихотворением Лермонтова. Д. С. Мережковский видел в нем "воспоминание будущего", то есть мистическое пророчество Лермонтовым своей собственной судьбы. В.С.Соловьев назвал его "сном в кубе", а В.В.Набоков — "тройным сном" и считал, что "витки этих пяти четверостиший сродни переплетению пяти рассказов, составивших роман "Герой нашего времени".

Но вернемся к нашему герою. До 1855 года он служил на Кавказе, в чине генерал-майора зани-

мал пост коменданта Александропольской крепости. Это был, по словам современника, "весьма эксцентричный, но увлекательный и храбрый человек". Испросив отпуск якобы для лечения старых ран, он устремился в осажденный Севастополь, откуда привез новое ранение, две контузии и золотую саблю с бриллиантами и надписью "За храбрость". Потом был комендантом крепости Динамюнде, участвовал (в возрасте 70 лет!) в русско-турецкой войне и окончил службу в чине генерала от кавалерии.

Приведем еще одно воспоминание о Шульце — генерала Девеля, встречавшегося с ним при штабе Лорис-Меликова во время турецкой кампании:

"Как теперь его вижу, небольшого роста, тоненький, с седой бородою, в конно-артиллерийском сюртуке, с Георгием в петлице и "бриллиантовую" саблюю сбоку, едущего в стороне от всех на небольшой светло-рыжей лошадке... Я подъехал к генералу Шульцу с целью обменяться событиями дня, и он вдруг меня спросил:

— Вы видели, как переносили раненого майора Гоппе? — На мой утвердительный ответ он возразил:

— Черт знает, как при переноске беспокоят раненого, и советую вам, если вас ранят, то лежите спокойно.

Я удивился и из уважения к старику-генералу не возражал.

— А на Ахульго, — продолжал он, — я был ранен в грудь на вылет и целую ночь пролежал среди убитых и этому только обязан, что остался жив, — кровь сама собой остановилась. В Пятигорске, где я лечился от ран, я рассказал Лермонтову про свою рану и посоветовал ему, так же как и вам, не позволять себя трогать, если он будет ранен в экспедиции против горцев. А через несколько дней он мне прочел свое чудное стихотворение, написанное им по поводу моего рассказа..."

В военных записках "Под Карсом", принадлежащих перу ветерана кавказских битв генерала П.Ф. Степанова, приводится еще один вариант истории Шульца, рассказанной им самим. Новых подробностей Степанов не сообщает, но называет Шульца спартанцем и восхищается тем, как этот "среднего роста, тщедушный старик, притом израненный, равнодушно и без ущерба здоровью, переносил все невзгоды походной жизни, тяготившей и молодых людей".

В 1964 году "Военно-исторический вестник", издаваемый в Париже Обществом ревнителей русской военной старины, посвятил М. Х. Шульцу небольшую статью. Интересно, что в этом же номе-

ре журнала помещен и очерк Л. С. Пенькова "От Темир-Хан-Шуры до Ахульго". Автор посетил места былых сражений в 1914 году и вот что увидел тогда на горных уступах:

"Напрасны были мои поиски обнаружить какие-либо остатки грозной твердыни Шамиля. Все было взорвано и уничтожено при взятии Ахульго... Вероятно, сам Шамиль, как трезвый реалист, вполне сознавал, что защита Ахульго была безнадежна. В течение нескольких недель 20 русских орудий поливали снарядами гору вдоль и поперек. При скученности защитников на небольшой площади им было невозможно устоять. Да, защитники Ахульго при штурмах оказывали безумную храбрость и героизм. Участники взятия Ахульго свидетельствовали, что даже женщины, переодевшись в мужское платье, становились с оружием в руках рядом с мужчинами на завалах". Даже семьдесят пять лет спустя после штурма земля Ахульго была усеяна пулями и картечью.

За Ахульго Шульц получил в награду не только Георгиевский крест. Была отчеканена и серебряная медаль на Георгиевской ленте — единственная, насколько нам известно, за всю шестидесятилетнюю историю Кавказской войны медаль, посвященная отдельному сражению. На одной ее стороне значилось: "За взятие штурмом Ахульго 22 авг. 1839 г." Другую украшал вензель Николая I.

Не берусь судить, можно ли отнести к боевым наградам Шульца и стихотворение Лермонтова. Если да, то эта награда, как и все остальные, была оплачена кровью...

Николай МАРКЕЛОВ

Пятигорск

Евгений РУДНЕВ

ЗАПАДНЯ

Повесть*

8.

«Если немцы задумали поразвлечься, отдохнуть, то это, скорее всего, у ручья Белого, — думал Гуринович, упираясь дулом трофейного автомата в спину пленного. — Там уютная полянка, песок. Притом от Сосновки до Белого есть грунтовая дорога, вполне можно проехать на легковой машине. А вот ежели фашистам в охотку подстрелить лося

или дикого кабана, тогда... Нет, Бреннер идет прямохонько к ручью Белому. Что ж, это к лучшему...»

До войны Гуринович не раз бывал тут, знал каждую тропку, каждое дерево. Сельская детвора любила здесь плескаться, загорать на солнышке. Ручей был неширок — метров пять, не больше, а глубина — взрослому человеку по пояс. Но старики порой называли его не ручьем, а речкой. А вот на топографических картах значилось четко: ручей Белый.

Пленный чуть замедлил шаг, зло глянул на старшину. Движения его стали нервными, резкими, глазки забегали.

*Окончание. Нач. в № 6

Гуринович насторожился: как бы чего не выкинул этот сукин сын.

К ручью подошли со стороны орешника — густые заросли хорошо скрывали от посторонних глаз.

Немцы, ничего не подозревая, отдыхали. Одни, раздевшись, загорали на песке, другие играли в карты или курили, поджаривая на костре насаженные на шомпола куски мяса. Чуть поодаль возвышался походный столик, а на нем — бутылки с пестрыми наклейками, вареная курица, розовато-белое сало, нарезанный тонкими ломтиками хлеб, коробка сигар. Играл патефон, блестящими станиоля вспыхивала под лучами полуденного июльского солнца вода в ручье...

На траве лежало оружие: автоматы, ручной пулемет, гранаты с длинными тонкими ручками. Покрытый разводами камуфляжа броневик с чернотелым крестом и запыленный "опель" стояли на дороге, метрах в двадцати от ручья...

Гуринович не сводил с пленного глаз. Он уже жалел, что привел сюда и его. А Бреннер кусал губы. Продолговатое костистое лицо его то бледнело, то наливалось кровью, заполосенный взгляд метался по сторонам.

Бут, Серов, Крутиков, Вера Никитина, старик Городецкий — все они ждали команды комиссара, у всех за исключением Станислава Викторовича были наготове или гранаты, или трофейные автоматы. Каждый знал, что ему делать, — об этом Зотов позаботился заранее.

Патефон щедро расплескивал по поляне веселые звуки походной песенки "Лили Марлен".

Комиссар уже было подал сигнал на открытие огня, как Бреннер вдруг метнулся на поляну.

— Рус! — заорал он. — Рус!..

Обрывая его, взмахом ударили автоматы. В броневик и "опель" полетели гранаты. Поляна мгновенно окуталась дымом...

Через несколько минут все было кончено. На песке валялись трупы фашистов, горел "опель", дымялся броневик.

— Ах, черт, надо же... Взрывной волной раскидало всю шамовку. А какая аппетитная курица у них была, какое сало! Гаванские сигары! Надо же... — сокрушался Бут, рыская по поляне.

Гуринович пересчитал убитых фашистов.

— Сколько? — спросил Зотов.

— Двадцать четыре, товарищ комиссар.

— Плохо. Бреннер говорил, что их было двадцать пять... Где же еще один?

— Надо уходить отсюда. И как можно скорее.

Городецкий суетился, подбегал то к Зотову, то к старшине. Вид у него был воинственный и решительный, глаза блестели.

— Я убил из пистолета фашиста, товарищ ко-

миссар! Нет-нет, я не бахваюсь. Я собственными глазами видел, как он упал! Это им за эшелон, за Владимира Петровича Расько, за нашу кровь и наши страдания! Я убил его... именно я, искусствовед Городецкий... А убить человека непорочно, но я нисколько не жалею об этом. Рубикон перейден!

— Ну что ж, поздравляю вас, Станислав Викторович, с боевым крещением. Я наблюдал за вами во время боя. Вы держались молодцом! — пожал ему руку Зотов.

— Спасибо, — тихо ответил старик.

Подошел Бут.

— Не так страшен черт, как его малюют, верно, Станислав Викторович?

— Да-да, конечно... Вы правы, молодой человек. Их тоже можно бить. Вполне можно!

— И я так думаю.

Сухо потрескивая, горели кусты вокруг "опеля", остро разило бензином. Глаза слезились от едкого дыма.

Гуринович построил отряд, доложил комиссару о готовности идти дальше.

"Ну что ж, не так и плохо все складывается, — мысленно прикинул комиссар. — Мы уничтожили двадцать четыре фашиста, захватили трофейное оружие, пополнили боекомплект к немецким автоматам. У нас есть теперь ручной пулемет, много гранат... Нет только продуктов, курева, и по-прежнему неизвестно, где находятся регулярные войска Красной Армии. И все же фронт, по-моему, уже где-то близко, до Могилева немцы, скорее всего, не дошли. Кишка тонка!"

Не знал комиссар Зотов, что накануне танковые клинья немецких корпусов групп армий "Центр" прорвали нашу оборону, переправились на левый берег Днепра в районе Шклова и, таким образом, обошли Могилев вначале с севера, потом с юга. А за ними ринулись мотомеханизированные части, пехота. Наша 13-я армия, оборонявшая Могилев, оказалась в окружении...

— Все. Пошли дальше, — повернулся Зотов к Гуриновичу.

— Понял, товарищ комиссар, — старшина оценивающе поглядел на бойцов, поправил ремень автомата на плече. — Вперед!

Идти к Сосновке березняком Гуринович передумал. Через березняк, конечно, суше, проще. Но деревья там редкие, кустов мало, постороннему глазу легче заметить передвижение людей. Надежнее идти низиной, осинником.

Старшина вел отряд и не терял из виду желтовато-серую, поросшую кремовыми хлопучками ленту дороги, которая вилась метрах в пятидесяти справа. Он выбирал места потемнее, где заросли погуще, и эта мера предосторожности после недавнего скоротечного боя оказалась излишней.

ЗАПАДНЯ

Не прошло и десяти минут, как по дороге, в направлении ручья Белого один за другим пронеслись два броневика и три грузовика с солдатами. Автоматы, ручные пулеметы, тупорылые минометы...

— Вовремя ушли, — тихо сказал Гуринович.

Комиссар сорвал былку, пожевал ее, выплюнул, поморщившись. Голод донимал все сильнее. Кружилась голова, сосало под ложечкой.

— В село заходить небезопасно, — вполголоса проговорил Зотов, наклонившись к старшине. — Разворошили мы этот чертов улей. Теперь они не скоро успокоятся.

— Так-то оно так, товарищ комиссар. Но чтобы воевать, нужны силы. А чтобы были силы, нужны харчи. Опять же курить хочется... Всем, конечно, заходить в Сосновку нет необходимости. Лучше всего, если я пойду один, а вы подождете у околицы: там стога сена обычно стоят, да и лес рядом. В случае чего всегда можно схорониться.

Комиссар задумался.

— Ладно, посмотрим.

9.

Когда немецкие грузовики скрылись за деревьями, Гуринович выпрямился:

— Вперед! И поживее!

И снова чмокала под ногами грязь, хлестали по сапогам высокие травы.

Филимон Серов не переставая думал о жратве.

Ему мерещились большие пшеничные караваны, связки ароматно пахнущих баранок, медовые пряники... Эх, наестся бы досыта, а потом закурить. Можно "Беломор-канал" или "Нашу марку". А еще лучше — "Шахтерские". Настоящие папиросы! Крепкие. Табак пополам с махоркой. Куришь — слезу вышибает. Мечта!

Филимон не ощущал страха перед немцами. Он начинал привыкать к войне, к постоянным стычкам с врагом, к опасности и необходимости рисковать жизнью. Именно это и являлось сейчас главным, считал он.

Городецкому было нелегко, он едва поспевал за накаристо шагавшим впереди Крутиковым. Пот заливал глаза, в горле першило. Порой Станиславу Викторовичу казалось, что он не выдержит этого изматывающего темпа. Еще двадцать-тридцать метров, и ноги сами подломятся, а частившее сердце разорвется. Он злился на себя, на Сергея Крутикова, Гуриновича, но шел. А когда совсем уже не было мочи, колени предательски дрожали и легким не хватало воздуха, то смотрел, стиснув зубы, на Веру Никитину — и перемогался, застав-

лял себя двигаться дальше. Еще шаг... еще один... еще...

Зотов остановился и, подождав, когда с ним поравняется Городецкий, спросил с участием в голосе:

— Станислав Викторович, может, передохнем?

— Нет-нет, что вы, Федор Николаевич!.. Что вы, голубчик... Я как все. Вон, глядите, Верочка наша — слабый пол — и ничего, шагает как заводная.

— Вера Никитина молода.

— Не беспокойтесь, Федор Николаевич... Не стоит, право... Нас скорее всего уже ищут. Я все прекрасно понимаю. Надо спешить.

— Вот и хорошо. — Зотов отошел.

И опять потянулась густым осинником людская цепочка.

У Бута болела раненая рука. Павел был артиллеристом, и в первый же день войны противотанковый дивизион, где он служил, уничтожил пять немецких танков. Они бились, пока были снаряды, пока были живы. А танки все лезли и лезли. Грохочущие, громадные, настырные... Из личного состава дивизиона уцелел он один. Взрывной волной его отбросило в окоп, присыпало землей. Когда пришел в себя и выполз наверх, танки уже прошли. Павел снял фуражку с убитого капитана Хакимова, командира дивизиона, поцеловал его в холодный лоб и здесь же, у покоренных, проутюженных гусеницами немецких танков пушек, поклялся вернуться в эти места. Вернуться во что бы то ни стало и непременно — победителем, сполна рассчитавшись за командира и погибших товарищей.

Вспоминая о первом дне войны, о первом своем бое, Бут невольно задавал себе вопрос: когда же он выполнит свою клятву? Деньги — прах, одежда — тоже, жизнь — всего дороже. А что значит жизнь на войне? Тебе она не принадлежит... Ну ничего, фрицы и гансы, густавы и курты, сквитаемся! За Бутом не пропадет. За Пашкой Бутом никогда ничего не пропадало! Под землей или на небе, у черта за пазухой — все равно достану. Не скроешься...

Павел хмурился, раздувал свирепую ноздри. На щеках выжгло бледно-оранжевые разводы румянца. Он чувствовал, что поднялась температура, стучит в висках, колотит озноб (от раненой руки, наверное). Мысли путались, перескакивали с одного на другое.

"Как бы там ни было, а картины надо спасти, — рассуждал Бут. — Вот иконы я бы не стал таскать с собой, пусть это даже шедевры, как говорит старикан. Бога нет. Сколько икон было вон у старухи под Любчей... Все стены в иконах. И молилась ведь как! А все одно — снаряд ударил прямехонько в дом. Была бабка — и нету. Аминь! М-да, иконы я бы все-таки оставил фрицам, а вот картины...

Тут другое. Трудно будет после войны, тяжело. Судя по всему, нагадил немец так, что и через сто лет не забудется. Так пусть хоть картины останутся. Как напоминание о хорошем, добром. Там, где искусство, — там свет”.

Гуринович ускорил шаг. Мысль о том, что через каких-то полчаса он увидит отца, мать, сестру Марию, прибавляла ему сил. Перед глазами стоял маленький крытый соломой дом, гнездо аиста у резных ворот, копна душистого сена на подворье, покосившийся сруб колодца, длинный журавель с осиновою цибаркой на одном конце и противовесом на другом... Сколько раз Иван намеревался поставить новый сруб, но отец и слышать не хотел о замене:

— Этот рубил мой батька, твой дед, стало быть, Вазилий Порфирыч! Сладил он его в день моего рождения. И велел поменять только тогда, когда я преставлюсь. А я, вона, — живой! Нешто ты хочешь меня похоронить раньше времени, а?

— Да что вы, батя, что вы? — смущенно оправдывался Иван. — Живите еще тысячу лет. Я ведь хотел как лучше. Дерево-то гниет, неровен час — обвалятся стенки. Я бы за пару дней спроворил новый сруб...

— Э-э, Емеля-пустомеля, много ты понимаешь. Это только сверху дерево маленько попортилось. А вот внутри — цельное, хорошее. Одно слово, граб! Срубы из него веками стоят!

Так и не дал отец заменить сруб — упрямый, заводной, вспыльчивый старик. Не любит, когда ему перечат. Почти десять лет был бригадиром в колхозе. И только в 1940 году, когда стукнуло шестьдесят пять, оставил свою беспокойную работу: простреленная в гражданскую войну нога стала сильно болеть.

“Как-то там сейчас батя? Как там мать, сестра, племяши? — с беспокойством думал старшина. — В Сосновке немцы. В родной и милой Сосновке, где знаком каждый уголок, хозяйничают фашисты! В голове не укладывается!”

Последний раз Иван был у своих стариков в прошлом году. Приехал с женой Настей и детьми в отпуск. Лето стояло знойное, звонкое. Предвещающая ведро, кричали по утрам зяблики, настырно ползли вверх по стволам сосен рыжие лесные муравьи. Вовка с Петькой днями собирали в осиннике ягоды да купались, Настя помогала матери пропалывать огород, а Иван с отцом с утра до ночи косили сено на луговинах. От комаров натерлись настойкой из гвоздики и ромашки, которую загодя приготовил на все лето Михаил Васильевич. “Ш-шиг... ш-шиг... ш-шиг,” — тонко пела коса, и на землю падала рядами сочная высокая трава. Над желтыми головками кульбабы весело жужжали неутомимые труженицы пчелы, в

березняке “кашляла” кукушка. Воздух был чист, упруг и прозрачен, он наполнял тело силой, какой-то бесшабашной легкостью! Работалось в охотку.

Как-то в полдень сделали перерыв. Положили на траву косы, помылись в ручье. Отец достал из холщовой торбы вареные яйца, завернутый в тряпочку большой кусок белого, с розовым отливом сала, пучок зеленого лука, ржаной каравай, выпеченный намедни Варварой Егоровной — матью Ивана — на капустных листьях, дюжину пузатых коричневых пирожков с рыбой, две бутылки топленого молока. Начали трапезничать.

— Ну... как там, на границе? — спросил отец.

Иван пожал плечами:

— А что может быть на границе? Служба идет, как и положено — наряды, учения... Мечтаю о лейтенантских “кубарях”.

— Да не о том я, не о том, — поморщился Михаил Васильевич. — Немец-то уже пол-Европы заграбастал. Все ближе и ближе к нам подбирается, али не так? Аппетит у Гитлера — о-го-го! Волкод! Пес бешеный! Все ему мало... Как думаешь, скоро ли пойдет он на нас? — Не дождавшись ответа, отец удрученно махнул рукой и печально-уверенно произнес: — Пойдет! Для него мы кость в горле.

Иван отложил в сторону пирог, строго-осудительно заметил:

— Подобные разговоры, батя, на руку нашим врагам, которые хотят столкнуть нас с Германией. Понял? Провокационные это разговоры, вредные. Пристало ли тебе, бывшему командиру Первой Конной, вести такие? У нас с Германией пакт о ненападении. В настоящее время товарищ Сталин считает, что мы...

— Дурак ты! — перебил отец. — Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему. Об чем пишут нашенские газеты, я не хуже твоего знаю. Хоть и с опозданием, но доходят они в Сосновку.

— Что же ты хочешь тогда от меня?

— Чтобы ты поведал правду! Ты ведь пограничник, застава ваша на берегу Буга. Подтягивают немцы, поди, войска к границе?

Наступила тядгостная пауза. “Тюу... тюу... тюу...” — кричала где-то иволга.

— Есть такое, — тихо сказал Иван и отвернулся.

Больше в тот день на военную тему они не говорили. Михаил Васильевич был задумчив, на вопросы сына отвечал односложно, сухо, и Ивану показалось, что отец обиделся на него. Но почему? Что он сказал такого? По вопросу отношений между Советским Союзом и Германией есть четкая установка, ее и следует придерживаться. Это вон и политрук Чебрецов не раз подчеркивал на политзанятиях. А отец мелет что ни попадя. Пусть

даже сейчас был у них доверительный, домашний, так сказать, разговор, с глазу на глаз. Все равно это не оправдание. Международная обстановка в настоящую минуту очень напряженная, сложная, и надо следить за тем, что говоришь и где. А то, чего доброго, возьмет батя да и начнет болтать односельчанам, мол, вот-де сын мой Иван, старшина-пограничник, считает, что немцы скоро попрут. Нехорошо, неладно может получиться.

Вот так рассуждал тогда старшина Гуринович, кадровый военный, привыкший беспрекословно подчиняться воинским приказам, никогда не позволявший себе и другим вольностей. Он полагал, что главное для военного человека — это вера в то, что делаешь, в силу приказа. А если поступать наоборот, чего-то не выполнять, то будет анархия и кавардак. Армия держится прежде всего на железной дисциплине, на осознанных действиях каждого бойца и командира.

И вот теперь, спустя год, когда вспомнилось то, сенокосное предвоенное лето, старшина вдруг понял, что был он во многом не прав. Слеп был. Немцы действительно начали войну, застали нас врасплох. Как и почему это случилось — другой вопрос. Придет время, разберутся, кто виноват. И все же...

10.

Осинник мало-помалу начал редеть. Вскоре лес оборвался, дальше — зеленый луг, две большие копны сена, грунтовая дорога — и утопающие в садах хаты. Возле крайней — два немецких грузовика и танк. Немцы пили воду из колодца и оживленно о чем-то разговаривали, поглядывая время от времени на опушку.

Гуринович дал знак всем остановиться и, прижавшись к толстому стволу осины, осторожно высунул голову.

Вскоре обе германские машины запылили к центру села, следом двинулся, надсадно треща, танк.

— Где твои? — спросил у Гуриновича Зотов.

— Аккурат на другом конце села. Километра два будет верных. А вот до избы сестренки рукой подать. Через шесть дворов ее дом. Большая ель у крыльца. К достатку, стало быть... Так что, товарищ комиссар, я пошел?

Зотов прищурился и долго молчал, словно прикидывая что-то.

— Да не волнуйтесь, все будет нормально. Я огородами проберусь, незаметно.

— Хорошо. Как только стемнеет, возьмете кого-нибудь в подмогу, Серова, скажем, и отправитесь.

В случае чего — мы вас прикроем. Засаду сделаем у этих копен. Все ясно?

— Так точно!

Стога вплотную подступали к деревьям. Замаскировавшись в сене, стали дожидаться темноты. Крутиков лежал рядом с Городецким. Они забрались глубоко в стог и внимательно следили за дорогой.

Садилось багровое солнце, над травой носились прозрачные пучеглазые стрекозы, звенели комары. Где-то в селе ревел немецкий танк, лаяли собаки.

— Страшно, Станислав Викторович? — обратился к старику Крутиков.

Городецкий зашевелился, потер ухо.

— Скажу честно, Сережа: еще вчера было страшновато, а сейчас — нет... Почти нет. Волнуюсь только. Хочется прикончить еще хотя бы одного фашиста. После этого и помирать можно. Правда, как же тогда картины?

— А за них, Станислав Викторович, можете не беспокоиться. Раз комиссар сказал, что картины — наше настоящее и будущее, — значит, баста! И мы это тоже понимаем.

— Bravo, молодой человек! Прекрасные слова! Только кое в чем я с вами не согласен...

— В чем же именно?

— Полагаю, что Серов так, как вы, не думает. Искусство ему совершенно до лампочки. Плевать ему на наши картины, иконы.

Крутиков снял очки, протер единственное стеклышко рукавом гимнастерки.

— Вы, возможно, и правы, Станислав Викторович. Только Серов — все равно наш человек, я ему верю. У него, наверное, была трудная жизнь, отсюда и его замкнутость, угрюмость. Ему сначала надо оттаять, снова поверить в людей, а остальное приложится.

— А вы философ, Сережа.

— Может быть...

Где-то в глубине стога пищали мыши, крепко пахло клевером и медуницей.

— Пожевать бы чего, а?.. Этак и желудок усохнет. Скажу откровенно: я, Станислав Викторович, большой сластена. Обожаю торты, пирожные разные, конфеты. Дома мама всегда пекла мне по воскресеньям пирог с маком. А-ах, вкуснятина! Пальчики оближешь...

— Терпите, молодой человек. Вы кто по профессии?

— Студент я, Станислав Викторович. Будущий зоолог. — Крутиков сделал резкое движение рукой, быстро заговорил: — Как мало мы еще знаем о животных, птицах, насекомых! Известно ли вам, например, что пчел увозили от ульев, где они жили, на пятнадцать, двадцать километров, а они все

равно возвращались к себе домой? Именно в свой улей, хотя на пути их движения стояли и другие. Какое же это надо иметь обоняние?! А что мы вообще знаем о пчелах? Да ничего, по существу. Нас интересует прежде всего мед, воск... Мы прагматики. А что вам известно о горностаях? На белом снегу — белый зверек, а кончик хвоста почему-то черный. Охотнику просто подарок! Что это: генетическое несовершенство? Насмешка природы? Есть и другие неясности. Отчего, скажем, у горностая самцов постоянно намного больше, чем самок? В чем секрет? Природа ведь всегда стремится к динамическому равновесию, а тут... — Крутиков прервался. — А как много предстоит еще сделать этологам — исследователям поведения животных! Чем объяснить, к примеру, очень странные отношения между некоторыми хищниками: тигр ненавидит волка, соболь — колонка... А как кедровка собирает в тайге кедровые орешки, вы видели когда-нибудь?

— Нет, не приходилось. А что, и здесь есть какая-то тайна?

— Есть, Станислав Викторович, есть! Кедровки вышелушивают из шишек орехи и кладут в специальный кожаный мешочек — он находится у них под клювом. В этот мешочек входит три-четыре десятка отборных ядрышек. Кедровки неделями собирают орешки и прячут их затем по всему лесу: зарывают в опавшие листья, в мох, в трухлявые пни и дупла. А для чего, как вы думаете?

— Заготавливают, очевидно, корм на зиму. Обжоры, не иначе!

— О-о нет, обжорой кедровку я бы не назвал, хотя кое-кто из исследователей думает именно так, как и вы. Птица она, как мне кажется, очень умная, осторожная, и ее повадки требуют длительного изучения. Скорее всего она прячет орехи от людей, от хищнического разграбления по осени кедровников. Чтобы добыть орехи, некоторые люди идут на все: ломают ветки, калечат стволы. Бедный кедр, сколько ему достается в пору шишкобоя!

Городецкий вздохнул.

— Да-а, знаем мы еще действительно мало: и о природе, и об искусстве. Зато стрелять, убивать — давно научились...

— Это проще. Сила есть — ума не надо. Этот принцип подтверждается, увы, многовековой историей человечества.

— Есть в истории и исключения, Сережа... Нума Помпилий, например, был очень миролюбивым, башковитым правителем в Древнем Риме. Он приучал сограждан к мирным занятиям — земледелию и ремеслу. До Помпилия и после него тяжелые двери храма Януса, который считался охранителем мира, отворялись настежь и остава-

лись открытыми, пока не кончалась война. А вот во времена Нумы Помпилия они всегда были на замке, ибо война объявлялась вне закона, в государстве царили мир и покой. Люди радовались, любили, рожали детей. Люди жили, а это и есть главное... Резонно задать вопрос: почему же другие правители не брали и не берут пример с Нумы Помпилия? Отчего теперешние ставят войну во главу угла? Ведь война противоестественна, чужда человеку — творцу жизни на земле. Если это непонятно Гитлеру, то куда смотрит германский народ? “Спешите творить добро”, — говорит Гете. Эх люди, люди...

— Люди — они тоже разные бывают, Станислав Викторович. Не все так просто и однозначно.

— Да, тут вы, наверное, правы. И все-таки просто уму непостижимо, что произошло с Германией. Страна с такой высокой культурой стала скопищем людоедов-фашистов...

— Скажите, Станислав Викторович, а почему вы любите именно живопись, за что? Картины ведь тоже бывают разные: одни художники воспевают красоту природы, женскую красоту, другие — грубую силу.

— Все зависит от того, как изображает художник. Еще великий французский живописец прошлого века Эжен Делакруа говорил, что настоящая живопись вызывает совершенно особые эмоции. Они создаются определенным расположением на холсте цветов, игрой света и теней, что называется обычно “музыкой картины”. И она, эта музыка, эта магическая гармония красок, заставляет нас остановиться, ослепляет и ошеломляет. Вы смотрите удивленно на холст и восторженно шепчете: “Господи, а ведь все это так и есть! Я ведь это видел уже где-то, только на картине все сильнее, ярче!” Картина заставляет думать, размышлять о жизни, природе, человеке... Вот это и есть настоящая живопись! Она не может оставить вас равнодушным. А сюжет... Сюжет картины может быть любым. — Городецкий сделал паузу. В темноте Крутиков не видел его лица, но ему показалось, что старик улыбается.

— Ну а иконы? Это ведь не живопись как таковая...

— Икона в Древней Руси являлась такой же классической формой изобразительного искусства, как в Египте — рельеф, в Элладе — статуя, а в Византии — мозаика. Причем значение икон как предметов искусства со временем было сильно занижено, и в течение последующих нескольких столетий иконопись была обесценена, а большинство шедевров утеряно. Лишь в начале нашего века началось возрождение иконописи как своеобразного, неповторимого искусства. Первые же расчищенные иконы произвели настоящий фурор.

Когда в 1911 году прославленный французский живописец Матисс увидел в Москве реставрированные иконы Древней Руси, он заявил: "Русские не подозревают, какими художественными богатствами они владеют... Французские художники должны ездить учиться в Россию! Италия в этой области дает меньше". Вот так-то, Сережа! — Городецкий тяжело вздохнул. — А мы зачастую бываем плохими хозяевами. Три иконы Рублева — "Спас", "Архангел Михаил" и "Апостол Павел", которые в настоящее время украшают Третьяковскую галерею и причисляются к величайшим шедеврам мирового искусства, случайно были найдены уже после революции, в восемнадцатом году, под дровами в старом, скособоличившемся сарае в Звенигороде. Сколько же они там пролежали, а?! Как попали туда? М-да, воевать, убивать, делать пушки и винтовки гораздо проще, нежели научиться читать, понимать и ценить по-настоящему картины Ренуара и Андрея Рублева, Писарро и Левитана, Клода Моне и Поленова. Тот, кто научился всему этому, будет презирать войну.

В стогу сена было уже совсем темно, только где-то высоко-высоко проступали звезды на потухающем фиолетовом небе.

— Разрешите пожать вашу руку, Станислав Викторович, — Сергей поймал в темноте сухую кисть Городецкого и крепко, с признательностью стиснул.

11.

Гуринович и Серов лежали в огороде среди картофельных гряд, высоких, обвитых фасолью подсолнухов и наблюдали за крытым дранкой домиком о четырех окошках. Домик этот хорошо был знаком старшине Гуриновичу — здесь жила его родная сестра Мария с пятью детьми.

Немцы вошли несколько минут назад, и это хорошо видели Гуринович и Серов. И тот и другой смотрели не отрываясь на окошко, в котором желтел огонек керосиновой лампы: вот мелькнули трое солдат в мышиной форме и с ними неказистый, низкорослый бородатый мужичок, показалось встревоженное лицо Марии...

"А мужичок вроде знакомый, — соображал Иван. — Ну да, это же бухгалтер колхозный Кузьма Мушковец! Как это я сразу его не узнал... Но почему Кузьма здесь? Почему пришел с немцами?"

Серов сглотнул набежавшую слюну: "Когда уйдут эти чертовы фрицы, никто не знает. Этак и до утра можно пролежать в огороде. А от голода сосет под ложечкой так, что хоть караул кричи. Росли бы тут капуста, огурцы или помидоры — слопал

бы все! А так — дудки, одни кусты картофеля да невызревшие подсолнухи".

— Слышь, старшина... Может, заглянем в другую хату, а? — прошептал Серов, чуть подавшись к напарнику. — Для нас ведь главное — достать харчи.

Губы Гуриновича перекосило усмешкой:

— Так тебя там и ждали! Не пори горячку.

На деревню прочно опустился лиловый полоночи, взошла бледно-желтая рябая луна. Где-то лаяла собака. Свежий, пахнувший болотом ветерок доносил отзвуки далекой канонады. Время от времени небо прочерчивали ядовито-яркие вспышки немецких осветительных ракет, гремели одиночные выстрелы.

Гуринович и Серов ждали.

Распахнулась дверь, из дома вышли немцы, а следом и Кузьма Мушковец. Постояли у крыльца немного, громко-беспечно переговариваясь о чем-то, затем зажгли карманные фонарики и двинулись к калитке.

"Не иначе как снюхался Кузьма с фрицами", — полоснула мысль. И Гуринович сразу же вспомнил, как в последний свой приезд в Сосновку встретил Мушковца у ручья Белого. Колхозный бухгалтер поздоровался первым. Заулыбался, поблескивая золотой фиксой, снял соломенную шляпу:

— Доблестным пограничникам — пламенный крестьянский привет! Прибыли, значит, Иван Михалыч, набираться сил, да? Тянет в родные края, тянет. Оно и понятно: здесь, в Сосновке, вы родились, здесь впервые увидели восход солнышка, по лугам бегали... Я вот попил утром молочка парного и брожу — травки лечебные собираю. Цикорий, зверобой, бессмертники... Щедра природа-матушка, Иван Михалыч, щедра.

Что-то было в этом человеке неприятное, заискивающе-слащавое. Не любил его старшина. А вот председатель колхоза ценил, расхваливал всегда: и бухгалтер, мол, Кузьма отменный — лучше во всей области не сыщешь, и лекарь-гомеопат.

Воспоминания вихрем пронеслись сейчас в голове старшины. Он проследил, пока немцы и Мушковец не скрылись за калиткой, выждал еще минуту, затем бросил чуть слышно Серову:

— Пошли.

Они осторожно поднялись и, пригнувшись, сжимая в руках автоматы, перебежали к тускло освещенному окошку. Гуринович тихо постучал, отступил в тень. Послышались шаги, скрипнул засов.

— Кто здесь? — раздался приглушенный голос Марии, и старшина шагнул в сени. Серов, настоженно оглядываясь, двинулся следом.

— Это я, Маша... Я, Иван.

— Иван?.. Какой Иван?!

Дверь была распахнута. Гуринович и Серов бы-

стро прошли в горницу. На столе чадила шестилитровая керосиновая лампа. Перевернутые табуретки, разбитый глиняный кувшин, осколки тарелок, фотографии в рамках на стене порваны и побиты... Ну и ну! Как после погрома.

Мария испуганно смотрела на брата. В ее глубокие запававшие, с темными полукруглыми глазами колебался желтый язычок керосиновой лампы.

— Это я, сестричка. Я! Неужто не признала?

— Ваня... Ванечка, братуся... — Она бросилась к нему, стала осыпать поцелуями, затем отпрянула и заплакала тяжело, с подвыванием, как плачут при большом горе.

— Это мой товарищ. Филимон Серов. Вместе выходим из окружения, — принялся объяснять старшина. — С нами еще пять человек. Отряд, стало быть... Мы трое суток не ели, Маша, нужны харчи, понимаешь? Да и махорки бы или табачку... Осталось небось от Семена-то?

— Да-да, я понимаю. Я все понимаю, Ваня, — быстро закивала Мария, утирая концом ситцевого фартука слезы. — Я сейчас. Мигом все спроворю... — Бросилась к двери, остановилась. Принялась завешивать одеялом окно. — Немцы ведь, Ваня, кругом. В деревне полным-полно немцев... Если они вернутся сюда, а?

— Ничего... Все будет в порядке, — успокоил Гуринович сестру. — А где наши, ты не знаешь?

— Вроде в Шиловичах... Вчерась еще бой там был. Немцев, говорят, побили видимо-невидимо. Коська, внук горбатой Пищилихи, воротился. Он в Шиловичах у деда был. И старик Сохальский тоже все видел. Не прошли немцы, да!

— В Шиловичах, говоришь? — Старшина задумчиво погладил автомат. — Далековато будет.

— Сколько километров туда? — тихо спросил Серов, поглядывая на Марию.

— Да как вам сказать... Ежели по дороге, то все шестьдесят. Но там везде немцы, вы не пройдете. А вот ежели через Черное болото, напрямик — не более двадцати.

— Но там же трясины, мигом засосет...

— Там есть проход. Ваня знает.

— Пройти можно, — подтвердил Гуринович, — только осторожно. Шибко узенький проход там. Чуть сбился с курса, сделал шаг в сторону — и крышка.

Мария ушла в сенцы, вскоре вернулась, держа в руках большой шмат сала и кувшин с ряженкой.

— Сейчас, Ванечка, сейчас... Бедненькие вы мои! Сейчас, Филимон... Вот и Сема мой тоже где-то воюет — на третий день войны мобилизовали.

Она положила на стол две высокие паляницы, поставила миску квашеной капусты и огурцов.

Старшина и Серов ели торопливо, с жадностью,

почти не ощущая вкуса пищи. Столько жратвы! Час назад об этом и не мечталось. Ах жизнь-индейка, душа-копейка!

— Отступаете, значит, Ваня? — поджала губы Мария и окатила брата тоскливо-тревожным долгим взглядом. И от этого ее взгляда, от темных с немим укором глаз есть как-то сразу расхотелось. И без того было больно за армию, за страну, за себя — такого сильного, здорового и ничем, по существу, не проявившего себя пока на этой войне. Так, по крайней мере, он сам считал.

— Отступаем, Маша. Тошно произносить это. Но что поделаешь...

— Они что же... сильнее нас? Немцы-то?

Старшина вздохнул, нахмурил кустистые брови.

— Это недолго продлится, поверь мне! Недолго, Маша!

По лицу Марии пробежала легкая тень.

— Третьего июля по радио выступал Сталин. У нас приемник тогда еще был, я слушала. Говорил, дело идет о жизни и смерти государства... Да вы ешьте, ребятки, ешьте. Сало берите еще, драники...

— Зачем приходил Кузьма? — спросил у сестры старшина, вытирая тыльной стороной ладони мокрые от ряженки губы.

Мария помрачнела.

— Да ищут же все... По деревне слух прошел, что в лесах действует целая дивизия пограничников. В форме их, дескать, видели, при оружии. А тут еще сегодня бой был — где-то у Белого ручья. Показали наши немцам кузькину мать, побили цельный их полк. Вот фашисты и забегали. А Кузьма — старостой у них.

— Вот как! Предателем, холуем, значит, заделался?

— Сущий изверг! Он ко мне привел немцев почему? У тебя, говорит, муж в Красной Армии — это раз. А кроме того, родной брательник в пограничниках. Так, может, это он и в нашенском лесу разбойничает, на доблестные германские войска исподтишка нападает, а? А когда я сказала, что ничегошеньки не знаю про тебя, а видела в последний раз год назад, на Троицу, так он два раза огрел меня нагайкой. Вот, глянь-ка.

Мария вдруг затряслась вся, из глаз снова полились слезы.

Старшина вздрогнул. Серов перестал жевать, отложил в сторону хлеб.

— Маша, а как отец с матерью? И где твои ребятишки?

В горнице стало тихо.

— Батя с мамкой сгорели живьем в избе. М-мушковец поджег. За то, что с-сын коммунист и п-пограничник, в Красной Армии... Н-нету их, Ванечка... Н-не хотела я тебе говорить, братка...

Старшина отвернулся. Лицо его налилось мертвенной бледностью, губы вздрагивали.

— Когда... это произошло?

— Третьего дня...

И снова образовалась долгая пауза. Было слышно, как в селе урчали моторы, надрывались в лае собаки.

— А где твои дети?

— Отправила в лес. Там и Васятка старой Живоныхи, и Пшедецкие — Яцек и Беата, Федюшка Смолянович, Котя Михальчишин, Настенька Русова... Вырыли большую землянку на острове и живут с дедом Григорием.

Монотонно жужжала муха над керосиновой лампой. "Дак-тус...дак-тус..." — выстукивали на стене часы-ходики, к которым вместо гири был подвешен чугунный уютюг.

— Надо торопиться. Пойдем мы, Маша. Комиссар, поди, уже беспокоится.

Мария достала из сундука большую сатиновую торбу, положила туда хлеб, сало, лук, завернула в газету высушенные листья табака.

Под окнами раздались чьи-то шаги.

Старшина задул лампу, схватил торбу и автомат. Серов метнулся к подоконнику, приподнял край одеяла, которым было завешено окно.

— Кто-то стоит... Невысокий, вроде того, что был с немцами, — прошептал он.

Первой мыслью старшины было распахнуть дверь и прошить очередью изменника. Расплатиться за отца с матерью, за всех, кого успел загубить Мушковец. Но уже в следующий момент Гуринович понял, что не сделает этого — не время.

Заметив, что Серов изготовил автомат, Иван предостерегающе поднял руку:

— Не спеши!

Мария стояла у окна, дрожала вся. В незавешенном кусочке окна виднелось залитое лунным светом подворье.

Иван положил на плечо сестре загрубевшую ладонь:

— Потерпи, Маша. Мы скоро вернемся, рассчитаемся. Вот увидишь. — И глянув на Серова, выдохнул: — Пошли!

Они осторожно выбрались из хаты, перебежали, пригнувшись, подворье и очутились в огороде.

— Береги вас Бог... — прошептала Мария, не отрывая мокрых глаз от двух фигур, которые вскоре растворились в темноте.

12.

Гуринович и Серов где перебежками, а где ползком двигались к околице. Откуда-то справа доносилась стрельба. Временами, когда в иссиня-чер-

ное ночное небо взмывали ракеты, заливая округу бледным дрожащим светом, оба замирали, как по команде, прижимались к земле. Потом ползли дальше. И чем ближе к околице, тем явственнее слышались выстрелы, чаще взлетали ракеты. Холодный пот выступил на лбу старшины: "Что с комиссаром, с товарищами? Неужели это их обнаружили немцы?"

Сладко пахнувшая гречиха, высокие конопляники. Еще три хаты — а там уже до стогов рукой подать. Но все отчетливее короткие автоматные очереди, гортанные немецкие команды. Три хаты — и все...

Гуринович и Серов вскочили и бросились к темной стене подсолнухов. И в тот же миг над их головами взмыла ракета. Ослепительно яркий, как дуга электросварки, режущий глаза свет. Он вспыхнул так неожиданно и резко, что оба не успели даже сразу среагировать — продолжали еще несколько секунд бежать. И в эти короткие звенящие секунды, прежде чем распластаться, слиться с землей и застыть, они увидели впереди, метрах в ста пятидесяти, два немецких танка, фигурки фашистов и пушку на конной тяге. А слева, за плетнем из прутьев лозы, бежал большаком маленький бородатый человечек. Это был Кузьма Мушковец, до него было шагов тридцать, не больше.

Они смотрели друг на друга недолго, какую-то долю секунды, пока догорала ракета.

— Сюда! Вот они! Вот! Сюда-а! — завопил Мушковец. Он вскинул винтовку и стрелял в темноту, пока не высадил всю обойму, но ни одна из пуль не достигла цели.

Гуринович и Серов, отчаянно двигая локтями, ползли по суглинку между шершавыми, обвитыми полевым выюнком подсолнухами. Они не отстреливались в надежде, что все же удастся уйти, пробиться к своим.

А над огородами уже одна за другой взмывали оранжевые, зеленые и желтые ракеты, ночную суеть прорезали огоньки трассирующих пуль, раскатило кашляли минометы...

Серов отставал, дышал он часто и с присвистом, широко раскрыв рот, как выброшенная на берег рыба. Грудь распирало, воздух мнился тягучим и густым, он, казалось, совсем не содержит кислорода. Свою треклятую болячку Филимон подхватил давно, еще отбывая срок на Севере, когда валил лес в таежных урманах.

— Быстрее... Быстрее!..

Сыпучая, как труха, суглинистая земля. Едкая пыль. Ожесточенно работают локти. Пыль забивает рот, нос, застилает глаза.

Воздуха! Один глоток чистого воздуха!..

Шоркает что-то по щекам, надсадно шуршат листья. Острый запах помидорных кустов. Кукуруза.

Гречиха. Сухмень. А над головой, в небе, — разноцветные коромысла, сотканые немецкими осветительными ракетами. “Б-бух... б-бух!..” — гулко ухают взрывы.

Еще три метра... еще пяток... Наконец и последняя хата. Небольшая делянка зыбившейся ржи. Отсюда до стогов — шагов сто, не больше. Последний рубеж. Последний бросок.

Гуринович остановился, осторожно поднял голову. Один из стогов горел, метрах в тридцати от него дымился немецкий танк. Но слева, со стороны деревянной арки, что возвышалась обочь рубленной из граба колхозной конторы, ползли еще два, за ними бежали темные фигурки с автоматами...

“М-да, положеньице. Хуже не бывает!” — подумал Гуринович и повернулся к Серову, участливо-нестерпеливо спросил:

— Ну как, отдышался чуток?

Филимон утвердительно кивнул.

— Тогда приготовимся. Поднимемся по моей команде, и летим что есть моченьки!

Старшина глубоко вздохнул, затаил покрепче узел на торбе, сжал автомат.

— Вперед!

Они разом вскочили и, словно подброшенные пружиной, устремились туда, откуда вели огонь по фашистам их товарищи.

До опушки уже оставалось метров пятнадцать, когда Серов отчетливо увидел махавшего ему Крутикова... Сзади раздался взрыв. Горячей упругой воздушной волной Филимона подбросило вверх, перевернуло несколько раз, стукнуло чем-то по голове и с силой швырнуло наземь. Он упал и несколько минут лежал неподвижно, словно деревянный, сам еще не понимая, не сознавая до конца, что остался жив. Он видел чернильно-черный, в рыжеватом крапе звезд опрокинутый котел неба, красные ленточки трассирующих пуль, осветительные ракеты — и ничего не слышал. Хотел пошевелить рукой, ногой, но тело было чужим, непослушным. Он ощущал реальность бытия и того положения, в котором находился, и в то же время стал беспомощным, как ребенок. Мозг давал команды — а тело их не выполняло.

Веру Никитину он узнал не сразу. Она что-то говорила, подбадривала, наверно, утешала его, даже пыталась улыбнуться — а он лежал колодой, без движения. Он смотрел на нее — и из глаз капали слезы. Хотел сказать — и не мог. Но слух постепенно стал возвращаться к нему, когда Вера, оттащив его к стогу, начала перевязывать голову.

Неподалеку отстреливались Зотов, Бут, Крутиков и Гуринович. Тяжело тряхнув головой, Серов

притянул к себе автомат, поймал на мушку приближающихся немцев и нажал на спусковой крючок...

13.

Гуринович лежал рядом с комиссаром. Стрелял старшина короткими очередями, экономя патроны.

— А где Городецкий, товарищ комиссар?

Суровое, закопченное лицо Зотова стало еще строже:

— Погиб он, старшина...

— Надо отходить, товарищ комиссар.

— Надо, если б знать, куда.

— Километров двадцать отсюда, если через Черное болото. Я выведу...

— В лес! — скомандовал комиссар. — Быстрее!

Отстреливаясь, они уходили все дальше в черноту леса. Когда казалось, что худшее уже позади, Зотов охнул и, схватившись за живот, медленно осел. Вокруг ременной пряжки со звездой расползалось большое темное пятно. Все сгрудилось около комиссара, подавленно молчали.

Вера тихо ойкнула:

— Мамочка родная! Перевязать вас надо. Обязательно перевязать...

Где-то позади трещали очереди. Пули сбивали листья, срезали ветки. Однако войти в лес поглубже фашисты не решались.

— Нужно отходить в глубь массива. Тут оставаться опасно, — сказал Гуринович.

Комиссара положили на плащ-палатку, старшина вместе с Бутом понесли его.

Так они шли с полчаса. Потом остановились.

Зотов просил пить, метался в бреду. Временами он приходил в себя, звал Гуриновича.

— Картины... нужно сбережь... слышь, старшина? Переправь к нашим... Головой отвечаешь за картины... Воды дай... дай воды, Иван Михалыч... Воды!..

— Нельзя вам пить, товарищ комиссар. Нельзя, понимаете? — отвечала за Гуриновича Вера. — У вас ранение в живот.

— Картины... Картины спасите... — шептал обескровленными губами Зотов и снова впадал в беспамятство.

Они шли трудно и медленно. Светало. Над раскидистыми папоротниками, над синими звездочками цикория стелились молочные сгустки тумана.

И тут в предрассветной тишине все услышали далекий лай собак.

Погоня!

— Нас преследуют. — Старшина обвел быстрым взглядом людей. — Надо спешить!

14.

Они шли еще часа два. Издерганные постоянной опасностью, смертельно уставшие, злые. Остывали лишь для того, чтобы чуть перевести дух и попить воды из ручья. Курили и ели на ходу. Преследователи не отставали, более того, они двигались быстрее, так, по крайней мере, заключил старшина. Зотову как будто стало немного лучше: он уже не бредил и сознания не терял. Лежал с открытыми глазами, смотрел, как лес пеленали косые розовато-золотистые лучи солнца, на полянах дыбилась поднятый севером туман. Весело-безмятежно просыпались птицы, на траве поблескивали крупные красноватые капли росы. Жизнь шла своим чередом, и все повторялось, как и сто, тысячу лет назад...

“Быть погожему дню”, — взглянув на росу, сделал вывод старшина и, чтобы подбодрить вконец уставших товарищей, как можно бодрее сказал:

— Осталось совсем чуть-чуть. С километр, не больше.

А сзади, время от времени вспарывая устоявшуюся тишину леса, гремели автоматные очереди. Лай собак становился все отчетливее...

Зотов, поморщившись, приподнялся на локтях:

— П-подойди б-ближе, старшина... Еще б-ближе... В-вот так... — он облизнул кончиком языка губы, тихо выдавил: — К-когда они появятся т-тут, как д-думаешь?

— Минут через двадцать, а то и раньше.

— Я т-тоже т-так думаю... — Зотов сделал паузу, задыхал часто: — С-слушай приказ, старшина. Д-дальше сам поведешь группу. Я останусь здесь... П-при... п-прикрою вас...

Зотов внимательно смотрел на взъерошенного Бута, на сосредоточенного Серова, печально задумчивого Сергея Крутикова, державшего в руках мешок с картинками, на хрупкую, тоненькую Веру Никитину и широкоплечего Гуриновича. Он мысленно прощался с ними.

— Я... я п-позвал вас для того, ч-чтобы сообщить п-приказ... Группу через б-болото поведет с-старшина Гуринович... Отныне он — ваш... командир... К-картины должны б-быть с-спасены... В-вопросы... есть?

Гуринович хотел что-то сказать, но его опередил Серов:

— Разрешите мне остаться с вами, товарищ комиссар?! Вдруг вы потеряете сознание... А этих гадов надо задержать во что бы то ни стало! Я буду с вами! Бут спас мне жизнь там... на берегу озера... Когда меня взяли немецкие мотоциклисты... Вера — уже тут, от Сосновки тащит на се-

бе... Э-э, да что много говорить... Разрешите остаться с вами, товарищ комиссар?!

Несколько секунд все молча смотрели на Серова. Лицо его покрылось румянцем, глаза блестели.

— Х-хорошо, Филимон... Оставайся.

15.

Зотов и Серов расположились рядом, под поваленным свищеватым буком. За ними рогатился тальник, и начиналось Черное болото, а впереди, за кудрявым окоемом мелкого кустарника — широкая, поросшая сочной травой поляна, на которой уже замелькали немцы с овчарками на поводках.

Комиссар придвинул к себе поближе гранаты и два трофейных немецких автомата с запасными рожками, а Серов расположился поудобнее за ручным пулеметом. Поваленный бук, возле которого они обосновались, был большим и толстым, он надежно мог защитить от пуль.

— Н-ну что, Ф-Филимон, дадим фрицам жару?

— Дадим, товарищ комиссар. Патронов много.

— И все же с-стре... с-стрелять только по команде... С-стрелять наверняка. Б-беречь боеприпасы.

— Понял, товарищ комиссар.

Немцы подходили все ближе. Впереди шагал маленький бородатый человек.

— А вот и Кузьма Мушковец, собственной персоной! Явился не запылится... — недобро сверкнул глазами Серов, припадая к пулемету.

— П-пора, Ф-Филимон, — тихо сказал комиссар.

— Пора, Федор Николаевич! — скрежетнув зубами, весело подхватил Серов.

Автомат комиссара и ручной пулемет Филимона ударили разом.

— Так их! Так... мать их, так! — кричал Серов.

— Х-хорошо, Филимон... Х-хорошо... — поддерживал его Зотов.

В ответ гулко трещали автоматные очереди.

Тянуло пороховой гарью. На земле шел смертельный бой. А высоко в небе над синеватым лесом ярко сияло солнце — большое, чистое, жаркое.

Стоял июль сорок первого года...

Александр ВЫРВИЧ

Подполковник Александр ВЫРВИЧ родился в 1953 году на Украине. Окончил Калининское суворовское училище, затем Московское общевойсковое, Военную академию имени Фрунзе. Командовал батальоном миротворцев в Приднестровье, разоружал незаконные бандформирования в Чечне. Награжден орденом Мужества, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги". В 1996 году стал лауреатом литературного конкурса имени А.Т. Аксакова.

Уезжают миротворцы,
Снявшись с линии огня.
И вопрос в глазах у хлопцев:
"Дальше — Карабах? Чечня?.."

ПИСЬМО ИЗ ГРОЗНОГО

Тяжелая военная работа.
Что делать —
на войне как на войне.
Но я смотрел на дорогое фото
И как-то легче становилось
мне.
Пронзила сумрак
трасса пулемета,
Не скоро засыпать нам
в тишине.
Как хорошо, что у меня
есть фото,
Которое ты подарила мне.

ВЧЕРА ЗАКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Не часто говорю я о природе,
Все больше —
о войне
пишу в стихах.
На пенсии,
копаясь в огороде,
Побольше буду думать
о цветах.

Сапожник говорит пусть
о подметках,
Лесник — о лесе,
о морях — моряк.
Моряк-подводник —
о подводных лодках,
А о Сибири — Мамин-Сибиряк.

А я собаку съел в военном
деле.
Точнее — в нем я
профессионал.
По сроку службы подошел к
пределу,
Теорию и практику познал.

Войну я изучал не по рисункам
И знаю характерный посыл
пуль,
И тяжесть магазинного
подсумка,
И как слабеет раненого пульс.

Поверьте —
шелестит снаряд в полете,
Как тополь на ветру бьет
серебром;
Снаряда взрыв
на левом фланге роты —
Ну точно,
как весенний первый гром.

ЗАМЕНА

Эшелон змеей зеленой,
Вздвигнув, набирает ход.
В эшелоне люд казенный,
Государственный народ.

Бэтээры на платформе,
Каша стынет в котелке.
Все как надо. Все — по норме...
След помады на щеке.

И плакат в окне вагона:
"Родина, встречай сынов!"
И начальник эшелона
Голос потерял давно...

До свиданья, Приднестровье.
Что-то пыль попала в глаз.
Дай вам Бог
прожить без крови,
Мир удерживать без нас.

Под пули никому лезть
не охота,
Но я спокоен за себя вполне:
Твои глаза
мне говорят на фото —
Чтоб ни случилось,
ты поможешь мне.
И снова в ночь пошли
за ротой рота.
Все в норме,
ведь я знаю, что ты мне

При встрече улыбнешься,
как на фото,
Которое со мною на войне.

Чечня, друзья,
не только город Грозный.
Не только в Грозном
мы бои вели.
Бой в городе —
занятие серьезно —
Вам скажут
в Гудермесе и Шали.

Мы грязь и пыль
месили сапогами,
Ведь нас сюда дороги не вели,
Мы по полям
их проложили сами
К Аргуну, Гудермесе и Шали.

Пусть ярлыки
нам вешают любые,
Не надо нам, друзья,
чужой земли,
С боями шли мы
к городам России —
Аргуну, Гудермесу и Шали.

Мы верим,
что потери не напрасны
И все, что было можно,
мы смогли.

И пусть живут,
по-своему прекрасно,
В Аргуне, Гудермесе и Шали.

Пройдут года
и мы расскажем внукам,
За что и как мы здесь бои вели.
Ох, лишь бы впрок
пошла эта наука
Аргуну, Гудермесу и Шали.

СВОЯ ПЕСНЯ

"Горячее солнце,
горячий песок..."
Я с детства запомнил
мелодию строк.
Когда-то была эта песня хитом.
Но, как говорится,
она не о том.

И новые песни поют на Руси.
О чем эти песни?
Поющих спроси,
А мне недосуг.
Я в Чечне — не в раю...
Чтоб не было страшно,
свою я пою:

"Горячая точка,
горячий народ..."
И вижу я надпись
по центру ворот:
"Здесь люди живут".
Эта надпись о том,
Что сдуру не надо стрелять
в этот дом.

Под солнцем палящим
броня горяча.
В бою торопись,
да руби не с плеча.
Все делай быстрее,
да спеша не спеша,
Еще на Земле
пусть побудет душа.

"Горячее сердце,
горячая кровь..."
И снова я с "кровью"
рифмую "любовь".
А все потому,
что люблю я людей.
Вот это и главное
в песне моей.

ОСЕНЬ НА КАВКАЗЕ

Стою на вершине,
любуюсь горами.
Кавказ предо мною
и сзади Кавказ.
О, что же, природа,
ты делаешь с нами,
И злость и обиду
выводишь из нас.

А горы желтеющим лесом
покрыты.
Здесь осень-царица
вступает в права.
Цвета ее где-то
дождями размыты
И желто-зеленая стынет трава.

А выше — там властвует
тундра над лесом.
Но все ж не она
завершает пейзаж.
Белеют вершины
и всем своим весом
Реальность легко
превращают в мираж.

Такому величию
место лишь в сказке.
Но взгляд с высоты
возвращаю назад.
Стою я в окопе
с биноклем
и в каске,
А рядом
на бруствере —
мой
автомат.

Когда же листва
опадет
и откроет
Обзор, чтоб точнее
вели мы огонь?
Срываю шиповник.
Он, каплею крови
Алея,
мою прожигает ладонь.

ВЧЕРА ЗАКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Вчера закончилась война.
В верхах умерилось брожение,
И ночью приняли решение,
И подписали соглашение,
И даже выпили вина.

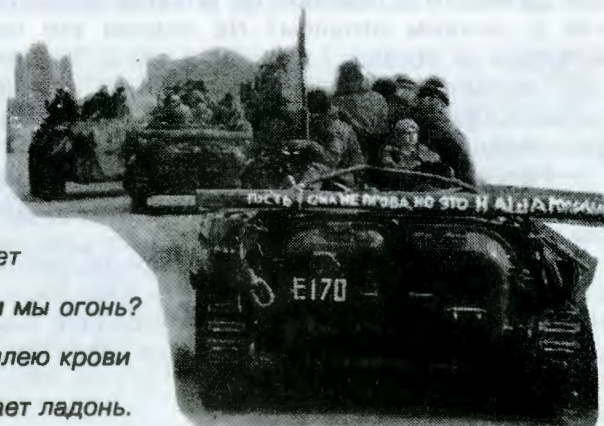
Вчера закончилась война.
Никто победы не добился.
Нигде победный флаг
не взвился.
И даже тот не застрелился,
На ком лежит войны вина.

Вчера закончилась война.
Причину помнят все едва ли.
Но убивали, жгли, стреляли,
Друзей погибших поминали
И пили горькую до дна.

Вчера закончилась война.
За страх, бессонницу, мученья,
За мужество и за терпенье,
А может, просто за везенье
Бойцов догонят ордена.

Вчера закончилась война.
Она была не мировая,
В пределах небольшого края.
Но эта разница большая
Солдатским вдовам не видна.

О том, что кончилась она,
Сама война еще не знает
И по привычке убивает,
Но потихоньку убывает.
Когда долги раздаст сполна,
Тогда лишь кончится война.

ИВАН МУЧАК

Три рассказа

УБИЙЦА

Серая от пыли машина с военными номерами свернула с липкой асфальтовой ленты, нырнула на ухабистую проселочную дорогу и потащила пыльный шлейф в густой ельник. Ершистые, наголо стриженные новобранцы со смешно оттопыренными ушами с любопытством выглядывали из-за тента кузова: куда везут? что там впереди? Но причесанные неласковой еловой лапой нависшего над дорогой дерева, под дружный хохот поспешно прятались.

— Наверно в ракетных войсках будем служить? — несмело предположил кто-то.

Призывники недоверчиво загудели.

— А что, в такой глухомани запросто. Секретно, да и маскировочка что надо. Вот какие ели дремучие.

— Да вы что, совсем очумели?! Или серые такие с темным отливом? Не видели кто нас встречал на вокзале? Сержанта там с буквами "ВВ" на погонах случайно не заметили? Объект какой-нибудь или "ящик" охранять будем. Ишь размечтались, ракетные войска.

— Но у майора же, что в кабине, пушки на погонах, — не сдавался прежний голос из глубины кузова...

Миша Свистунов сидел на неудобной, ребристой скамейке и молча слушал. Он знал наверняка, что попадет служить во внутренние войска. Земляк сказал, увидев у Миши повестку.

— Какого числа призывают?

— Двадцать второго мая.

— Во внутренние войска загремишь, как пить дать. Меня тоже в конце мая призывали, — очень просто спрогнозировал земляк. — Ну ничего, хоть жизнь увидишь. Старики везде существуют. Но ты не робей. Главное — умей себя поставить... А лучше сразу в сержанты, тогда заживешь.

Мишка в сержанты не собирался. Там, говорят, уж больно гоняют. Нет уж.

Машина, оставив позади ельник, миновала несколько беседок и поравнялась с длинным баракком, от которого веяло густым чесночным запахом вперемешку со щами. Миша уже потом, вспоминая первые дни службы, недоумевал: почему так разительно отличаются витающий в окрестностях запах и вкус солдатской пищи? Нет, еда зачастую даже и не хватает. Но запах все-таки вкуснее. Он нет-нет да и заставлял, глотая слюну, вспоминать домашние обеды.

Несколько метров бетонки — и машина, плавно качнувшись, остановилась.

Справа, в кустарнике, выстроились три длинные палатки, с узкими коридорчиками между собой. Как потом выяснилось — баня. Слева — небольшие квадратные палатки ровными рядами убегали в лес. Каждая на взвод. От бани к машине пошел прапорщик в сдвинутой на затылок фуражке. Пока майор копошился с документами, он принялся строить призывников.

— Побыстрее, побыстрее. Времени мало, а еще вас обедом накормить нужно. В две шеренги становись!

РАССКАЗЫ

“И чего это он кричит? — суется и прижимаясь локтем к соседу, думал Свистунов. — Можно же как-нибудь и попроще. Аж в ушах звенит”.

— Берем рюкзаки в правую руку, заходим в первую палатку, раздеваемся, складываем личные вещи в наволочку, завязываем, подписываем и сдаем в кладовую. Проходим в следующую палатку, моемся и идем дальше, в последнюю, — почти скороговоркой распорядился прапорщик. — Там получаем форму, одеваемся и выходим на построение...

Новоиспеченные солдаты смотрели и не узнавали друг друга. На одном военная форма сидела ладно, у другого пилотка — обхватила лысую голову от уха до уха, у третьего — расплылась на голове, словно блин.

Прапорщик долго объяснять не стал. Подозвал сержанта, поставил его перед строем и сказал:

— Всем заправиться вот так.

Мишке новая одежда показалась неудобной, воротничок схватил шею, давил бока жесткий ремень, а ослабить его не смел, боясь получить замечание. Тот же земляк говорил, что в таких случаях отправляют “толчок” драить.

— побыстрее, побыстрее, — поторапливал прапорщик на выходе из столовой. — Батальон уже на стрельбище давно.

Вразнобой стуча сапогами по бетонным плитам, новобранцы вышли на дорогу с глубокой, выбитой машинами, колеями.

— Бегом марш, — скомандовал прапорщик, и молодые солдаты, путаясь, цепляясь ногой за ногу непривычными, кажущимися литыми из металла сапожищами, устремились по пыльной дороге вслед ушедшей колонне.

У Свистунова длинней дороги не было. Пекло солнце, пот градом катил из-под прыгающей

пилотки, пыль безжалостно забивалась во все поры. Жесткий воротничок не давал дышать. Хотелось сбросить все с себя, сесть и разрыдаться, только бы его оставили в покое.

Мишка мельком глянул на соседа. Серое от пыли лицо избороздили ручейки пота, ноздри натужно раздувались при каждом вдохе.

Наконец догнали батальон и пошли шагом, но еще долго не могли отдышаться.

Свистунов посмотрел на часы. Прошло уже три часа его военной службы. Секундой пролетели. “Неужели вся служба такая будет? Нет, два года не выдержу”.

С днями служба легче не становилась. Ранние подъемы, изнуряющие полевые занятия. Чуть сержант повышал голос — Мишке казалось, что тот над ним издевается. Как будто больше никто и не убирал закрепленную территорию, не подметал у палаток. Все только он да он, Свистунов да Свистунов. И постоянно хотелось спать. Выспаться, да чтобы как дома в выходной, до обеда. Мысли о доме не отпускали. Тот год, когда он, закончив школу, до призыва без дела слонялся по поселку, теперь казался райским временем. Отца он не помнил. Мать, пока не прихватило сердце, крутилась на двух работах, приходила поздно. Свобода...

Однажды, опаздывая в строй, Михаил второпях кое-как накрутил портянки и до кровавых мозолей истер ноги, несколько дней ковылял сзади строя в кедах.

— Ну ничего, — успокаивал он себя. — Скоро присяга, мать приедет. Привезет чего-нибудь. Да повидаться и то...

— Свистунов! — Обрывал его мечтания сержант. — Хватит на занятиях ворон считать.

Михаил дикой завистью завидовал попавшим в санчасть. Одного из их призыва, говорили, прямо отправили домой, как не годного. Пре-

Иван МУЧАК родился в 1957 году. После окончания Высшего политического училища МВД СССР девять лет служил в ОДОНе. Нашим читателям он, разумеется, известен больше как журналист, поднимающий вопросы воинского воспитания, проблемы социальной защиты военнослужащих. Опубликованы его повести “Черное кольцо”, “Офицерская вендетта”. Сегодня мы знакомим вас с его новыми рассказами, сюжеты которых почерпнуты из войсковой жизни.

дел мечтаний. А как попадешь, если, как назло, ничего не болит? Или вены порезать? Так тогда, чего доброго, не в санчасть, а в психушку отправят.

* * *

Екатерина Ивановна приехать на присягу не смогла.

Сердце прихватило. Два дня отлежала в постели, но на третий не выдержала и, напичкав себя таблетками, поехала к сыну. По совету недавно отслужившего соседа взяла побольше продуктов, испекла любимых Мишкиных пирогов. Правильно говорят: "Маленькие детки — маленькие бедки, большие детки — большие бедки", — подумала она, перекинув через плечо связанные большим носовым платком сумки.

В поселке все знали, что сын Ивановны на службе. Она гордилась этим. Вот вернется домой, тогда и ей будет легче, по хозяйству поможет, женится. Тогда и отдохнуть можно будет, внуков понянчить. В ее больном сердце уже родилась нежная любовь к ним, еще не появившимся.

В вагоне поезда было чисто. И попутчики попались хорошие.

— К сыну еду, — не уставала с гордостью повторять она, — в армии служит.

Так, с разговорами про сына, и добралась до части.

Сержант на КПП, крикнув от неожиданной тяжести, подхватил ее поклажу и проводил в комнату посетителей.

Мать с нескрываемым интересом начала рассматривать большие фотографии на стене. На них солдаты рыли окопы, стреляли из автоматов, прыгали с бронетранспортеров. Она мысленно примеряла лицо сына к каждой фотографии. Было и страшно и в то же время появилась гордость за сына, который уже наверняка теперь умеет делать все так же, как и эти brave солдаты на снимках.

— Вы мама Михаила Свистунова? — За спиной стоял коренастый капитан со знаком "Дежурный" на куртке.

— Да, я, — ответила она и виновато добавила, — на присягу, вот, опоздала.

— С вами хочет поговорить командир части. Пойдемте, я вас провожу. Вещи можете пока оставить здесь.

В кабинете навстречу ей поднялся молодой статный подполковник. Поздоровался и усадил за стол.

— Как добрались? — спросил, садясь напротив.

— Хорошо доехала, спасибо за беспокойство. Подполковник, сцепив пальцы, несколько секунд в напряженном молчании смотрел на мать.

— Вы когда из дома выехали?

— Вчера, после полудня. В ночь поезд отправлялся.

— Екатерина Ивановна, вчера, до обеда, Михаил дома не появлялся?

— Слева что-то кольнуло.

— Нет. Вы что?.. Он ведь служит... в армии... у вас, — приложив руки к груди, дрожащими губами выдавливала она слова.

— Два дня назад ваш сын самовольно ушел из части... бежал... дезертировал, — растягивал слова командир, глядя ей прямо в глаза.

"Дезертир... ..зертир ...тир", — гаснущим эхом пронеслось в сознании, снова кольнуло сердце. Она еще пыталась что-то сказать непослушными губами, медленно сползая со стула.

Санитарный уазик, как мог, быстро пробырался по разбитой дороге к ближайшему поселку. В больнице, куда с обширным инфарктом доставили Екатерину Ивановну, она пролежала только ночь.

* * *

День присяги — в части праздник. Но гром меди духового оркестра, море цветов и солнечного тепла не вытеснили у Михаила Свистунова тоскливую безысходность, поселившуюся в душе с первого дня службы. Среди гостей матери не было. Но он все слонялся между приехавших на присягу родителей.

Разбирала обида на эту часть, где еще два года служить, на мать, которая забыла приехать и которую он так ждал. А кругом все радуются и смеются, нагло улыбаются, шутят.

— Свисток! Свистунов, Мишка! — крикнул язвительный Ерохин, не упускавший случая поддеть нерасторопного сослуживца, — хватит по мамке скучать. Говорят, к кому не приехали, те сегодня в наряд заступают.

Не помня себя, Свистунов забежал в палатку, ухватил спортивную форму сержанта, кеды. Спрятавшись в кустарнике содрал с себя парадку, переделался и побежал к дороге.

Никогда не думал Мишка, что будет так возвращаться в родной поселок спустя месяц после призыва: огородами, через забор. В сумерках.

Окна их угловой комнаты в бараке не свети-

лись. На двери, выходявшей прямо во двор, висел замок. Ключ, как обычно, лежал под камнем у крыльца. Дрожащими руками Михаил открыл дверь. И не было почему-то радости от встречи с домом. В комнате пахло лекарствами. С улицы послышался звук автомобильного мотора. Михаил схватил с полки буханку хлеба, шмат сала и воровато выскользнул во двор.

Машина проехала мимо, но возвращаться в дом Свистунов не решился. Зашел в сарай и там, устроившись на соломе, жадно навалился на хлеб и сало. За два дня удалось лишь раз перекусить на пару с подвизившим его дальнотбойщиком. И только теперь, наевшись, он с тревогой подумал: «А где же мать?»

Весь следующий день его глаза высматривали околицу сквозь узкую, в палец, щель.

Утром к дому подошел какой-то военный с участковым, постояли у закрытой двери, потом через штакетник поговорили с соседями и, бросив озабоченный взгляд на окно, пошли в сторону сельсовета.

«Началось, — подумал Мишка, — и здесь жителя не дадут. Но где же мать?»

Прошло еще несколько дней, а он все также изнывал в сарае. По ночам пробирался в дом, но не мог, сколько ни пытался, там остаться. Тут же подкрадывался страх, и он, взяв еду, крадучись возвращался в сарай.

«Но где же она?» — снова копилось в нем раздражение на мать. Он уже услышал из разговора соседок, что она поехала к нему и, значит, со дня на день должна вернуться. А там...

Что там он, правда, не представлял, считая, что мама что-нибудь придумает, защитит...

В один из дней рано утром Мишка проснулся

от женского плача. Недовольно глянул через щель в утреннюю влажную белизну. У калитки собрались соседки — все в черных платках. Рядом понуро с непокрытыми головами стояли мужики. Прямо у калитки газовал автобус. Дядька Степан, брат матери, копошился открывая дверь. Несколько солдат из его части вытаскивали из автобуса длинный, обитый красной и черной тканью гроб.

«Не может быть, мама ведь поехала ко мне», — еще не веря, ужаснулся Михаил.

Следом за гробом медленно шла мамина сестра, придерживая у рта носовой платок.

С грохотом растворилась дверь сарая, и над поселком пронесся отчаянный Мишкин крик:

— Не-е-ет!!! Я не хочу! Мамочка! Я не виноват! Я не хотел этого! Мамочка! Прости меня!

Он подбежал и около гроба, закрывая лицо руками, опустился на колени, потом рухнул на землю. Плечи его вздрагивали от рыданий.

Несшие гроб осторожно обошли плачущего Мишку, и по дощатым ступенькам крыльца гулко забарабанили солдатские сапоги...

МАГНИТНОЕ ПОЛЕ

Дорога всегда манила непоседливых и любопытных своей неизвестностью. Лейтенант Сергей Винокуров не относил себя ни к тем, ни к другим, хотя ездить в поездах ему нравилось. Особенно, если не надо толкаться у шумных кассовых окошек за билетом. А вот так, как сейчас: забросив за плечо сумку, неторопливо пройтись по перрону и занять место в уютном купе, поговорить с попутчиками, почитать книгу или просто смотреть в окно. Тем более такая возможность представилась: съездить в Екатеринбург за молодым пополнением.

Сергей беззаботно шагал за майором Гвоздевым по привокзальной площади, рядом семенил, стараясь попасть в ногу с офицерами, сержант Сирко.

— Товарищ лейтенант, а вы бывали на Урале? — поинтересовался он.

— Да нет, — равнодушно ответил лейтенант, — как-то не приходилось.

— Так там холодно, наверно? — сержант сказал это так вдохновенно, что, казалось, уже

прямо сейчас у него побежали мурашки по коже.

— Не знаю, нужно было вчера программу “Время” смотреть.

Они остановились в уголке большого зала ожидания, лейтенант пристраивал свою сумку рядом с дипломатом майора Гвоздева и дорожной сумкой сержанта.

— Да я смотрел, но там про Урал ни слова.

— Приедем, увидим, — улыбнулся Винокуров.

Вокзал бурлил, гудел как улей. Только объявляя посадку, как сразу же ожидающие ее пассажиры роем снимались и, растопырив руки с тяжелыми сумками, штурмовали выход на перрон. Через несколько минут зал ожидания пустел. А потом медленно наполнялся новыми отъезжающими.

И вот уже поезд, гремя колесами на стыках рельс, повизгивая ребордами на поворотах, взял курс на восток. Дорога не близкая. Пассажиры устраиваются основательно. Сергей смотрел через открытую дверь купе на проходивших мимо. “Как на эскалаторе, в метро, мелькают лица, — подумал он. — Но уже не такие, натужно озабоченные, как во время посадки, а по-домашнему хлопотливые: как будто дома на стол накрывают. А, наверное, так и есть. Идут-то они в основном в вагон-ресторан прикупить чего-нибудь съестного”.

Со смехом промелькнула стайка девушек, а за ними, кряхтя и цепляя сумками стенки узкого коридорчика, прошла женщина, приостановилась у купе, где сидел лейтенант, сделала еще несколько шагов и вошла в следующую дверь. Ее старое поношенное пальто давно приняло форму своей хозяйки со всеми выпуклостями ее полной фигуры. За ней семенил тощий мужчина со скуластым, небритым, изрезанным морщинами лицом. Их появление в соседнем купе внесло оживление, послышались веселые голоса.

Винокуров отложил книгу, бросил взгляд на мерно посапывающего на верхней полке сержанта и, выйдя в коридор, закурил. Встав спиной к окну, мельком глянул в приоткрытую дверь соседнего купе.

— А что мужика в доме держать? — рассуждала новая пассажирка. — Его накорми, обстирай, спать уложи. Это же сколько хлопот?! Уж лучше какую скотину завести. Ее хоть продашь потом, а деньги на книжку. Все польза какая-никакая.

Сергей невольно прислушался. “Во дает баб-

ка! Неужто этот тощий мужичок ее муж? Что-то его и не слышно”.

А мужичонка молчал, растянув губы в застенчивой улыбке. Дородная баба расплылась на диване купе, большие, отвисшие груди лежали чуть ли не на животе. Она живо жестикулировала, переводя цепкий взгляд с одного собеседника на другого.

— Да что любовь?! — продолжала она, отвечая кому-то. — Я вот с одним всю жизнь прожила, а до сих пор не знаю, любила его аль нет. Мне вот старичок-то мой и не нужен тепереча: слаб стал, мешка не поднимет. Только и прибыли, что пенсию в дом получает. А куда его деть? Прогнать — жалко. Как-никак муж.

Винокурова так и дергали какие-то чертики, чтобы из мужской солидарности заступиться за старика. Пусть не любит, но ведь живет же с ним! И вот так прямо в глаза рассуждает: выгнать — не выгнать. И как он это все терпит?!

Как бы в унисон мыслям Сергея, в купе задали, наверное, тот же вопрос.

— Жестоко? А ныне которые, что, добрые? Посмотрите на нынешних кукушек. Это не жестоко, когда она из койки в койку порхает? Какая я не жестокая, а такую пакость себе не позволяла, не-е-ет! Думаете, возможностей не было? Да сколько угодно. Во, пусть скажет, — женщина показала глазами на старика, — не даст сбрехать...

Сергей вернулся в купе, закрыл глаза и сразу вспомнил Маринку. Маринка, так нежно он ее называл, несмотря на все то, что произошло. Иногда он ее осуждал, иногда пытался оправдать, но теперь все чаще думал о ней с равнодушным смирением. Она, наверное, и не любила его. Но почему же тогда говорила что любит? Говорила, а когда перед выпуском из училища он сделал предложение, в ответ засмеялась и сказала как отрезала:

— В наше время надо быть полной дурой, чтобы выйти замуж за военного...

Еще и объяснила популярно про гарнизон в какой-нибудь дыре, бесквартирье и время больших возможностей, которое дано именно сегодня расторопным людям, но уж никак не свежеиспеченным лейтенантам.

Так что же и Маринка, получается, оценивает людей по мешку, который ты можешь тащить? Да что бы это был мешок с деньгами.

А он и сейчас ее любит.

Неожиданно в мерный перестук колес вор-

вался звонкий фальцет майора Гвоздева, который тенью возвышался в проеме коридора.

— О, какие люди, и без охраны!.. Заходи, заходи не стесняйся! Да заходи же, тут все свои...

У Винокурова все мысли из головы как сквозняком выдуло. В купе зашел мужчина в спортивном костюме, как-то виновато оглядывая присутствующих. В его руках было две бутылки пива.

— Да ты садись, садись. Давай свои бутылки сюда. Или торопишься?

— С час еще ехать, — глянул тот на часы.

— А мы в Свердловск, за молодым пополнением, — продолжал Гвоздев. — Это вот лейтенант Винокуров. А там, наверху, сержант Сирко. Обещал проспать всю дорогу. Пока получается, — улыбнулся Гвоздев. — Мой бывший комроты майор Пряхин, Федор Федорович, — представил он наконец гостя. — Садись, командир, сколько не виделся, как жизнь-то?

— Вы угощайтесь, — спохватился Пряхин и протянул лейтенанту бутылку. — Открой-ка.

Винокуров брелоком на ключах подцепил пробку. Наполнив стакан, передал его Пряхину.

Гвоздев заметил, что бывший его командир как-то почернел, осунулся, и без того худощавое лицо избородили сильно его старившие глубокие морщины.

— Жизнь, говоришь? — начал тот, сделав несколько глотков. — Замотало меня, уже почти год, как в кошмаре каком, — Федор Федорович отвел грустный взгляд в сторону и добавил, — я же с женой развелся.

Гвоздев аж поперхнулся пивом:

— Ну, ты меня и ошарашил...

— Как в феврале отец умер, так она у меня и загуляла... Думал, подам документы на развод — одумается... Говорю ей: давай все забудем, семью сохраним, двое же ребятишек у нас... А она: "Мне нужно подумать до утра". Представляешь? Меня это так взбесило...

Винокуров, затаив дыхание, слушал их разговор. Своего отца он не помнил. Жили вдвоем с матерью. Как родители жили до развода, одному Богу известно. Развелись, да и развелись...

— Да-а! — ошарашенно потянул Гвоздев.

— Видишь ли, — задумчиво продолжал Федор Федорович, — она стремится к хорошей, красивой жизни. Но что я могу, кроме того, что есть? А любовник имеет связи. Она квартиру получила, наверняка не без его помощи. Сережку в хороший лагерь устроила — тоже.

— Он сам-то женат?

— В том-то и дело... — с горечью ответил Пряхин.

— Ну и ведьма! Да я убил бы, — возмутился Гвоздев.

— Это ты на словах силен. Я раз не выдержал. Так милицию вызвала, орала: "Он меня бил, снимите с меня побои!" Два сержанта приехали, говорят: "Не шумите, гражданка! Штаны с тебя снять, а не побои. Он же трезвый, а ты пьяная. — А мне: — Вы уж, товарищ майор, в своей семье сами разбирайтесь".

— А дети что? Сережка-то уже большой, все понимает...

Пряхин долго не отвечал. Сидели молча. Только похрапывал наверху Сирко.

Наконец Пряхин сказал, ни к кому не обращаясь, о чем, видно, давно думал:

— Если бы вернулась, я и после всего, что было, все равно бы простил.

...На третий день командировки, когда партию призывников готовили к отправке на вокзал, природа, словно вострепнувшись, напомнила об уральской зиме: подул морозный ветерок, снежными барашками покатила поземку. Лужи на привокзальной площади промерзли насквозь.

Призывники с открытыми ртами слушали лейтенанта. Над строем поднимались клубы пара, под который самые отчаянные умудрялись замаскировать дымок от сигареты. Сергей прохаживался вдоль строя, мороз сердито пощипывал уши, нос, забирался в перчатки. Но он не подавал виду, не из тех, мол. Хотя нет-нет да и потирал украдкой замерзшее лицо. Видевшие это призывники лишь посмеивались.

От призывного пункта было еще часа два пути до Екатеринбургa. В пригородном поезде новобранцы заняли весь вагон. Некоторые, пригревшись, уткнулись в воротники и кемарили, другие, развязав рюкзаки, уничтожали еду, приготовленную родителями в дорогу. Носившийся над рядами говор потихоньку затих, вагон погружался в дремотную тишину.

Из полусонного состояния Сергея вывел сержант Сирко.

— Товарищ лейтенант. Призывник сбежал.

Винокуров вскочил, протирая глаза. Сон мгновенно прошел.

— Как это сбежал?

— Смотрю, вышел в тамбур. Я подождал и за ним. Гляжу, а он из вагона прямо на перрон и бежать. Я и крикнуть вдогонку не успел.

В тамбуре у открытой двери стояла лишь жен-

щина-проводник. Лейтенант растерянно посмотрел на флажок в ее руке.

— Призывник выходил из вагона?

— Да один выскочил.

— Почему же вы его выпустили?.. — вопрос прозвучал глупо, но Винокуров действительно не знал что делать.

— А мне что? — пожала плечами та. — Сказал, что позвонить нужно.

Виноградов в сердцах сплюнул, выругался. Он еще несколько минут смотрел на удаляющийся вокзал, затем, пошел в соседний вагон докладывать Гвоздеву.

— Этого еще не хватало! — с досадой пробурчал майор. — Бери списки, выясняй кто и на следующей станции свяжешься с военкоматом и отделением милиции.

Винокуров начал пересчитывать новобранцев. Не хватало Мешкова Николая.

...Николай вышел в тамбур, протиснулся мимо женщины-проводника и выглянул в открытую дверь.

— Я только позвоню и обратно, — бросил он скороговоркой, не дожидаясь полной остановки, спрыгнул и побежал к небольшому рубленому из кругляка домику у платформы.

Схватив трубку телефона, он опустил жетон и, поглядывая через окно на стоящий поезд, набрал номер.

Тишину прорвали частые гудки. Занято.

Николай снова и снова набирал номер. Через несколько минут состав за окном качнулся и медленно покатил вдоль перрона. А телефон наконец отозвался протяжными гудками ожидания. Вагоны один за другим проплывали за стеклом.

Когда в трубке через треск и шорох раздался знакомый голос, Мешков лишь крикнул:

— Через час буду на вокзале в Екатеринбурге, — и метнулся на перрон.

Он спрыгнул с платформы. Вдоль путей тянулась вытопанная в снегу дорожка. Хвостовой вагон маячил красными огоньками. Когда удалось ухватиться за поручень, сил для последнего рывка уже не осталось. А состав начал набирать скорость. Наконец, отдышавшись, Николай запрыгнул вверх и повис на ступеньках. Довольный, он облегченно вздохнул.

Поезд ему отсюда казался длинным и плоским. Он то ровной стрелой летел вперед, то плавной дугой загибался так, что казалось тепловоз пытается взглянуть, что это за существо повисло на хвостовом вагоне.

Первыми холод намертво схватил вцепившиеся в поручень руки. Обдуваемые морозным потоком, они будто слились с металлом, и теперь даже при желании разжать пальцы было бы не просто. Мешков уже и не ощущал их. Ветер быстро выдул тепло из-под куртки, пытался сорвать шапку.

Николай подумал, что еще несколько минут и он просто свалится на рельсы.

Перед глазами светилось окошко двери. Ему показалось, что за окном можно разглядеть клубы дыма. «Галлюцинации, что ли?» — подумал он и тут его осенило, что в тамбуре наверняка кто-то курит. Он начал всем телом стучать в дверь вагона.

За окошком показалось равнодушное лицо какого-то призывника с сигаретой во рту. Глаза его, увидев висящего на подножке, округлились. Парень бросился из тамбура в вагон.

— Голубчик, и как же это тебя угораздило, — хлопотала над Николаем проводница, когда его удалось втянуть в тамбур. — Смотри, как губы посинели, гляди, уши-то отваливаются, эх, путевый!

А Мешков и вправду мешком был готов свалиться в узком жарком коридорчике, каким тот показался ему после обжигающего мороза. Пальцы отходили с адской болью. Сотни мел-

ких иголок впились в живую ткань и пытались вырваться наружу из-под ногтей.

— Ох-ох-ох! Да ты же мог сорваться, окоченел весь, — все причитала проводница и потянула его к умывальнику. Из кружки полила холодной водой на протянутые руки. Вода казалась теплой, и ее живительная сила мелкой дрожью прошла по телу.

— Я отстал, я отстал от поезда, — все твердил Мешков.

...Лейтенант сидел и думал о сбежавшем призывнике. Кто он: дезертир? Или поддался минутной слабости, случайно отстал? Что от него можно ожидать в подразделении, если он сейчас уже такие фокусы выкидывает?

Но тут хлопнула дверь тамбура, и в вагон вошел майор Гвоздев, пропустив вперед парня с пылающим, как от мороза, лицом и забинтованными руками.

— Забирай, лейтенант, своего беглеца.

Сергей с удивлением посмотрел на Мешкова.

— На подножке ехал, — продолжил майор.

— А мы тебя заждались, зайчик ты наш, — добавил кто-то.

Вагон грохнул громким, задорным смехом.

Лейтенант усадил “беглеца” рядом. Но разговаривать его не удалось. Отвечал тот односложно, а чаще отмалчивался, глядя куда-то мимо офицера.

— Ну ты, Мешков, учудил, — не унимался Винокуров. — Ты мог службу свою закончить, еще не начав. Сотни солдат ежегодно погибают от такого вот разгильдяйства, а потом — армия виновата. Твоя же мать начнет обивать пороги и спрашивать: “Кто ответит за смерть моего сына?”

Парень молча отводил в сторону виноватый взгляд.

— Девушке звонил? — уже спокойно спросил лейтенант.

— Да, — нехотя подтвердил он.

В Екатеринбург прибыли уже в темноте. Выгрузились на перрон и нестройной колонной прошли в зал ожидания. Здесь кое-кого поджидали родственники и знакомые. От напряжения у Винокурова рябило в глазах. Вдруг его взгляд остановился на знакомом лице. Почти в центре зала стояли лицом к лицу парень и девушка и молча смотрели друг на друга. Лейтенант узнал Мешкова. Девушка держала его забинтованные руки в своих ладонях.

Призывники сновали, толкаясь, цепляя друг друга. Кто-то брнчал на гитаре. А эти двое бы-

ли словно в другом мире. И как будто магнитное поле образовалось вокруг них, защищая от суеты. Невидимая сила отталкивала всех, кто случайно приближался и пытался нарушить этот молчаливый диалог.

Он смотрел на нее серьезно-озабоченно, сдвинув брови на переносице. Она на него — кокетливо-задорно, уголки рта еле тронуты виноватой улыбкой. Пыталась то ли успокоить его, то ли немножко развеселить, чтобы убрать нет-нет да и проскакивающую в глазах грусть.

Грохнула на перроне медь военного оркестра. Призывники начали строиться, лишь эти двое продолжали стоять посреди зала.

Винокуров смотрел на них и чувствовал, что и его собственная душа наполнялась какой-то новой силой, оживала и пела под духовую музыку. Он снова вспомнил Маринку. Ничего, у него еще все впереди. А пока — впереди была дорога.

НЕДОЧИТАННАЯ КНИГА

Поселок лежал в ущелье. Проехать туда можно было по единственной дороге, ломаной и кривой, отходящей от большого тракта, выложенного неровным булыжником. В сезон дождей, когда тяжелые облака, опираясь на карабахские горные хребты, мостом ложатся над поселком, центральная улица превращается в мутную речушку. Рыжая вода катит в сторону дороги, перепрыгивает ее и сотнями маленьких ручейков впадает в горную речку. Не широкую, но шумливую, заметно полнеющую от дождевой воды. В такие времена кажется, что поселок расположен в кармане: со всех сторон горы, сверху давят облака, только и есть один выход в сторону большой дороги.

Лейтенант Павел Байков со своими спецназовцами сезон дождей не застал. Оставалось только верить местным жителям, что так действительно было, и довольствоваться видом вылизанных водой камней на дороге да гортанным клекотом сбегающей к водозаборнику грязной речки.

А вот у входа в тот самый “карман”, на раз-

вилке дорог, пришлось потрудиться и его бойцам. Грунт между камнями вымывала вода, и здоровенные булыжники катились под откос. Заставу внутренних войск отрезало от войсковой оперативной группы. Замкомроты понимал, чем это грозит. Боевики не лезли в поселок только потому, что знали: там солдаты. Хотя частично прямо с дороги лупили автоматными очередями. Не целясь, так, для остратки.

Разрушенную ливнями дорогу ремонтировали солдаты. На последний десяток метров камня не хватило.

— Что будем делать? — не по-уставному обратился к подчиненным лейтенант.

— “Урал” пройдет и ладно, — пожал плечами ефрейтор Тимошенко и кивнул в сторону поселка. — Они еще и за это нам спасибо не сказали.

— Тебе лишь бы не работать, — сержант Олег Сафонов с силой надавил ногой на крайний камень, тот выскользнул и опять покотился вниз. — Мартышкин труд.

Подъехал верхом на лошади лесник, поздоровался с лейтенантом, включился в разговор.

— Я знаю место, где есть камень. Там гранит дробили на дорогу. Мы бы вам помогли. Но там опасно, боевики.

— Да нам много и не надо, — пожал плечами Сафонов. — Пару рейсов на “таблетке”, и полный ажур.

— Добро, — принял решение лейтенант. — Сафонов, бери Тимошенко, вооружитесь и поехали на машине.

Лесник поскакал в поселок и вскоре вернулся с двумя добровольцами. Санитарный уазик, единственный транспорт заставы, приняв пассажиров, покотился по каменистой дороге.

Работа спорилась. Вскоре грязные булыжники покрыли пол в машине.

— Тимошенко, давай автомат и езжай, — распорядился лейтенант. — Разгрузите камни и начинайте укладывать. Мы следующим рейсом вернемся.

Байков забрал из кабины книгу и, присев на камень, развернул ее. Она попала к лейтенанту случайно. Роту “краповых беретов” тогда поселили в небольшом здании замысловатой архитектуры. Солдаты перво-наперво принялись наводить марафет. Целый день во дворике и помещениях бывшего поселкового клуба стояла пыль столбом, возле забора горел, пожирая мусор, костер. Скорее всего туда и попал бы этот томик в потрепанной обложке, который выхва-

тил Павел Байков из-под беспощадной сосновой метелки. Стряхнув пыль с мятых, слегка пожелтевших листов, лейтенант сунул спасенную книгу за пазуху. Позже, пробежав по диагонали несколько страниц, вспомнил название: “Фурманов”. Читал ее еще курсантом.

Сержант Сафонов, оставив сельчан, собиравших булыжник в кучу, направился к командиру.

— Что это за книга у вас, товарищ лейтенант? Случайно не в раскопках отыскали?

— Это, Олег, умная книга. “Жизнь замечательных людей”, слышал о такой серии? И совсем она не старая.

— Что за интерес читать, когда половины страниц нет?

— Самые нужные остались. Вот послушай. Тут кто-то даже красным карандашом подчеркнул.

Байков разгладил страницы ребром ладони. И вдруг тишину разорвала автоматная очередь.

Лейтенант, сунув книгу под бронешилет, вместе с сержантом бросился на землю, изгибаясь для стрельбы. Сельчане, накрыв головы руками, металась на небольшом пятчке, выкрикивая что-то на своем языке: то ли мольбу к аллаху о спасении, то ли проклятия в адрес боевиков. От второй очереди лесник, словно споткнувшись, рухнул на камни. Стреляли от дороги.

Лейтенант Байков ответил огнем. Стоявшие до этого во весь рост боевики поприседали, на несколько секунд стрельба прекратилась. Видимо, сначала солдат они не заметили.

— Бегом в укрытие! — закричал Байков.

Сельчане бросились к нему и через секунду, подхлестываемые пулями, оказались за валуном. Один из них сразу же упал. Правая нога была прострелена выше колена, по мокрой брючине в кирзовый сапог стекала кровь.

Сафонов выпустил длинную очередь в сторону дороги и резким броском перебежал в укрытие к лейтенанту. Выстрелы боевиков высекали из камней крошку.

— Что будем делать? — по обыкновению спросил лейтенант, на сей раз скорее себя, нежели замкомвзвода.

— Как там лесник? — Сафонов выглянул из-за камня. — Его бы перетащить.

— Он убит, — коротко ответил оставшийся невредимым сельчанин.

— Значит так. Перебежками уходим в сторону поселка, — распорядился лейтенант. — Идти сможешь? — спросил он у раненого.

— Я его отвезу, — ответил за того уцелевший

и, распоров штанину, стал ловко накладывать повязку постанывающему раненому. Только сейчас лейтенант и сержант вспомнили о лошади лесника.

— Солдаты! Вы нам не нужны! Уходите, мы вас не тронем, — слышалось от дороги.

— Мели, Емеля, твоя неделя, — Байков нащупал гранату в кармашке бронезилета. — Ты где научился раненых перевязывать? — спросил у парня.

— В Афгане. Прикройте огнем, я приведу лошадь.

Сафонов вернулся на прежнее место и короткими очередями стал обстреливать дорогу.

“Афганец” пригнулся и, петляя, побежал.

Когда он ухватился за поводья, жеребец взвился, дико заржал и потащил его по грязи. Но через несколько метров парень все же вскочил на ноги, успокаивающе похлопал перепуганного коня по упругой шее и, укрываясь за ним, подвел жеребца к лейтенанту.

— Вам отсюда не выбраться, я приведу подкрепление, — пообещал “афганец”.

Они перекинули раненого через седло.

— Солдаты, даем три минуты. Уходите! Вы нам не нужны! — гремело с дороги.

— Командир, у боевиков подмога, — крикнул Сафонов, посылая короткие очереди. — До десятка наберется.

— Экономь патроны, — лейтенант прикладом автомата достал лошадь по крупу, и она засеменила к поселку. Нападавшие, словно опомнившись, открыли стрельбу по седокам, но под огнем военных опять залегли.

— Товарищ лейтенант, нас обходят.

— Спокойно, — Байков оторвался от прицела. — Отходим.

Весь огонь теперь обрушился на них, больше не кричали, чтобы уходили, не обещали им жизнь, а просто расстреливали.

Лейтенант перекатился к сержанту.

— Давай магазин, а сам за тот выступ и на заставу.

Сержант протянул полупустой магазин офицеру и, перекрикивая автоматную трескотню, спросил:

— А как же вы? Вас ведь убьют!

— Не рассуждай, бегом марш отсюда! — Байков старался быть спокойным: — Они меня не тронут. Им нужны заложники из местных.

— Я сейчас вернусь... Мы вернемся, — бросил скороговоркой сержант и пополз от камня к

камню. Он, сам не замечая, плакал и все повторял, как заклинание: “Мы вернемся...”.

Наконец, достигнув укрытия, оглянулся. Лейтенант Байков встал во весь рост, поднял автомат над головой и, что-то выкрикивая, пошел навстречу боевикам. Слов было не разобрать, но стрельба прекратилась.

“Мы сейчас вернемся”, — повторил Сафонов и побежал к поселку. По дороге навстречу мчался узик с солдатами.

Когда подъехали к собранной куче бульжников, боевиков уже не было. Рядом с убитым лесником лежало окровавленное тело лейтенанта. Без бронезилета. Рядом — затоптанный в грязь краповый берет.

Пульс еле прощупывался. Лейтенанта уложили на носилки и увезли в городскую больницу.

Чуть в стороне легкий ветерок шевелил пожелтевшие страницы книжки, выпавшей из-под бронезилета Байкова. Сафонов поднял ее и нагнувшись взглядом на подчеркнутые красным карандашом строки: “Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза. Умереть по-собачьи, с визгом, трепетом и мольбами — вредно. Умирай хорошо. Наберись сил, все выверни из нутра своего, все мобилизуй у себя — и в мозгах, и в сердце, не жалей, что много истратишь энергии — это ведь твоя последняя мобилизация!”

Умри хорошо...”

В МИРЕ ДРОЗДОЗА

С автором и ведущим популярной телепередачи «В мире животных» Николаем ДРОЗДОВЫМ мы встретились возле КПП отдельной дивизии оперативного назначения. Вместе с другими звездами ОРТ он приехал на съемки программы «Армейский магазин», которые проходили в тот день на базе учебного центра ОДОНа в деревне Новая.

Дать интервью журналу «На боевом посту» известный телеведущий согласился сразу и прошел в военный автобус, где и состоялась наша беседа.

— Николай Николаевич, сегодня вы увидели показательные выступления спецназовцев внутренних войск перед артистами эстрады, ведущими популярных передач, продюсерами различных программ ОРТ. Скажите, пожалуйста, с чем у вас ассоциируется понятие «спецназ»?

— Мне кажется, это что-то такое особенное, специальное. Если другие военные защищают нас от внешнего врага, то спецназовцы действуют в ситуациях исключительных. Они должны уметь делать буквально все: вовремя успеть выхватить пистолет, выстрелить из автомата, вскочить в БТР, проехать верхом на лошади, нырнуть и переплыть с аквалангом реку и т. д. Как может все это сделать один человек, я не представлял до тех пор, пока не

увидел ваших ребят из отряда «Русь».

Подготовленность у спецназовцев на порядок выше, нежели у остального служивого люда, ибо они всегда находятся между пяти-шести огней, то есть на переднем крае борьбы с терроризмом и другими бандитскими проявлениями. Однако в отличие от известных голливудских актеров, которые снимаются в самых крутых боевиках, эти ребята должны выглядеть не просто артистами после съемок трюков, но и выйти победителями из смертельных схваток, спасти попавших в беду людей.

Бойцам отрядов специального назначения необходимо уметь владеть всеми видами оружия, водить любую технику, выживать в самых критических ситуациях, то есть спецназовцы всегда действуют на

пределе человеческих возможностей. У них, я думаю, большое будущее.

— Сейчас, когда государство и власть отвернулись от нужд и проблем военнослужащих, хотелось бы услышать ваше мнение о людях в погонах.

— Любому нормальному человеку, гражданину своей страны должно быть ясно: государство без армии прожить никогда не сможет. Тем более такая держава, как Россия. Армия — это стержень государства. Она должна быть предана народу и защищать его от любых посягательств внешнего врага. Я не специалист в военном деле и не знаю численности наших вооруженных сил. Но знаю другое: людей в погонах должно быть столько, сколько нужно. А то, что мы, простые штатские, не можем существовать

без вас, военных, это и ежу понятно.

— От какой работы оторвала вас поездка в учебный центр?

— Мы продолжаем делать одну из самых мирных передач, которая стоит в стороне и от политики, и от социальных проблем. Она — научно-популярная и просветительская. Мне кажется, в понятие “любовь к Родине”, как один из компонентов, входит и понятие “любовь к природе”. Животные, растительный мир, все, что окружает нас с вами, и есть Родина, Отчизна.

В нашей передаче есть рубрика “Животные из “Красной книги”. Это страница о редких обитателях природы. В серии “Гордость России” мы рассказываем о породах домашних животных, выведенных отечественными учеными. “Тропинка к сердцу” — также страничка о домашних питомцах, которые живут у известных людей. Очень интересно приезжать к ним в гости, наблюдать, как популярные личности раскрываются в кругу семьи, в общении с четвероногими друзьями. Приводим примеры доброго отношения к братьям нашим меньшим, поднимаем проблему бездомных животных. Дикие животные — это одно. А домашние не могут быть бездомными, они должны иметь хозяина. Наверняка и в ваших воинских частях есть прибудившиеся собаки, кошки, о которых военнослужащие как-то заботятся, подкармливают их.

— Скажите, Николай Николаевич, когда вам передачи делать было сложнее: в старые, как мы говорим, застойные времена или сейчас, в условиях коммерциализации всех сфер об-

щества, в том числе и телевидения?

— Сейчас, конечно, стало немного труднее. Если раньше, к примеру, можно было поехать в любую точку земного шара, не думая об оплате командировочных расходов, то теперь каждое движение, каждый шаг стоят денег. Бывало, в обкоме партии и машину тебе выделяют, и в заповедник отвезут. Как-то не считались с копеечкой. Сейчас же камеру взял — составь смету, на машине поехал — заплати. На телевидении появилось много новых профессий: продюсеры, директора, менеджеры и т. д., которые постоянно бегают, что-то достают, хлопчут.

А с другой стороны, стало гораздо интереснее работать, потому что появилось много проблем, которые раньше мы не могли открыто освещать. Была цензура. Она, конечно, и сейчас существует, но такая, внутренняя, что ли. Словом, творчески стало работать легче, а в финансовом отношении посложнее. Но эти проблемы решают продюсеры.

Дело в том, что наша передача отличается от некоторых других, которые делают на ОРТ, например, Макаревич, Ярмольник, Якубович. У них шоу-программы. Это означает бизнес. Там много рекламы и прочего другого. У нас никакого бизнеса нет. Зато есть поддержка со стороны руководства ОРТ. Оно понимает, что на первом канале “Останкино” должен присутствовать и просветительский компонент, очень уважительно относится к нашей передаче, к “Клубу путешественников” Юрия Сенкевича и к ряду других. Нам платят достойную зарплату, чтобы люди хорошо работа-

ли и не думали о том, где взять спонсора, как достать деньги.

— Что ж, коль речь зашла о деньгах, давайте немного помечтаем... Представьте себе, что ваши финансовые проблемы в одночасье решились. Что бы вы изменили в своей передаче? Как бы ее построили?

— Чего нам, собственно, не хватает, так это живых съемок в различных экзотических местах. Телезрители просят, чтобы мы поехали в Африку, в Австралию, Южную Америку и т. д. Кстати, в Южной Америке мне никогда не доводилось бывать. Когда меня спрашивают, где я бывал, отвечаю: “Весь мир объездил. Давайте лучше перечислю страны, где не был”. И начинаю загибать пальцы: в Японии, в Корее, в Китае, в Монголии, в Афганистане, в Иране, в Таиланде, в Бирме, в Бангладеш, в Индонезии, на Филиппинах, во Вьетнаме, в Лаосе, в Камбодже, в Польше, в Болгарии, в Румынии, в Швеции, в Норвегии, в Дании, в Бельгии, в Нидерландах, в Люксембурге...

— И какой список оказывается длиннее?

— Не знаю, не сравнивал. Поэтому если бы появились средства, то в первую очередь отправился бы в Танзанию. Одно дело, когда мы покупаем уже готовый японский или английский фильм (их оператор ходит с камерой и по-своему смотрит на животный мир), и совсем другое — когда наш зритель видит ведущего рядом со слонами, антилопами и т. д. Когда он рассказывает о них с места событий, сразу возникает ощущение присутствия, поэтому такие съемки нам нужны. Но пока их не хватает. Думаю, что как-нибудь выкрутимся.

— **А кто занимается переводом фильмов, которые вы закупаете?**

— Если покупает наша ассоциация, то адаптируем сами. Но сейчас на телевидении идет много фильмов, которые переводят различные компании. К сожалению, в таких переводах очень много ошибок. В том числе и ошибок в названиях животных. Зачастую, если они не знают названия того или иного зверька в переводе с английского, то попросту его пропускают. Народ, конечно, смотрит, но научный потенциал таких фильмов резко снижается. Дело в том, что подобные компании не берут научных консультантов, им бы побыстрее закончить работу и получить за нее деньги.

— **А ваша ассоциация, о которой вы обмолвились?**

— У нас существует такая скромная ассоциация научно-популярного и просветительского телевидения. В нее входят известные всем передачи: "Клуб путешественников", "Очевидное — невероятное", "Под знаком π" и "В мире животных".

— **Вы из категории старшего поколения профессиональных телеведущих. Как оцениваете в массе своей новых ведущих различных программ ОРТ?**

— Во-первых, я не профессионал, а любитель на телевидении. Моя основная профессия — преподаватель кафедры биогеографии географического факультета МГУ. Я биолог по образованию, сам заканчивал этот вуз. У меня, кстати, в трудовой книжке всего одна запись в графе "Место работы" — МГУ. Говорят, это плохо. Будто каждые 10 лет человек должен менять место работы. Но я, как види-

те, за 33 года так никуда и не перешел.

Во-вторых, скажу, что среди новых телеведущих есть настоящие профессионалы своего дела. Больше других мне нравятся Якубович и Пельш. В Леоиде сочетаются и раскованность, и обаяние, и чувство юмора. В то же время этот шоумен очень уважителен и к ребенку, и к пожилой даме. И Валдис при всем внешнем цирковом антураже никогда никому не грубит, не хамит, не пытается высмеять. Он всегда как-то ненавязчиво поддерживает участников передач, старается им помочь. И вне программы Пельш очень интеллигентный, высококультурный человек.

А приводить примеры телеведущих, которые не нравятся, мне не хотелось бы. Вы и сами знаете, что есть такие на которых смотреть просто нет желания.

— **Ваше отношение к популярности.**

— У меня нулевое честолюбие. Как уважающий себя человек, считаю, что мне не нужно, чтобы меня узнавали на улицах, чтобы хвалили и т. д. Когда люди начинают говорить о том, какая наша передача хорошая, я сразу прерываю и прошу высказать лучше что-нибудь критическое. Любое замечание в свой адрес воспринимаю как конструктивное предложение.

— **В апреле этого года программа "В мире животных" отметила 30-летие со дня рождения. Расскажите, пожалуйста, об основателе вашей передачи Александре Михайловиче Згуриди.**

— Згуриди — удивительный человек, замечательный режиссер. Ему сейчас 92 года. Еще работает на Центрауч-

фильме. Александр Михайлович и придумал нашу передачу. Мы с ним познакомились еще до того, как она вышла на голубой экран. Згуриди приглашал меня как зоолога консультировать тексты его фильмов.

Сначала программа была простой: два-три куска из его фильма и далее — комментарий специалиста-зоолога о том или ином животном. Сейчас все сложнее, конечно, много съемок.

— **Николай Николаевич, хотелось бы услышать от вас рассказ о каком-нибудь интересном случае, произошедшем в одной из зарубежных командировок.**

— После двух лет совместной работы со Згуриди он пригласил меня в экспедицию в Африку, на съемки фильма "Дикая жизнь Гондваны". Гондвана — это древний материк, который был на месте современной Африки. В 1971 году мы поехали туда. Командировка получилась просто потрясающей. Столько было различных приключений! Особенно со слонами.

Слон — единственное животное, которое может быть опасно даже тогда, когда ты находишься в машине. Ни лев, ни носорог ничего с тобой не сделают. Ну ударят в бампер рогом, ну помнут облицовку автомобиля и все. Слон же способен распотрошить любую машину.

... Когда мы подъехали к семейной группе слонов для съемки, Згуриди попросил меня развернуть животных в нашу сторону. У него всегда так бывало: то носорога ему поверни, то буйвола разверни. Я вылез из машины и начал покрикивать издали. Слоны слышали голос, но в основном

ориентировались по обонянию. Ветер был с другой стороны, и они повернулись к нам задом. "Так не годится", — режюмировал режиссер. Я ответил, что развернуть их невозможно, а лучше заехать с обратной стороны, из-под ветра.

Объехали на джипе кругом. Ни о какой дороге, естественно, речи быть не могло, потому что находились в саванне. Везде кочки, термитники, упавшие стволы деревьев. Наконец слоны к нам развернулись. В крыше автомобиля открылся люк, появился оператор с камерой и начал снимать. Вдруг я вижу, как маленький слоненок отделился от стада и с поросычьим повизгиванием направился к нам. Малыш оказался очень любопытным. Слоניה, испугавшись за своего детеныша, обогнала его и побежала в сторону нашего джипа. Водитель, местный африканец, заметив это, тут же ударил по газам и погнал по кочкам. Представьте себе такую картину: Згуриди сидит, испугавшись, рядом с шофером впереди, бледный оператор, зацепившись в камеру, высунулся из люка, а я через заднее стекло наблюдаю, как слониха пытается прихватить его хоботом. Оператор же боится опуститься вниз, потому что жалко дорогую импортную камеру.

— **Этот момент, конечно, он заснять не успел?**

— Нет. Главное было ноги унести. Если бы мы где-то за что-то зацепились и остановились, то слониха с нами расправилась бы по всем законам дикой жизни Гондваны. Спасибо водителю. Огромное животное вскоре отстало от нас, и Александр Михайлович в шутку поинтересовался у оператора: "Ну как, ты снял что-нибудь?" Наверное, догадыва-

етесь, что тот ответил с испугу.

— **У вас дома есть какая-то живность?**

— Раньше много держал различных зверьков, птиц. Особенно любил змей. Сейчас из-за обилия поездок не могу себе этого позволить. У меня живут только пауки-птицееды и скорпионы.

— **В одной из передач "Поле чудес" вы из-за паузи вытащили двух змей, чем вызвали страшное негодование Якубовича. Леонид Аркадьевич действительно не ожидал такого поворота событий или он просто профессионально сыграл испуг при виде пресмыкающихся?**

— Я даже не предполагал, что он так боится змей. Заранее никого не стал предупреждать о том, что у меня находится за пазухой. Все-таки эффект неожиданности всегда должен присутствовать в телепередачах, особенно развлекательных. Когда же вытащил змей, Якубович весь затрясся. Это было так естественно, что у меня нет оснований обвинять Леонида в неискренности.

— **Несколько слов о Московском зоопарке. Его отреставрировали, красиво все сделали. Скажите как специалист, действительно ли условия содержания животных там сносны?**

— Сейчас Московский зоопарк поднялся до уровня хороших европейских зоопарков. И не только для посетителей там все здорово выглядит. Для животных тоже создали все необходимое. Один из показателей того — очень многие животные стали размножаться. Если это происходит, значит, все в порядке. Потому что в отличие от людей звери в пло-

хих условиях размножаться не могут.

— **Благодарю вас, Николай Николаевич, за интересную беседу, желаю вам творческих успехов в подготовке новых интересных передач. И обязательно в этом году побывать в Танзании.**

— Спасибо.

Беседовал майор
Геннадий ШАХОВ
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

АНЕКДОТ

ОТ ЮРИЯ СЕНКЕВИЧА:

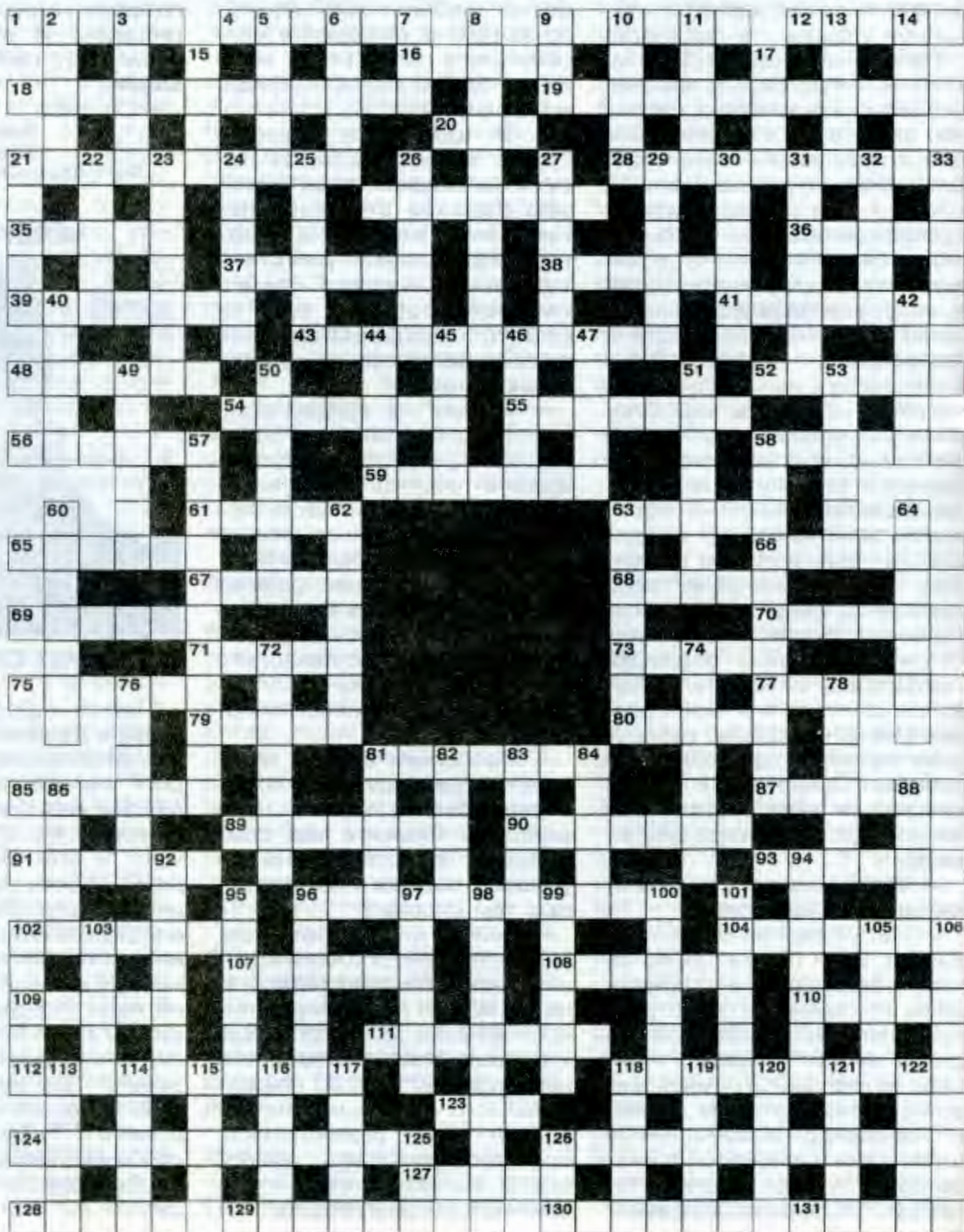
"Песков и Дроздов объелись плова в Средней Азии, оба отвалились и лежат. Коля говорит: "Хорошо-то как, Василий Михайлович! А кем бы вы хотели сейчас быть?" Песков отвечает: "Я хотел бы быть министром". "Каким министром?" — интересуется Дроздов. "Ну, министром печати, к примеру. Денег много платят, машину служебную дают. И делать ничего не надо. Хорошо! А ты, Коля, кем бы хотел быть?" "А я, Василий Михайлович, хотел бы быть змеей!" "Как змеей? — недоумевает Песков. — Что ж тут хорошего?" "Так ведь змея особенное существо, — отвечает Дроздов. — Она лежа ходит...""

СУПЕРКРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Город в Эстонии. 4. Заведующий корабельным имуществом. 9. Деятель Великой французской революции. 12. Пьеса А. Штейна. 16. Река в Чехии. 18. Самолет для взлета с воды. 19. Советский композитор. 20. Угнетающая, поражающая сила. 21. Поселок в Белгородской области, возле которого произошло самое большое танковое сражение. 28. Советский военачальник, главный маршал бронетанковых войск. 34. Полный кавалер ордена Славы, старшина, в войну снайпер полка. 35. Картонная обложка для документов. 36. Воинское звание старшего офицерского состава в России. 37. Утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом. 38. Депутат Госдумы России, председатель Комитета по обороне. 39. Вооруженные силы фашистской Германии. 41. Советский авиаконструктор. 43. Прекращение сопротивления вооруженных сил в ходе боевых действий. 48. Советский ученый в области телевидения. 52. Часть территории государства, окруженная со всех сторон территорией других государств и не имеющая морского берега. 54. Верхняя часть крепостного вала, прикрытая спереди бруствером и предназначенная для расположения артиллерийских орудий. 55. Судовая цистерна для перевозки жидкого топлива. 56. Советский летчик-испытатель, совершивший ряд беспосадочных перелетов. 58. Первичное воинское звание в армиях мно-

гих государств. 59. Картина М. Грекова. 61. Река в Нижегородской области. 63. Маршал Советского Союза, во время Курской битвы командовал Степным фронтом, находящемся в резерве Ставки Верховного Главнокомандующего. 65. Роман Г. Коновалова о великой русской реке Волге.

66. Советский кинорежиссер и сценарист, поставил кинофильмы "Они были первыми", "Добровольцы" и др. 67. Оптическое стекло в форме чечевицы, используемое в прицелах, биноклях и т. д. 68. Состояние скорби по умершему, выражающееся в чем-либо (одежде и т. п.). 69. Длинный

нож для уборки сахарного тростника. 70. Система мероприятий по обеспечению сохранности чего-нибудь. 71. Простейшая грузоподъемная машина, состоящая из барабана с ручным приводом и каната или цепи. 72. Древнегреческий историк (V в.), автор краткой истории Римской империи от Августа (1 век до н. э.) до взятия Рима Аларихом I (640 г.). 73. Посол Великобритании в СССР в начале второй мировой войны (1940-1942 гг.). 74. Время, предоставляемое военнослужащим для отдыха и лечения с освобождением от исполнения служебных обязанностей. 75. Один из нацистских преступников, командовавший в 1943 г. группой армий "Центр". 76. Название тканей и кожи, имеющих ворсовую бархатистую лицевую поверхность. 77. Главный герой рассказа М. Шолохова "Судьба человека". 78. Военское подразделение, назначенное для охраны и сопровождения арестованных или осужденных лиц. 79. Маршал Советского Союза, с 1963 по 1972 г. - главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения. 80. Автор романа "Память земли". 81. Человек, обученный стрельбе из различных видов оружия. 82. Рубяще-колющее оружие у народов Ближнего и Среднего Востока. 83. Кинжал с острым и тонким лезвием. 84. Юноша допризывного возраста, не прошедший приписку к призывному пункту. 85. Ручное индивидуальное автоматическое огнестрельное оружие. 86. Способ ведения морского боя во времена парусного и грешного флотов. 87. Немецкий адмирал, наиболее агрессивный и реакционный морской министр в 1916 г. 88. Лицо, принятое на военную службу по воинской повинности или найму. 89. Орган военной разведки и контрразведки фашистской Германии, образованный в 1919 г. 90. Деревянное здание легкой постройки. 91. В крепостных сооружениях - закрытый ход сообщения, коридор под землей. 92. Род войск. 93. Российский конструктор стрелкового оружия. 94. Система условных сокращенных обозначений и названий, применяемых для передачи информации. 95. Получение разведывательных данных путем фотогафрирования. 96. Маршал Советского Союза. 97. Переносная коротковолновая приемно-передающая радиостанция. 98. Одна из фигур пилотажа. 99. Город-герой. 100. Старинное метательное копье на коротком древке. 101. Богиня войны и победы в древнегреческой мифологии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Рабочий орган зерноочистительных машин. 3. Взрывчатое вещество. 5. Советский авиаинженер. 6. Место для отдыха и багажа в железнодорожном вагоне. 7. Австрийский писатель, автор романа "Бунт" о жизни Европы после первой мировой войны. 8. Румынский живописец, автор батальных композиций ("Штурм Смырдана" и др.). 9. Автор романа "Волоколамское шоссе". 10. Река на юге Германии. 11. Начальный момент взлета летательного аппарата или полета ракеты.

12. Непременный атрибут солдата на войне. 13. В некоторых иностранных военных флотах - небольшое военное судно, предназначенное для разведывательной и посыльной служб. 14. Древнегреческое название реки Дунай. 15. Повесть Б. Васильева "А... здесь тихие...". 16. Советский военачальник, командовал во время Курской битвы Брянским фронтом. 17. Решительное действие по отражению нападения противника. 18. Приспособление для обматывания во время жары. 19. Условное наименование наземных станций на территории страны, обеспечивающих космической связью. 20. Холодное колющее оружие, предмет форменной одежды моряков-офицеров. 21. Река в Албании. 22. Происшествие, которое влечет за собой повреждение или разрушение военной техники. 23. Административно-территориальная единица в Болгарии в 1947-1969 гг. 24. Представитель крупного промышленного и финансового капитала. 25. Командир партизанского соединения. 26. Административно-территориальная единица в России, входит в состав области, края. 27. Процесс быстрого освобождения большого количества энергии в ограниченном объеме. 28. Первый в мире ледокол. 29. Способ ведения военных действий по овладению крепостью или укрепленным городом. 30. Река в США, правый приток Миссури. 31. Самодвижущаяся машина на базе трактора или грузового автомобиля. 32. Русский писатель, автор романа "Два жизни". 33. Опорная часть оси, вала. 34. Неотъемлемая часть автомобиля, мотоцикла, велосипеда. 35. Маршал Советского Союза, командующий Воронежским фронтом в период битвы на Курской дуге. 36. Военно-политический блок государств Англии, Франции и России в ходе первой мировой войны. 37. Кодовое наименование плана операции Донского фронта по разгрому вооруженной группировки фашистских войск под Сталинградом в 1943 г. 38. Представитель Ставки Верховного Главнокомандующего по координации действий всех фронтов в ходе Курской битвы. 39. Военно-морская база России на Кольском полуострове. 40. Оперативно-тактическое соединение военных кораблей разных классов. 41. Роман П. Павленко. 42. Кодовое наименование плана Орловской операции в 1943 г. 43. Военнослужащий, подающий сигналы на горне. 44. Остров в Индийском океане, входящий в группу Маскаренских островов. 45. Антифрикционная смазка, используемая в автомобилях, бронетранспортерах, танках. 46.

Героический, самоотверженный поступок. 47. Поселок в Курской области, где произошло крупное сражение в период Курской битвы. 48. Город на севере Турции, порт в Чесменском море. 49. Чертеж участка местности, отображающий ее важнейшие элементы. 50. Необходимый атрибут при подводном плавании. 51. Приспособление в виде массивного крюка, применявшееся в древности для разрушения крепостных стен. 52. Внутренняя опорная часть предмета, на которой укрепляются другие его части. 53. Форма охраны личных и имущественных прав недееспособных граждан. 54. Военское звание высшего офицерского состава в военно-морском флоте России. 55. Духовой мундштучный музыкальный инструмент. 56. Должность или ранг дипломатического работника. 57. Фронтальная песня А. Новикова на слова Л. Ошанина. 58. Норма обеспечения продуктами людей и фуражом животных на определенный срок. 59. Роман-трилогия О. Гончара. 60. Река в Тамбовской области, правый приток Хопра. 61. Город в Белгородской области, откуда началось наступление советских войск в ходе Курской битвы. 62. Название боевых машин реактивной артиллерии, применявшихся в Великой Отечественной войне. 63. Решительный момент наступательных действий войск. 64. Устаревшее название солидола. 65. Древнеперсидская золотая монета, чеканившаяся при Дарии I (около 516 г. до н. э.). 66. Река в Грузии. 67. Маршал Советского Союза, дважды награжден высшим военным орденом "Победа". 68. Малочисленный народ, живущий в Ленинградской области. 69. Река во Франции, левый приток Сарты. 70. Город в Ростовской области - центр партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. 71. Город в провинции Намдо (КНДР). 72. Высококалорийный напиток. 73. Название города Георгию-Девя в Воронежской области в 1943-1965 гг. 74. Снасть судового бегучего такелажа для управления парусами. 75. Имя Верховного Главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 76. В древнегреческой мифологии охотник-великан. 77. Сокращенное название "Американской административной помощи", созданной в 1919 г. для оказания поддержки европейским странам, пострадавшим в первой мировой войне. 78. Договор, соглашение в Древней Руси.

Составил
ЕВГЕНИЙ КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Корма. 2. Кольцо. 3. Рава. 4. Пернач. 5. Лобзик. 6. Василевский. 7. Бухва. 8. Курок. 9. Объялик. 10. Завно. 11. Ботик. 12. Иго. 13. Инвастика. 14. Вентилятор. 15. Бухвальц. 16. Катлинская. 17. Уфа. 18. Лера. 19. Рокот. 20. Оборона. 21. Кузов. 22. Варф. 23. "Истребители". 24. Гребин. 25. Тендер. 26. Вит. 27. Радио. 28. Рельс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Конья. 2. Артиллерия. 3. Кожанников. 4. Отбой. 5. Приказ. 6. Число. 7. Ликор. 8. Кудрик. 9. Валт. 10. Александров. 11. Котельников. 12. Капер. 13. Окинава. 14. Баталер. 15. Ней. 16. Руч. 17. Бл. 18. Ош. 19. Бнях. 20. Дубосеково. 21. Калориметр. 22. Якорь. 23. Лизинг. 24. Термор. 25. Октав. 26. Агит. 27. Инбар. 28. Износ.

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

доне, на котором занял первое место, заночевал на одной из почтовых станций. Почтмейстер, не подозревая, что перед ним сильнейший шахматист мира, стал обучать его игре в шахматы и предложил сыграть несколько партий, давая ему фору — ферзя. Андерсен согласился и... проиграл все партии.

— Я удивляюсь, — сказал почтмейстер, — Вы решительно не делаете успехов.

— Без ферзя-то играть легче, — ответил Андерсен, — не приходится все время думать — как его уберечь.

Они поменялись ролями, Андерсен давал своему противнику ферзя вперед и выигрывал партию за партией.

Почтмейстер был потрясен! Неужели без ферзя действительно легче играть?!

Правило выручило

В одном из турниров, игравший белыми взял за ладью и хотел взять черную пешку, но неожиданно заметил, что это ведет к проигрышу, а ход королем выигрывает партию. Что делать? И он не растерялся, сделал невозможный ход: 30. Ле2—d5?! Согласно правилам, невозможный ход должен быть возвращен, а вместо него сделан штрафной ход и только королем. Этого и потребовал его противник. Возвратив ладью на прежнее место, белые пошли королем и выиграли. Такой была хитрость.

Свист на Олимпиаде

На XVI Олимпиаде 1964 года Ботвинник, играя с испанским мастером Гарсия Мединой, обратился к капитану нашей команды гроссмейстеру Котову:

— Мой противник не дает мне сосредоточиться, он все время свистит.

Котов сразу же обратился к капитану испанской команды. Тот выслушал Котова и, сокрушенно покачивая головой, сказал:

— Плохо дело! Медина начинает свистеть, когда его позиция совершенно безнадежна!

№ 24

Мат в 3 хода

№ 24

Мат в 4 хода

№ 25

Мат в 5 ходов

ПРОСТО ПАРАДОКСАЛЬНО

Простота с долей парадоксальности есть важнейший признак подлинного искусства.

В № 23 после 1. Фе2! цугцванг. 1...Cc3 2. Фf2! с угрозой 3. Фf5X, от которой спасает только 2...d5, но 3. Фb6X! Такая же игра при 1...C:g3 2. Фd2 — 3. Фd5X, 2...f5 3. Фh6X! Еще варианты: 1...f5 2. Ф: h5 fe 3. Фf7X, 2...Kpf6 3. Фh6X, 1...d5 2. Ф: b5 de 3. Фd7X!, 2...Kpd6 3. Фb6X. Если 1...h4, то 2. Фg4+ f5 3. Фg6/:f5X. Ложные следы: 1. Фh2? f5 2. Фа7 Kpf6 3. ?, 1. Фh2? d5! Таково содержание.

В № 24 реализована идея засады: 1. Cb5! Kph5 2. Cf1!! Kph4 3. g3+ Kph5 4. Ce2X! Решение № 25 также просто, надеемся, оно будет найдено нашими читателями без труда.

Любителям гетеродоксов предлагаем решить.

№ 26. Kpg8, Фе8, пп. с6, h7(4), — Kpd3, Фс2, ld8, Ке2, пп. b3, с7, e6, g6, h6(9), кооперативный мат в 3 хода.

№ 27. Kph8, Фе2, Cg8, Кс8, пп. a3, с4, h7(7) — Кра5, Фа8, пп. a4, a6(4), обратный мат в 4 хода.

АФОРИЗМЫ ТАРТАКОВЕРА

Талантливый гроссмейстер Тартаковер Савелий Григорьевич (1887—1956) вел активную журналистскую

деятельность, печатался во многих шахматных журналах. Тартаковер в шутку говорил, что он лучший журналист среди шахматистов и лучший шахматист среди журналистов. Прославился же он остроумными афоризмами, многие из них стали знаменитыми. Приводим некоторые из них.

В шахматах есть только одна ошибка — переоценка противника.

Только сильный знает, как слабо он играет.

В шахматах учатся лишь путем ошибок.

Шахматная партия — это сказка из тысячи и одной ошибки.

Бывают неудачные победы и славные поражения.

Угроза опаснее ее выполнения.

Выигрывает не тот, кто играет хорошо, а тот, кто играет

лучше.

Часто только с эндшпиля и начинается партия.

Тот, кто отваживается, должен проиграть. Тот, кто не отваживается — проигрывает.

Если королевский гамбит — прыжок в пропасть, то ферзевый гамбит — прыжок в канаву.

Красивая комбинация есть возможная невозможность. Ошибки существуют для того, чтобы их делать.

Инициатива есть и всегда останется душой партии.

Тихий ход часто подобен землетрясению.

Контратака никогда не бывает преждевременной.

ШАХМАТНЫЙ ЮМОР

Ферзь только мешает Адольф Андерсен (1818—1879), возвращаясь домой с шахматного турнира в Лон-

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

("На боевом посту" № 6, 1998)

№ 19. Kpf4, Cg5, Kf6, Kh5(4) — Kpg5, пп. с4, f7(3), мат в 4 хода. 1. Kpg4 с3 2. Cc1 с2 3. Kpf4 Kph6 4. Kpf5X!

№ 20. Кра5, Ca3, Kf4, пп. b2, e3(5) — Kpc4, пп. b3, d6(3), мат в 5 ходов. 1. Kpb6 d5 2. Cc5 d4 3. e4 d3 4. Kg6 d2 5. Ke5X!

№ 21. Кра3, Фh1, ld6, Ca2, Ca7, пп. a4, e5, f6(8) — Kpc5, Lb6, Kd8, пп. b7, f7, h7(6), обратный мат в 4 хода. 1. Фh6! Kc6/e6 2. Фе3+ Kd4 3. Фf2 h6/h5 4. Фе2+ K:c2X!

№ 22. Kpg2, Лe2, Ce3, Kb5(4) — Kрe4, Cc1, Kд5(3), кооперативный мат в 3 хода. 1. Kpf6 C:g5! 2. C:g5 Kd6+ 3. Kpf4 Le4X!

Редакция журнала «На боевом посту»
предоставляет всем желающим
услуги по размещению рекламы
на страницах своих изданий

НАША

РЕКЛАМА —

ВАШ ДОХОД

Цветная полоса в журнале
«На боевом посту»

— 5,5 тысячи рублей

Последняя цветная полоса
обложки

— 7,5 тысячи рублей

Черно-белая полоса в журнале
и газете «Ситуация»

— 2,5 тысячи рублей

**При одновременном размещении
рекламы в журнале и в газете,
а также повторном размещении рекламы
предоставляется скидка до 20 % от первоначальной
стоимости**

Заказывайте наручные часы
в Научно-производственной фирме
«ВОСТОК-ДИЗАЙН»

Только для вас!

- мелкие партии
- по цене больших заказов
- портретные часы
- часы в наградной фонд
- часы к памятным датам
- самые низкие цены
- двойная гарантия
- подарочные
аксессуары

г. Москва,
Гончарная наб., 9

Тел.: 912-01-02

факс: 912-00-30

Internet-адрес

www.microdia.ru/vostok

Защищено патентом Российской Федерации

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Индекс для индивидуальной подписки — 70610

Индекс для предприятий и организаций — 73175

Закон есть. А статус?

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Ситуация

Издается с апреля 1990г.

• ФАКТЫ
• СОБЫТИЯ
• КОММЕНТАРИИ

№ 11 (339) • МАРТ • 1998г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМУ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ЖУРНАЛУ "НА БОЕВОМ ПОСТУ" ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МОД РОССИИ

...ная... о главном

ГРАНИЦА НЕ ЗНАЕТ ПОКОЯ

Индекс — 50157

...дробности...
...аталоге...
...СПЕЧАТИ...

Крупным планом

Университеты полковника Чумаченко

еще раньше? — А раньше... Родился Чумаченко в семье офицера. Потомственный военный. Так что дальнейшую судьбу вроде бы не выбирал. Она его выбрала. Да и как, скажите, иначе, если сизмалства мотался по гарнизонам. Мальчишкой просылался со звуком полковой трубы, засыпал счастия, по армейскому распорядку дня И слушая рассказы отца, фронтовика-таежника, уже не видел для себя... служба в Воору...

В кого под Ерик от за вени

П для з Обья пожа вали ного увид рвул А. На ривш вые ние и пр обко, случ ным

ПРИЛОЖЕНИЕ К ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМУ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ЖУРНАЛУ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МОД РОССИИ

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Индекс — 73515

Войсковой Вестник

СБОРНИК УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ 1-98